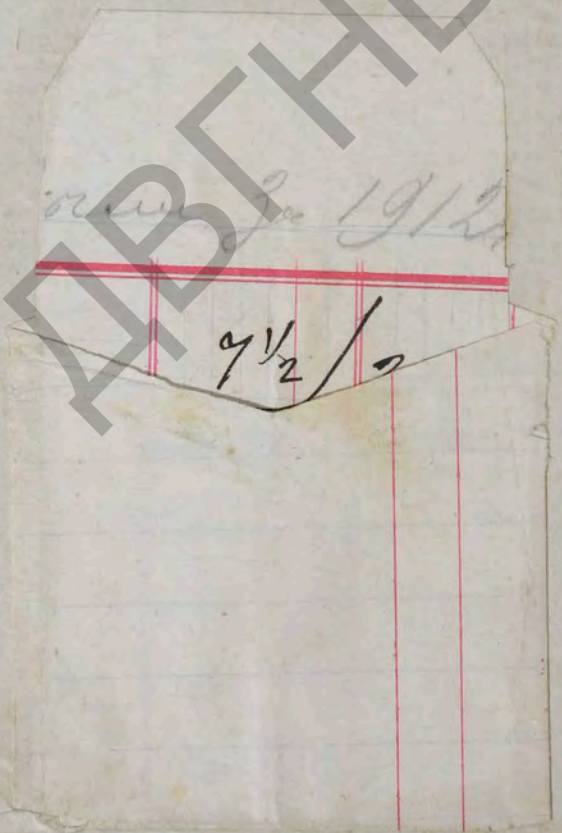
ХХIII. 4а
А-63

ДВГНБ

ЭР03159

ДВГНБ

ЭР03159

ДВГНБ

ЭР03159

ДВГНБ

ЭР03159

А. В. АМФИТЕАТРОВЪ.

рф XXIII, 4а
А-63

Разговоры по душѣ.

ПРОВЕРЕНО
891
017
2147786
2115
19170
891.7
А63
ДВГНБ
ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
МОСКВА, МОХОВАЯ,
Д. БЕНКЕНДОРФЪ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. Д. ДРУТМАНЪ.

ДВ
государственная
научная библиотека
ЭР03159

Прошнуровано
19 г.

Пр
1940 г.

ДВГНБ

Типо-литографія Товарищества **Владиміръ Чичеринъ**, въ **Москвѣ**.
Марьинскій участокъ, соб. домъ.

ЭР03159

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Нарочная жизнь	5
II. Веревка повѣшеннаго	19
III. О Максимѣ Горькомъ:	
1. „Лѣто“	29
2. Горькій и сплетня	45
3. Perpetuum mobile	53
IV. О Сашѣ Черномъ	59
V. О Леонидѣ Андреевѣ:	
1. „Анатэма“	74
2. Отвѣтъ на интервью	85
3. Отвѣтъ „Читателю“	101
VI. Замѣтки о Чеховѣ:	
1. 17 января 1860 г.	128
2. О письмахъ Чехова	136
3. Памятки	149
VII. Записная книжка: „Пѣснь пѣсней“.—Розановъ.—Василій Васильевичъ въ сердцахъ.—Рецептъ, какъ сдѣлаться критикомъ.—Форумъ.—В. Д. Ахшарумовъ.—Чюмина.—Башкинъ.—Кусковъ.—„Царь природы“.—„Аполлонъ“.—Дуэли.—О россійскомъ юморѣ.—О Тарновской.—Коммиссаржевская и Мартыновъ.—Ромеръ.—Порча языка.—„Горы“.—Романсъ.—„Свѣтъ“.—Провъ Садовскій и Шаляпинъ.—Епископъ Михаилъ.—„Дѣти черты“	160
VIII. Святочные разсказы:	
1. Отъ чистаго сердца	243
2. Магъ и бѣсъ	256
3. Контрактъ съ сатаной	260

ЭР03159

ДВГНБ

ЭР03159

Нарочная жизнь.

О покойномъ поэтѣ Апухтинѣ, кубическомъ толстякѣ, разсказываютъ, будто, при видѣ его, одна маленькая дѣвочка прижалась къ матери и спросила въ испугѣ:

— Мама, это человѣкъ или нарочно?

Каждое утро, еще въ постели, просматриваю пять-шесть русскихъ газетъ и, хотя я не „маленькая“ и не дѣвочка, отравляюсь отъ нихъ испугомъ на цѣлый день:

— Это жизнь или нарочно?

— Факты или „такъ“?

— Люди или рябь въ воздухѣ?

А вѣдь я не пессимистъ и не мизантропъ. О, нѣтъ! все, кромѣ этого! Горжусь репутаціей неунывающаго россіянина и человѣка жизнерадостнаго. Она справедлива. Люблю жизнь и радъ жизни. „Ты жилъ—я также могъ бы жить!“—для меня, можетъ-быть, самый сильный стихъ во всей русской поэзіи. Оглядываясь на свои 47 годовъ,—то-есть на двѣ-то трети ужъ навѣрное, а, весьма вѣроятно, и три четверти, а, можетъ-быть, и пять шестыхъ, а, не равенъ часъ, и девять десятыхъ всего куска жизни, отпущеннаго матерью-природою на долю мою,—первое чувство, которое ощущаю—великое волненіе благодарности. Видишь себя въ потокѣ такой цестрой и бурливой быстроты, что радостно духъ захватываетъ: экъ, какъ летѣлось!... Столько жилось, что иной разъ, всматриваясь въ отшедшія горя и радости, въ тревоги и покои, самого себя не узнаешь и удивляешься: да, полно, я это былъ или не я?... Еще сегодня прочелъ, что въ Москвѣ прощалась съ публикой бенефисомъ, наградным за двадцать лѣтъ

ЭР03159

службы, пѣвица Л. Ю. Звягина. Слова-то какія: прощальный... двадцать лѣтъ... пятая часть вѣка! Да неужели же, въ самомъ дѣлѣ, пятая часть вѣка ушла съ тѣхъ поръ, какъ я, непозволительно молодой, и Лидія Юрьевна, еще болѣе молодая, стояли трепетными дебютантами на сквернѣйшей сценѣ полуразвалившагося тифлисскаго стараго театра, изображая въ „Фераморсѣ“ Рубинштейна—она, въ бѣломъ тюрбанѣ, рѣзвую Хафизу, я, въ желтомъ халатѣ и ровно вдвое выше ея ростомъ, благороднаго Хозру,—и пречувствительно пѣли дуэтомъ:

Ты не хочешь даже
Слова мнѣ сказать,
На меня суро-о-о-вый
Бро-осила взглядъ...

Vorbei sind Kinderspiele und alles rollt vorbei!..—тосковалъ объ уходящей жизни молодой Гейне, но старый Гете, устами еще старѣйшаго Мефистофеля, отвѣтилъ:

— Vorbei? Ein dummes Wort!

Нѣтъ „прошлаго“, ибо жизнь—непрерывность.

Я смолоду иногда, будто припадками, боялся смерти, лѣтъ этакъ до двадцати трехъ — съ рецидивами, пожалуй, даже до двадцати пяти. Теперь я понимаю В. В. Стасова, который, по восьмому десятку лѣтъ, отвѣчалъ Л. Н. Толстому, тоже близкому тогда къ годамъ этимъ, на вопросъ, какъ онъ думаетъ о смерти:

— А чего мнѣ о ней думать? Никакъ не думаю. Некогда мнѣ о ней думать.

Толстой возразилъ, съ большою деликатностью, но не безъ прозрачной морали, что на мысли о смерти наводитъ уже самъ по себѣ преклонный возрастъ, и въ извѣстные годы не лишне повѣрить себя: готовъ ли къ столь важному переходу? Тогда Стасовъ выпрямился во весь свой громадный ростъ, размахивая бородищею и ручищами, и зашумѣлъ всею бурею знаменитаго своего трубнаго баса:

— Очень надо мнѣ къ ней готовиться! Боюсь я, что

ЭР03159

ли, ея, курносой? Пускай она ко мнѣ готовится, если ей нравится! Готовьтесь, если ея боитесь, а мнѣ—ради нея дѣла своего не замедлять. Помру, какъ всякій другой. Вотъ вамъ и все приготовленіе.

Извѣстно, что этотъ бодрый старый кряжъ человѣческій сдержалъ свое обѣщаніе. До послѣдней минуты своей онъ не заботился о надвигающейся смерти и „жилъ“ полнымъ темпомъ слова „жизнь“, не истративъ драгоцѣнной мысли ни на что, кромѣ любви къ жизни зримой, осязаемой, чувствуемой, познаваемой въ трехъ измѣреніяхъ положительною наукою и реальнымъ искусствомъ: къ землѣ, какъ землѣ, къ человѣку, какъ человѣку. Стасовъ умеръ среди работъ своихъ безстрашно и просто, какъ Фаустъ, застигнутый „мгновеніемъ“.

Въ вѣрѣ своей я твердъ. Гамлетовъ монологъ не для меня писанъ. Знаю, что будетъ скверно, больно, тоскливо, можетъ-быть, и страшно, — помру. Потомъ земля или огонь, которыхъ я не почувствую, медленно или быстро разложатъ составъ мой на химическія части, названія которыхъ я, при жизни, такъ и не успѣю, должно-быть, заучить. Подхватитъ ихъ великій творческій потокъ міровой матеріи, никогда не отдыхающій, никогда не прерываемый, и какъ-то, когда-то, гдѣ-то, куда-то, зачѣмъ-то, опять, по механикѣ своей, повыброситъ ихъ, смѣшанною розницей, въ очередь смѣняющихся бытій... Базаровскій лопухъ вырастетъ? И превосходно. И лопухъ—бытіе. И еще какое сочное, зеленое бытіе! „Я“ прекращусь, „меня“ не будетъ? А на что оно нужно, чтобы „я“ вотъ такъ ужъ непремѣнно и былъ бы, и былъ, и былъ, и что за великое блаженство просидѣть аредовы вѣки безсмертнымъ визави съ самимъ собою?

Многіе живутъ лѣтъ сто,
А кому ихъ надо?

говоритъ нѣкій удивительный поэтъ изъ мѣщанъ въ превосходномъ новомъ романѣ Максима Горькаго „Городъ Окуровъ“. А недавно очень понравились мнѣ образ-

ЭР03159

ныя слова И. Е. Рѣпина:—Вы представьте, что вышли вы на улицу, а мимо васъ несутъ трехсотлѣтняго Ивана Грознаго. Развѣ можно было бы жить послѣ этого?... Скажутъ: не все же Иваны Грозные, былъ бы и трехсотлѣтній Скопинъ-Шуйскій, что ли? — „А кому ихъ надо“ — трехсотлѣтнихъ-то — все равно — добродѣтельныхъ ли, злыхъ ли? Сейчасъ человѣкъ и трехъ четвертей вѣка обычно не живетъ, да и то въ послѣднюю четверть преизрядно современности своей надоѣдаетъ и становится въ ней, если даже не врагомъ, то лишнимъ, если не лишнимъ, то, во всякомъ случаѣ, постороннимъ.

Я люблю жизнь и люблю человѣка во всесторонности жизни. Прекрасная звѣрина человѣкъ — умная и благородная, и правъ Максимъ Горькій, гордое это зрѣлище, какъ дивно человѣкъ себя усовершенствовалъ и сколь огромно много изъ себя сдѣлалъ. И потому-то именно такъ оскорбительны, въ историческомъ круговоротѣ жизни, полосы, когда человѣкъ, вдругъ, начинаетъ эпидемически сбиваться съ шагу своей эволюціи, одурманивается дыханіемъ смерти, утрачиваетъ гордую память того, что онъ былъ и что сталъ, теряетъ вѣру въ свою жизнеспособность и міровую побѣду, обрѣтаетъ суевѣрія, ищетъ и выдумываетъ несуществующихъ господъ, которымъ бы подарить подъ отвѣтственную опеку свое стонущее „я“. Бытіе, смятенное и оробѣлое, проситъ у небытія милостей противъ законовъ природы и,—конечно, не находя, ибо льготъ и потворствъ въ желѣзной конституціи міра не существуетъ,—начинаетъ выть въ отчаяніи, либо молитвенномъ, либо ругательномъ, но одинаково напрасномъ. Въ переживаемую нами эпоху эпидемія смертнаго страха разыгралась, къ сожалѣнію, чрезвычайно широко: наполнила литературу, запугала общество и тормозитъ жизнь, гоня по тропамъ ея толпы именно тѣхъ фантастическихъ представленій и искаженныхъ образовъ, встрѣча съ которыми у человѣка въ здравомъ умѣ и твердой памяти вырываетъ траги-комическій вопль:

— Это въ самомъ дѣлѣ такъ или нарочно?

ЭР03159

Россія пережила великій испугъ страшной и сложной катастрофы, тѣмъ болѣе мучительной, что,—обстоятельства показали, — наступила она, не дозрѣвъ, и нарывъ ея остался измятымъ, исцарапаннымъ, но не вскрытымъ. Былъ кризисъ, — перемогся организмъ, рѣшительный пароксизмъ замялся, но не кончился, а только угрожающе отступилъ въ сторону—ждать. Кризисъ былъ, но лизиса не воспослѣдовало. Нѣтъ и облегченія отъ испуга предъ кризисомъ—не только того радостнаго облегченія, которое у постели тяжело больного чувствуютъ близкіе люди—когда врачъ радостно говоритъ имъ: ну, теперь болѣзнь пойдетъ не къ смерти, а къ славѣ Божіей!—но и того угрюмаго, когда консультація приговариваетъ больному ad exitum letalem. Ибо — даже получить ударъ обухомъ по головѣ, все же, лучше, чѣмъ — беззащитному — чувствовать взмахъ обуха надъ головою. Взмахъ растянулся уже на пять лѣтъ, обухъ виситъ невидимкою гдѣ-то внѣ времени и пространства, но онъ есть, его чувствуешь, его ждешь, а онъ виситъ себѣ, да виситъ въ заоблачныхъ мглахъ и мучитъ выжиданіемъ удара: полнымъ сознаніемъ его непремѣнности и еще полнѣйшимъ незнаніемъ хотя бы его приблизительности въ срокѣ, мѣстѣ, силѣ.

Генрихъ Гейне далъ намъ красивый образъ, какъ дѣти, оставшись впотьмахъ, запѣваютъ пѣсни, чтобы заглушить страхъ свой. Это бываетъ и со взрослыми обществами. Русская интеллигенція, очутившись—послѣ короткаго взрыва молній—въ глухой и черной темнотѣ, душной неразрѣшившимся скопомъ электричества, даже не поетъ сейчасъ, а прямо-таки горланитъ со страха, кто во что гораздъ, и вѣнчаетъ коллективными восторгами рѣшительно каждую индивидуальность, которая въ разноголосомъ и незрячемъ хорѣ этомъ взвизгнетъ залихватскую нотку повыше, погромче, почуднѣе, позаористѣе. Ибо даже старинное „мовчать, бо благоденствуютъ“ отжило свой вѣкъ, и теперь общественный слухъ внимаетъ всего тревожнѣе именно молчаніямъ,

ЭР03159

зная по опыту, что они таятъ подъ собою не „благоденствіе“, но умертвіе. Слушаютъ человѣки черное время и въ тоскѣ ломаютъ моляшія руки:—Кто-нибудь! Какъ тебя тамъ и кто бы ты ни былъ! Визжи, пищи, кривляйся, ломай дурака, показывай бѣсовское дѣйство, стучи жасминнымъ тирсомъ—только звучи—подавай знакъ, что мы не одни въ ужасной темнотѣ, и трепещутъ въ ней, кромѣ насъ, еще какія-то, пусть даже уродливыя, нелѣпыя, шутовскія, но живыя силы. Хоть кабакъ, да не склепъ, хоть публичный домъ съ погашенными огнями, да не кладбище.

И—навстрѣчу спросу спѣшитъ предложеніе. Въ отвѣтъ ужасамъ общественнаго мрака гремитъ выразительный хаосъ искусственнаго хохота, поддѣльныхъ пѣсенъ, преувеличеннаго топота насильно пляшущихъ ногъ, театральнаго визга ряженыхъ нимфъ и силеновъ... гамъ, крикъ, хороводы, калейдоскопъ линій и красокъ, буйные звуки растутъ, какъ въ оранжереяхъ на грѣлкахъ тропическіе цвѣты. На минуту любопытно, затѣмъ—и жутко, и грустно, и часто весьма противно, а все вмѣстѣ сливается въ общемъ впечатлѣніи глубокой, но—по справедливости—не безгнѣвной жалости:

— Несчастная страна! Несчастное общество! Несчастная эпоха!

„Пиръ во время чумы“ до того уже затрепанъ сравненіями, что я попробую обойтись какъ-нибудь безъ него, тѣмъ болѣе, что величественный романтизмъ столь важной особы, какъ „царица грозная чума“ у насъ не вытанцовывается въ приличествующей степени, и, вмѣсто пировъ во время чумы, неизмѣнно получаются лишь „танцклассы по сосѣдству съ холернымъ баракомъ“. Козлиные прыжки поющаго и хохочущаго испуга—судорога сардонической агоніи—пришлись по вкусу не только обществу, зрящему въ нихъ рецептъ самоутѣшенія. Они и правительству полюбились, и въ цензурѣ нашли широчайшее покровительство. Ибо — „они поютъ, значитъ, заплатятъ!“ „Парижъ танцуетъ, значитъ, спокоенъ!“ — и много дру-

ЭР03159

гихъ подобныхъ же наблюденій осталось въ исторіи, сдѣланныхъ не глупыми спеціалистами по держанію себѣ подобныхъ стальною лапою въ бархатной перчаткѣ. Итакъ, съ успокоеніемъ васъ! На Шипкѣ все спокойно. Порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ.

Слѣдовательно:

Пой, ласточка, пой!
Сердце успокой!...

И вотъ, дважды поощряемая настоятельнымъ требованіемъ публики и благосклонною терпимостью, обрѣтенною у властей предержащихъ, ласточка поетъ,— безъ умолка льются трели и группетто и накопляютъ мало-по-малу такую бредовую трескотню, что становится, если не серьезнымъ, то, въ самомъ дѣлѣ, головоломнымъ вопросомъ—разобрать:

— Да о чемъ же, наконецъ, пѣла ласточка?

Очень веселятся люди въ „Замкахъ Красной Смерти“ и на „Пирахъ во время чумы“ и любятъ пѣть. Но инстинктъ не молчитъ и—удивительное дѣло!—въ отвѣтъ на просьбу о пѣснѣ, Мэри почему-то затягиваетъ не „Въ селѣ маломъ Ванька жилъ, Ванька Таньку полюбилъ“, но:

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ.

А Вальсингамъ, чѣмъ бы распотѣшить весельчаковъ разсказомъ о томъ, какъ „Близъ Ревеля баронъ, любитель псовъ, жилъ съ деревенской простотою“, выкрикиваетъ „охрипшимъ голосомъ, приличнымъ пѣснѣ“, съ мурашками по спинѣ и трясущеюся челюстью:

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...

ЭР03159

То же самое происходитъ сейчасъ со всѣми „чарованьями красныхъ вымысловъ“, политическихъ, житейскихъ и литературныхъ, въ коихъ русское общество пытается „позабыться на мгновеніе“ отъ „слезъ горькихъ, проливаемыхъ по бѣдствіямъ существеннымъ“. Юмористовъ на Руси развелось больше, чѣмъ въ Константинополѣ бродячихъ собакъ. Начиная Н. А. Хомяковымъ и кончая иллюстрированнымъ приложеніемъ захолустнѣйшаго изъ захолустныхъ листковъ, — насъ стараются разсмѣшить и смѣшатъ ежеминутно словомъ, дѣломъ, прозой, стихами, жестомъ, фарсомъ, пародіей... Но — „что-то твой смѣхъ не смѣшонъ выходитъ!“... Приглядишься къ веселому человѣку: вотъ тебѣ разъ! ахъ, чортъ возьми! живой покойникъ!

— Позвольте, господинъ! Зачѣмъ же такая разсѣянность? Вы, вмѣсто кастаньетъ, пощелкиваете чьими-то сухими лодыжками?

— Р...р...р ..развѣ? Ахъ, извините! По ошибкѣ... столько ихъ нынѣ всюду валяется... Вотъ смѣшная ошибка! У...уж...ужасно смѣшно!

И — прыгъ, прыгъ, прыгъ! скокъ, скокъ, скокъ! — подъ „кости щелканье сухой“. А кривыя синія губы бормочутъ:

— Чуръ-чуръ-чурашки, вѣди, таракашки... Каррету графа Бенгальскаго!

Не то Передоновъ подъ заборомъ недотыкомку палкой ловитъ, не то Цыганокъ подъ висѣлицей слюну расплевываетъ. Превеселая компанія! Чего же утѣшительнѣе? Въ одномъ углу трясется, волосы дыбомъ и зубъ на зубъ не попадая, Леонидъ Николаевичъ Андреевъ, въ другомъ сводитъ корчами Ѳедора Сологуба, въ третьемъ бьется въ истерикѣ, внимая „надгробное рыданіе творяще плачъ“, г. Сергѣевъ-Ценскій, въ четвертомъ г. Арцыбашевъ дрессируетъ могильныхъ червей на злобность и рѣзвость. А—по діагоналямъ между ними—folle journée: играютъ „Вампуку“—торжество русской сатиры, полезнѣйше бичующей, въ силу полномочій отъ четырехъ свободъ, глупость опернаго ис-

ЭР03159

кусства и плохую игру оперныхъ актеровъ. „Анатэма“ дрожащею рукою вертитъ шарманку „міровой гармоніи“, а Давидъ Лейзеръ, „радующій людей“, разсказываетъ забавнѣйшіе анекдоты изъ еврейскаго быта о дѣточкахъ, погибшихъ съ голода, какъ пташки на одной вѣткѣ. Я беру литературные примѣры, потому что они популярны и общеизвѣстны, а, слѣдовательно, и ярче пояснительны. Но такъ сейчасъ вездѣ: въ семьѣ, на улицѣ, въ общественномъ укладѣ, въ Государственной Думѣ. Балаганъ притворствъ, обступленный злорадными жутиками-шутиками. Полупокойники отъ усталости и страха напрягаютъ силы, чтобы доказать самимъ себѣ и людямъ, что „жить можно“ (И. Н. Потапенко даже нарочную пьесу написалъ подъ такимъ заглавіемъ), но „кости щелканье сухой“ хохочетъ надъ непосильными стараніями, и, вмѣсто жизни, выходитъ судорога... Ужъ именно, какъ въ старинной пѣснѣ поется:

Я не самъ трясусь,
Меня черти трясутъ...

И опять, наблюдая эпидемію danse macabre'a, это трясеніе чертовское, недоумѣваешь въ тоскливомъ страхѣ за человѣка:

— Это—въ самомъ дѣлѣ или нарочно?

Толпами нагоняются въ жизнь призраки, чтобы поставить перегородку между измученными умами и мучительными правдами дѣйствительности. Лепеты сказокъ и бормотанье сплетенъ. Каждый день — новый общественный миѳъ по телеграфу и телефону. Газеты, одна за другою, обращаются въ безразличный вопль сенсаціи, повторяющей каждую громкую случайность съ истерическою готовностью сибирской „мерячки“. Искусство—вымыселъ о жизни—стало сильнѣе, чѣмъ сама жизнь. Театръ пріобрѣлъ значеніе и власть, которыя получаетъ онъ только въ тѣ насмѣшливо-унылыя эпохи, когда актеръ Стефаніонъ чувствуетъ себя

ЭР03159

въ правѣ возразить Августу, который хотѣлъ его высѣчь за скандалы:

— Оставь насъ въ покоѣ, цезарь! Тебѣ же выгоднѣе, что Римъ, интересуясь дѣлишками актеровъ, не обращаетъ вниманія на твои.

Театръ властно вдвигается въ жизнь, а жизнь становится театромъ. Проектируютъ же теперь какіе-то усердные, чтобы сцена слилась съ зрительнымъ заломъ и публика участвовала въ „дѣйствіяхъ“ спектакля. Театръ подмѣняетъ своими подмостками каѳедры философіи, соціологіи, политическую трибуну, амвонъ теологической проповѣди, а жизнь, въ отвѣтъ, также говоритъ о театрѣ, — въ сочувственныхъ-ли тонахъ, въ полемическихъ-ли, — философскимъ, соціологическимъ, политическимъ, богословскимъ языкомъ. Что можетъ быть выразительнѣе нелѣпаго гоненія, воздвигнутаго нѣкоторою частью русскаго духовенства на „Анатэму“ Л. Н. Андреева? „Анатэма“ это — поверхностное произведеніе компилятивной мысли, въ которомъ нѣтъ рѣшительно ни одной новой идеи отрицательнаго порядка (слѣдовательно, гоненіе не по адресу и съ опозданіемъ на добрые полвѣка!), и которое своимъ несомнѣнно спиритуалистическимъ, а, пожалуй, даже мистическимъ характеромъ, своимъ попятнымъ наклономъ къ провиденціализму,—скорѣе союзно и выгодно церковникамъ, какъ заклятымъ врагамъ монистическаго міровоззрѣнія и положительной науки. Къ слову отмѣтить: синодъ-то понялъ это и не выдалъ г. Андреева головою на произволъ фанатическаго дикарства, обрушившаго на драматурга громы многаго усердія, но малаго разумѣнія. Однако, ни Сѣченову, показывавшему душу подъ микроскопомъ, ни Мечникову, ни А. О. Ковалевскому анаѳемы съ церковныхъ амвоновъ не гремѣли, а Л. Н. Андрееву она, хоть и въ частномъ порядкѣ, дважды произнесена. И это знаменіе времени двуостро: если, съ одной стороны, оно свидѣтельствуетъ о фанатическомъ подъемѣ нетерпимости въ средѣ духовнаго сословія, то, съ другой стороны, ри-

ЭР03159

суетъ и громадность внушающей роли театра въ новомъ русскомъ быту. Въ его сторону повернулась, — и съ гораздо большею лютостью, — вражда, прежде выпадавшая на долю ученой книги и лабораторіи.

Зайдемъ теперь съ другого бока, послушаемъ языкъ не гонителей, но гонимыхъ. Вотъ любопытнѣйшая тирада. „Это, повѣрьте, будетъ равно выкидыванію иконы, висѣвшей въ святомъ углу. Можно, конечно, и безъ Бога,—отчего нельзя?—особенно по нынѣшнимъ-то вольготнымъ временамъ. Да еще какъ — въ лучшемъ видѣ!“ О какомъ это еретичествѣ, противъ какихъ ересіарховъ-иконоборцевъ гремитъ съ амвона какой-то еще Гермогенъ, Иліодоръ или Виталій почаевскій? Да нѣтъ же, ничуть не бывало: просто, драматургъ защищаетъ отъ критика свое авторское право контролировать режиссеровъ и актеровъ. А вотъ уже не амвонъ, но трибуна политическаго митинга. „Сползла корона и вотъ выдвигается важный вопросъ,—кто теперь надѣнетъ ее? Вы рѣшаете совершенно прямолинейно: теоретически первый пусть и практически будетъ первымъ. Иначе сказать, вы ведете себя, какъ ведетъ себя демагогъ въ рѣшительный мигъ переворота. Демагогъ знаетъ только одно: все—для народа (sic!). Вѣдь, даже и свергнутый деспотъ любилъ говорить: я первый — слуга народа. И потому крикъ: пусть самъ народъ — и никого больше! Но мы-то знаемъ, что обыкновенно бывало послѣ этого, и какъ народъ,—„добрый, святой народъ“,—становится глупымъ и грязнымъ звѣремъ“. Кто сей аристократическій Цицеронъ, мечущій pro bono publico молніи въ темя какого-то охлократическаго Катилины? Тотъ же самый драматургъ, недовольный взглядами размышляющаго критика на значеніе танцевъ въ театрѣ. Такъ, въ эпохи безъ большихъ дѣлъ становятся дешевы и—тоже пришло въ голову смѣшное выраженіе à la Boborykine,—„паспартушны“ вакантныя большія слова.

Россія сейчасъ охвачена судами. Подъ прессомъ судопроизводства—каково же юридическое самочувствіе

ЭР03159

русской интеллигенціи? Нарочная жизнь и тутъ выручаетъ. Общество зоветъ на помощь театръ и—мало настоящей-то уголовщины! — принимается „играть въ судъ“, устраивая примѣрные процессы дѣйствующимъ лицамъ „Власти тьмы“, „Анфисы“, „Санина“, „Доріана Грэя“ и т. д. Полная обстановка, обвинительный актъ, статьи уложенія, слѣдствіе съ допросомъ свидѣтелей, пренія сторонъ, — Никиту присяжные оправдываютъ, Анисью закатываютъ въ каторгу на 15 лѣтъ, Матрену—на всѣ 20. Въ зрительномъ залѣ яблоку негдѣ упасть. Газеты въ восторгѣ и выражаютъ порицаніе профессорамъ-юристамъ, которые манкировали столь поучительнымъ зрѣлищемъ, предпочтя ему уединеніе своихъ библіотекъ и кабинетовъ. О, безсмертная тѣнь Щедрина! приди и воззри на вертоградъ сей! Живъ въ чадахъ своихъ Мишенька Нагорновъ, и адвокатъ Тонкачевъ возродился въ потомствѣ своемъ!

— Такъ и живемъ, что настоящей жисти не имѣемъ,— жаловались когда-то глуповскіе головотяпы. Теперь они, попрежнему, не имѣютъ жизни, но обрѣли суррогатъ нарочности и ужъ такъ много ею довольны, что и не знаютъ, изъ какихъ только словъ многоцвѣтныхъ сплести ей вѣнки. Нарочность возсѣла на престолъ мысли глуповской. Въ изумленіи проходитъ мимо громадно несущаяся жизнь а глуповецъ, отвернувшись отъ нея, топаетъ ногами и реветъ изъ Сологуба:

— Ненавижу жизнь, бабищу румяную и дебелую!

Читаются сотни публичныхъ лекцій. Посмотришь имя, программу, названіе лекціи (ужасно хлестко называть стали... словно танцмейстеръ ногами кренделя выписываетъ!), сопоставишь, взвѣсишь, сообразишь и, въ девяти случаяхъ изъ десяти, пожимаешь плечами:

— Чортъ знаетъ, что! Лекція или нарочно?

Дня три спустя, приходятъ репортерскіе отчеты. Ну, такъ и есть! Лекціи не было, было нарочно. А на нарочно прошедшее уже громоздится нарочно настоящее и въ объявленіяхъ пестритъ нарочно будущее. И всѣ нарочно находятъ потребителей.

ЭР03159

Обезличенная публицистика, съ завязаннымъ ртомъ, изобрѣтаетъ призраки интересовъ, чтобы хоть ими наполнить широкія формы, которыя, будто въ насмѣшку, оставила ей эпоха свободъ, тогда какъ вихрь реакціи размелъ возможность вливать въ формы живое содержаніе. Вальсингамъ былъ удержанъ на чумномъ пиру „ужасомъ той мертвой пустоты, которую въ своемъ домѣ встрѣчалъ онъ.“ Мертвыя пустоты зѣваютъ сейчасъ на русскаго человѣка со всѣхъ сторонъ,—бездна бездну призываетъ,—и тщетно сѣрый глуповскій день валитъ въ эти утробища всякую дрянь, начиная остротами г. Хомякова и кончая старою калошею не то поэта Гумилева, не то поэта Волошина. Пустоты и—нарочности призраковъ, придумываемыхъ въ самообманъ заполненія. Призраки въ литературѣ и въ читательствѣ, на каѳедрахъ и предъ каѳедрами, на амвонахъ и предъ амвонами, на трибунахъ и предъ трибунами. И, во главѣ призраковъ, первый и огромнѣйшій начальный и выразительнѣшій изъ всѣхъ иллюзорныхъ навожденій, которымъ подчинилось русское бытіе: третья Государственная Дума...

— Мама! Это Дума или нарочно?

Призрачные люди ведутъ призрачныя рѣчи, осѣдающія на общественную дѣйствительность сухими туманами безнадежнаго безплодія. За все существованіе третьей Думы въ ней ни разу не раздалось ни одного, правдиваго до конца, слова,—ни слѣва, ни справа, ни въ центрѣ, ни на крайнихъ. Ея ревы, скандалы, шумы, споры, ругательства и чуть не потасовки, дуэли, исключенія на 15 засѣданій и т. п.—конечно, тоже не жизнь, но только судорога чертовскаго трясенія, суетливое самозаглушеніе противъ наплывающаго вопля жизни. Тамъ, гдѣ есть настоящая политическая жизнь, немыслимо было бы ни одно засѣданіе Государственной Думы въ томъ видѣ, какъ записываютъ ихъ корреспонденты газетъ. Депутатъ турецкаго парламента, просидѣвъ нѣсколько засѣданій въ русской Думѣ, вынесъ впечатлѣніе, будто присутствовалъ при ребяческой игрѣ.

214786
ИРНБ
КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЭР03159

Нельзя сказать, чтобы лестно было, но—развѣ онъ не правъ? И совсѣмъ не потому только накопляется осадокъ подобныхъ впечатлѣній, что въ Думѣ много безтактныхъ членовъ, охочихъ грубо и дерзко ребячиться, а гораздо болѣе потому, что условный элементъ „игры“ лежитъ уже въ основѣ нынѣшней Думы, сформированной и движущейся именно на манеръ дѣтскихъ опытовъ къ взрослости: ты будь папа, а я буду мама, а кошка пусть наше дитя, и ты будто мнѣ скажешь: ахъ, какое умное у насъ дитя! Засѣдаютъ человѣки—будто бы представители страны, одни притворяются, будто въ Россіи конституція (даже въ Англію этотъ призракъ на показъ возили), другіе притворяются, будто въ Россіи не было 17 октября, а всѣ—будто бы они нормируютъ жизнь страны. Поднимаются одинъ за другимъ на трибуну и одни очень прекрасно, другіе скверно играютъ роли политическихъ ораторовъ. Но политическаго оратора между ними нѣтъ ни одного, да и не можетъ быть, ибо политическаго оратора, создаетъ не только твердая знаемость политической цѣли, ради которой онъ восходитъ на трибуну, но и политической силы, которую онъ за собою чувствуетъ къ осуществленію защищаемыхъ правъ. А кто же въ Думѣ—опять-таки справа ли, слѣва ли, въ центрѣ ли—чувствуетъ съ искренностью, что за нимъ, когда онъ говоритъ, стоитъ правомочная сила? И потому думскій ораторъ, хотя бы языкъ его былъ отъ природы цвѣтникомъ вдохновенныхъ словъ и пламенникомъ темперамента, всегда виляетъ, эзопничаетъ и говоритъ „не объ томъ“; когда же приходитъ баллотировка на очередь говорить непремѣнно о какомъ-нибудь „томъ“, онъ преохотно вотируетъ за „неспѣшность запроса“. Кадеты меня не любятъ и даже въ моей „Княгинѣ Настѣ“ покойное „Слово“ усмотрѣло полемическій памфлетъ противъ кадетовъ, хотя дѣйствующее лицо, въ которомъ было обнаружено столь зловредное поползновеніе, написано мною съ представителя партіи еще болѣе правой, чѣмъ кадетская. Говорю это затѣмъ,

ЭР03159

чтобы публика не приняла и вышеприведенныхъ моихъ словъ за выстрѣлъ спеціально по кадетскимъ недомолвкамъ. Нѣтъ, это годится для всѣхъ, начиная лѣвѣйшимъ флангомъ и кончая правѣйшимъ. Всѣ поголовно, не исключая даже циниковъ крайней правой, потому что отсюда то и цинизмъ ихъ, слишкомъ грязный, слишкомъ на показъ скоморошій, чтобы сомнѣваться въ его напускномъ, нарочномъ характерѣ,—всѣ поголовно говорятъ и дѣйствуютъ подъ прессомъ „недоговоренностей“. Изъ того, что россійскіе нахалы дикарски обнажаются, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы они были и чувствовали себя дикарями. Нѣтъ, нагота ихъ не нагота, но только костюмъ наготы, — и это-то въ нихъ особенно противно. Они нарочно играютъ въ голыхъ, играютъ въ дикарей, потому что игра эта въ духѣ и вкусѣ времени и нарочность ея имъ выгоднѣе здраваго смысла. Поддѣльный дикарь оретъ, чтобы не разсуждать, скандалитъ, чтобы утопить логику и совѣсть, безобразничаетъ, чтобы самочувствіе не попрекало ежеминутно ряженностью, непослѣдовательностью и фальшивымъ, междустульнымъ бытіемъ. Изъ недоговоренностей сложилось кольцо непроницаемыхъ табу. И каждый живой шагъ въ завѣтную область ихъ принимается, какъ величайшая безтактность, именно — какъ дѣтей пугаетъ и волнуетъ нарушеніе условныхъ правилъ общей „игры“. И тутъ-то и начинаетъ писать губернія!..

— Мама! Это Дума или нарочно?

1909.
Декабрь.

Веревка повѣшеннаго.

Есть французская пословица, что въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ. Когда я читаю русскую газету или русскій журналъ, мнѣ все время такъ и кажется, что, вотъ, вошелъ я въ домъ повѣшеннаго,

ЭР03159

сижу среди его семьи, а потому—держи, братъ, себя на сторожѣ: не предложи дѣвицамъ поиграть въ веревочку, не спроси у дѣдушки, почемъ нынѣ пенька, и, если попросятъ тебя развлечь общество, не затяни „веревьюшки, вьюшки, вьюшки".

Всѣ веревки повѣшеннаго ужасны тѣмъ, что, какъ скоро становится запретнымъ о нихъ говорить, тутъ то онѣ и овладѣваютъ мыслью, памятью — всею лабораторіей идей. Въ домѣ повѣшеннаго никто не говоритъ о веревкѣ, но всѣ о ней думаютъ упорно, неотступно, утомительно, болѣзненно. Можно сказать, все міросозерцаніе проходитъ сквозь веревку, и, не произносимая, она почти зримо, призрачно, ощутимо сквозитъ въ каждомъ звучащемъ словѣ, въ умышленной осторожности фразъ, въ искусственномъ выборѣ выраженій. И ужъ съ этимъ—дудки! ничего не подѣлаешь: заполнило мозги привидѣніе безъ имени,—и не вытрясти изъ головы силою ни его самого, ни его уныло-насмѣшливыхъ вліяній. И всякій обходъ послѣднихъ, либо борьба съ ними на вѣжливыхъ компромиссахъ ведутъ даже остроумнѣйшихъ и талантливѣйшихъ людей къ нагроможденію профессіональныхъ пошлостей, которыя нельзя не говорить, потому что профессія требуетъ, надо что-нибудь говорить, да и, въ извѣстныхъ случаяхъ, молчаніе столь же выразительно, неприлично и опасно, какъ и разговоръ о веревкѣ; а говорить что-нибудь, лишь бы не молчать, неминуемо осуждаетъ языкъ и перо на не думающую, безвѣрную, безразличную пошлость. Разсказываютъ старую алхимическую легенду, какъ нѣкто, получивъ рецептъ превращенія металловъ, не могъ имъ воспользоваться, чтобы сдѣлать золото, ибо рецептъ заключался совѣтомъ:

— Главное же при этомъ — не думать о бѣломъ медвѣдѣ.

Несчастный алхимикъ аккуратнѣйшимъ образомъ исполнялъ всѣ предписанія рецепта, но „не думать о бѣломъ медвѣдѣ" онъ не могъ, ибо сей послѣдній,

ЭР03159

благодаря запрету, обратился въ навязчивую идею. Чуть ученый въ лабораторію, бѣлый медвѣдь уже тутъ, какъ тутъ, и располагается въ смятенныхъ мысляхъ его, какъ въ собственной берлогѣ, до тѣхъ поръ, пока алхимикъ, въ отчаяніи, не покинетъ опыта. А въ тиглѣ, вмѣсто чаемаго золота, опять свинецъ, уголь, ртуть— все, что человѣкъ хотѣлъ облагородить въ драгоцѣнный металлъ и не смогъ, потому что поперекъ пути ему стало „главное“ — насмѣшливое „главное“, „запретное“.

Русскій газетчикъ сейчасъ берется за перо съ полною готовностью, охотою, желаніемъ излить изъ него золотыя строки, но безъ всякой увѣренности въ томъ, что онѣ изольются. И не только безъ увѣренности— даже безъ надежды. Потому что, едва на бѣлой бумагѣ появляются черныя литеры заглавія,—здравствуйте! нашъ бѣлый медвѣдь, профессіональный бѣлый медвѣдь, литературу блюдущій, является непрошеннымъ гостемъ, скептически качаетъ мудрою, старою головою и рычитъ предостереженіе:

— Помни, что нынѣ не 1905 годъ, а 1910-й!

Съ одной стороны—бѣлый медвѣдь учитъ хронологіи. Съ другой—неделикатно говоритъ о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. И вотъ—адье, монъ плезиръ, какъ восклицалъ незабвенный Аполлонъ Мурзавецкій. Черныя строки не просвѣтляются золотомъ и остаются черными, угольными, свинцовыми, ртутными, и, пробѣгая ихъ въ газетѣ, ворчитъ скучающій читатель:

— Что-то ты, братъ, все не объ томъ? Обѣщалъ золотомъ, а сыплешь соромъ!

Глядѣть и видѣть прямо, но писать вокругъ да около, думать объ томъ, но писать не объ томъ,—такова сейчасъ общая участь русскаго журнализма. И не одного журнализма, потому что въ говорильняхъ и на трибунахъ гласности то же самое, что въ редакціяхъ и у письменныхъ столовъ, и даже еще хуже. Или, если не хуже, то нагляднѣе, оскорбительнѣе. Ибо нашъ бѣлый медвѣдь, литературной профессіи присвоенный, все же,

ЭР03159

хоть умозрительный, за исключеніемъ случаевъ, когда онъ не только приходитъ самъ, но еще и приноситъ, какъ реальное подтвержденіе своего бытія, повѣстку о наложенномъ на тя, строчителя злохудожнаго, штрафѣ. Риторы же и элоквенты россійскіе имѣютъ своего бѣлаго медвѣдя воочію всегда передъ собою. Оборотившись полицейскимъ чиномъ, сидитъ онъ, скромный, недвижный, и ѣстъ трибуна внимательными медвѣжьими очами:

— Думай, о чемъ хочешь, но говори не объ томъ!

Такимъ образомъ, бесѣда не объ томъ, устная-ли, письменная-ли, сдѣлалась владыкою русскаго общества. А тѣ дерзновенные, кто еще мечтаетъ:

— Зачѣмъ же не объ томъ, когда я могу и долженъ объ томъ? — получаютъ не только болѣе или менѣе плотную повязку на болтливый ротъ свой,—это то куда бы еще ни шло! дѣло вѣками привычное,—но, увы! мало-по-малу теряютъ даже и общественное сочувствіе. Ибо—кому же неизвѣстно, что „общество устало“? Это же старая истина, ходячее, общее мѣсто. Правду сказать, я не весьма могу понять, отчего собственно, оно, горемычное, такъ уже устало, потому что трудовъ оно на себя подняло, покуда, едва ли больше того тургеневскаго барина, который кряхтѣлъ на берегу, глядя, какъ мужики тащили его тяжелый тарантасъ на паромъ. Но, какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ. Общество устало, желаетъ отдыхать и на Донъ-Кихотовъ своихъ смотритъ съ досадливою ироніей:

— А чортъ ли молъ тебя дергаетъ, храбрый рыцарь Донъ-Кихотъ? Чего выскакиваешь? Русскимъ языкомъ тебѣ сказано: думай о чемъ хочешь, а говори и пиши не объ томъ... Вотъ и помычи теперь въ повязкѣ-то! Эхъ, ты! Донъ-Кихотъ!

Все чаще и чаще встрѣчаешь въ корреспонденціяхъ, изъ столицъ ли, изъ провинціи ли, такія, во истину, гомерическія картины, нельзя сказать, чтобы ободренію гражданской энергіи споспѣшествующія:

— При этихъ словахъ оратора, испуганная публика

ЭР03159

въ паникѣ бросилась къ выходу, а полицейскій чинъ закрылъ собраніе.

— Полицейскій чинъ остановилъ оратора и закрылъ собраніе. Публика, вообразивъ, что начнутъ арестовывать, въ паникѣ бросилась къ выходу. Нѣкоторые помяты. Было нѣсколько истерикъ.

Удивительнѣе всего, однако, то обстоятельство, что Донъ-Кихотами то почтеннѣйшая публика пошвыриваетъ „довольно даже неглижа“, но, когда ораторъ или публицистъ не Донъ-Кихотъ или хоть не гримируется подъ Донъ-Кихота, она брюзжитъ и теряетъ къ нему любовь и уваженіе.

— „Объ томъ“ не говори, не пугай. „Изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣгородѣ людей не выбити“. А не объ томъ я слушать не хочу, скучно! глупо! Ну зачѣмъ мнѣ слушать не объ томъ? Зачѣмъ тебѣ не объ томъ бобы разводить?

О! Она права! Она глубоко права! Но и жестока же въ правотѣ своей, и, отъ разума правая, ужъ какъ отъ сердца-то несправедлива! Потому что, когда писатель или трибунъ, отчаявшись говорить о томъ, чего ищутъ пламени сердца его, и стыдясь упражняться въ словоизвитіяхъ не объ томъ, смолкаетъ вовсе и отстраняется отъ безсильнаго пера и безпомощной каѳедры, великая провокаторша-публика тотчасъ-же кричитъ ему, съ поджигающимъ презрѣніемъ:

— Что же ты, любезный другъ, воды въ ротъ набралъ? Въ такое-то время, да—словъ у тебя нѣту? Ты посмотри, что надъ нами дѣлается! Ты посмотри, что мы сами промежъ себя дѣлаемъ! По нынѣшнимъ днямъ скорѣе безъ хлѣба, мяса прожить, чѣмъ безъ голоса общественнаго мнѣнія, а ты — молчишь? Если жизнь нашу показать ослицѣ валаамовой, и та, въ слезахъ, возопіетъ, а ты—молчишь? Грошъ-же тебѣ, братъ, цѣна послѣ этого! И какой только пиковый король тебя ораторомъ-литераторомъ жаловалъ? А еще Донъ-Кихотъ!

Словомъ:

ЭР03159

— Давай намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя!

Но, едва любезный другъ, расчувствовавшись, пристыженный, взволнованный, обрадованный, откроетъ вѣщія уста:

— О, русскій народъ! хорошій ты мой, добротный русскій народъ! Всероссійскій ты мой и повсемѣстный мой, милый городокъ Окуровъ!..

Глядь: кругомъ—хоть шаромъ покати! Публика, въ паникѣ, бросилась къ выходу, а бѣлый медвѣдь, — оборотнемъ, въ полицейскомъ мундирѣ, — качаетъ головою и съ кротостью говоритъ:

— Лишаю васъ слова и закрываю собраніе.

— Штрафъ въ 500 рублей, съ замѣною, при несостоятельности, двумя мѣсяцами ареста!

Городокъ-же Окуровъ, переметнувшись съ истинно-тушинскою быстротою на сторону торжествующую и власть имущую, покиваетъ главами своими и вторитъ съ нравоученіемъ:

— Ништо Донъ-Кихоту! Впередъ будетъ умнѣе! Не выскакивай! Попередъ батекъ въ петлю не суйся! Все о томъ, да о томъ! Темъ, что ли, другихъ нѣту? А ты не все о томъ, иной разъ умѣй и не объ томъ!

— Да, не ты ли самъ, чортовъ ты городъ Окуровъ...

— Я? Что же я? Нѣтъ, братъ, ты меня въ свои глаголы-крамолы не путай! Я тебя не неволилъ! Я тебѣ съ кротостью говорилъ: если можешь, то дерзай! Не можешь—стало-быть, молчать надо было! Да! А можешь или не можешь — тебѣ знать! Да! Твое, вѣдь, каторжное ремесло-то... крамольничье! Успѣлъ сболтнуть,—твое счастье, а коли что,—мы, городъ Окуровъ, тебѣ не потатчики! Развѣ я настаивалъ, чтобы ты — непремѣнно о томъ? Мнѣ, вѣдь, братъ, въ сущности, все равно, лишь бы въ разговорѣ между собою время провести. Да еслибы и настаивалъ, развѣ тебѣ меня слушать? Кто кого умнѣе долженъ быть — я ли, смиренный, сѣрый обыватель, или ты, ораторъ, литера-

ЭР03159

торъ? Ну, сострилъ-бы что-нибудь, чтобы отвязаться,— этакое легонькое, шуточкой, обинячкомъ, эзоповымъ язычкомъ... А ты обрадовался сдуру—не посмотря въ святцы, бухъ въ колоколъ! Эхъ, ты... Донъ-Кихотъ!

Такъ вотъ и живи—благополучествуй—между:

— Эхъ ты, Донъ-Кихотъ!

И:

— А еще Донъ-Кихотъ!

Положеніе, которое народный анекдотъ выразительно рисуетъ словами: „ни туды, Микита, ни сюды, Микита!“ А то есть еще пословица—„не довернешься—бьютъ, перевернешься—бьютъ“.

Наиболѣе обстрѣленные изъ Донъ-Кихотовъ уже приняли обывательскую мораль эту къ свѣдѣнію и къ исполненію. Теперь, когда городки Окуровы лукаво будятъ въ нихъ гражданскія бури, показывая изъ кармана якобы листья отъ грядущихъ лавровыхъ вѣнковъ, въ дѣйствительности же фиги, сіи Донъ-Кихоты только головами выразительно отмахиваются:

— Ладно! Чорта съ два! Заманишь, а тамъ, пожалуй, и удавишь...

Каждый день приносятся въ телеграммахъ, корреспонденціяхъ, хроникѣ, письмахъ, разговорахъ извѣстія, свѣдѣнія, темы, вопіющія къ журналисту:

— Вотъ онѣ, мы, твои прямыя, законныя, необходимыя, ждущія, зовущія! Бери насъ, неси въ міръ, буди толпу...

И—каждый день просовывается между ними морда бѣлаго медвѣдя, болтается и пляшетъ въ воздухѣ веревка изъ дома повѣшеннаго. И, со вздохомъ, отвращаетъ журналистъ лицо свое отъ кричащей, стонущей, „караулъ!“ вопящей въ тысячу глотокъ, сути русскихъ дѣйствительностей, и лѣнивыми глазами ищетъ въ ихъ обстановочкѣ, „чего-нибудь рядомъ“, что будетъ, конечно, не объ томъ, но все-таки какъ-бы объ томъ. И лѣнивымъ перомъ выводитъ лѣнивыя строки, лѣниво притворяясь, будто онъ ужасно какъ гнѣвенъ — ну, хоть, на интендантовъ, что ли, разоблаченныхъ сена-

ЭР03159

торомъ Гаринымъ, или страстно заинтересованъ—ну, хоть, истязательными сочиненіями Ф. Сологуба, или жестоко возмущенъ — ну, хоть, новоявленнымъ антисемитизмомъ г. Андрея Бѣлаго... Литературная совѣсть стоитъ, незримая, рядомъ и говоритъ съ тоскливою укоризною:

— Врешь! Фраза! Слогъ! Слова! Врешь! Ничуть ты не гнѣвенъ! Ничуть ты не заинтересованъ! Ничуть ты не возмущенъ!

Журналистъ съ тоскою роняетъ перо и, въ свою очередь, упрекаетъ совѣсть:

— Что же? развѣ не отвратительны тебѣ интенданты? развѣ не достойны они моего гнѣва? развѣ не долженъ я пригвоздить ихъ къ позорному столбу?

— Отвратительны, достойны, долженъ...

— Такъ что же ты дразнишься?

— Да, вѣдь, ты же не дуракъ—самъ знаешь-понимаешь: могутъ ли они быть иными, когда....

Дальнѣйшаго журналистъ не слышитъ, ибо зажимаетъ уши и кричитъ:

— Чуръ меня, сатана! Не надуешь! Мы не въ 1905 году! Это веревка въ домѣ повѣшеннаго!

Юность моя прошла въ тяжелыхъ литературныхъ нравахъ тѣхъ темныхъ годовъ, когда писатель попысывалъ, а читатель почитывалъ. Потомъ пришлось пережить, хоть и издали, короткое, живое время, когда писатель сталъ было пріучаться писать, а читатель—читать. Время прошло, но быстрая, хорошая привычка у читателя осталась. Привычка осталась, но пищи ей нѣту. Попысывать теперь больше нельзя, потому что читатель уже не почитываетъ, но читаетъ, а писать тоже нельзя, потому что стоитъ на-сторожѣ бѣлый медвѣдь, и не выходитъ изъ памяти веревка въ домѣ повѣшеннаго. Въ концѣ концовъ, гонимый спросомъ, писатель что-то попискиваетъ, а читатель выискиваетъ: по какому случаю писк? Горь на выдумки хитра. Потрафляя и приноравливаясь, писатель сталъ поваромъ весьма изысканнымъ, соуса словесные гото-

ЭР03159

витъ съ совершенствомъ и разнообразіемъ, прежде неслыханными. Но все, что онъ готовитъ сейчасъ, есть не столь кушанье, сколь съ бока - припека. И вотъ — онъ свою, облитую соусами, стряпню подсовываетъ, а читатель позѣвываетъ, ибо чувствуетъ, что въ стряпнѣ-то, кромѣ соуса, нѣтъ ничего. Вѣдь онъ-таки изрядный Собакевичъ, господинъ русскій читатель, желудокъ у него здоровенный, вкусы еще натурные, и съ писателемъ, соусникомъ par excellence, у него тотъ же тайный врожденный антагонизмъ, что у Собакевича съ предводительскимъ поваромъ - французомъ. Ѣстъ, потому что поставлено на столъ, не выбрасывать-же собакамъ,— ну, и сготовлено достаточно вкусно, чтобы ѣсть было можно; но ѣстъ — съ протестомъ. Жуетъ, но чувствуетъ, что жуетъ кошку, соусно приготовленную подъ зайца, и уныло осуждаетъ:

— Все это не настоящее! А когда же подадутъ бараній бокъ съ кашей?

Русскіе писатели послѣднихъ лѣтъ часто жалуются, что мало къ нимъ уваженія въ читательской средѣ. Это правда. Настолько правда, что будетъ даже точнѣе формулировать ее такими горькими словами:

— Любимцевъ много, а уважаемыхъ нѣтъ.

За исключеніемъ Максима Горькаго, я не знаю въ молодой, послѣ-чеховской литературѣ, ни одного имени, которое въ ушахъ обывателя не звучало бы, прежде всего, пикантнымъ, занимательнымъ „анекдотомъ“. Анекдоты—дѣйствительные, правдивые, анекдоты—выдуманные, совранные, но все—анекдоты. А гдѣ нѣтъ анекдота, тамъ нѣтъ успѣха, нѣтъ извѣстности, нѣтъ рынка. И, превращенный въ анекдотъ, писатель, — скачи, враже, якъ панъ каже! — самъ усердно плодитъ вокругъ себя этотъ символъ успѣха, свидѣтельство извѣстности, задатокъ богатаго рынка — неистощимый и потерявшій способность краснѣть, анекдотъ. Когда недавно избранъ былъ въ академики г. Бунинъ,

ЭР03159

очень хорошій поэтъ и беллетристъ, имя его было встрѣчено съ недоумѣніемъ: кто такой? откуда? почему? какъ? Потому что съ нимъ не связано рѣшительно никакого анекдота. А что онъ хорошо пишетъ — такъ „кто-же“ помнитъ на завтра, что пишется сегодня, „кто-же“ придаетъ значеніе тому, какъ и что пишется? „Довлѣетъ дневи злоба его“. Нѣтъ больше вѣры въ слово и памяти къ слову, — подавай личность, показывай эпизодъ. Въ „Ямѣ“ талантливаго Куприна общество рѣшительно не повѣрило добродѣтельному посвященію, но съ жадностью искало купринскихъ чертъ въ романтическомъ репортерѣ, резонерѣ разсказа, и, такъ какъ репортеръ оказался скученъ и не уменъ, то и „Яма“ для разочарованнаго читателя потускнѣла. Было когда-то выраженіе: жить въ хрустальномъ домѣ. Сейчасъ его лучше замѣнить другимъ: жить на открытой сценѣ. Жизнь писателя обратилась въ сплошное представленіе для публики. Дѣло дошло до граммофоновъ и кинематографовъ. Писатель, чтобы быть знаменитостью, теперь не только можетъ не писать, но, пожалуй, ему даже лучше не писать. Но, если онъ хочетъ держаться въ знаменитости и въ цѣнѣ, онъ обязанъ зато летать на аэропланахъ, спускаться въ бездны подводныя, съ ума сойти, публиковать свои семейныя исторіи, количество и качество штановъ въ своемъ гардеробѣ, кому-нибудь, тоже знаменитому, въ морду дать, кого-нибудь келейно высѣчь, или хоть кошку повѣсить, на дуэли драться и калошу потерять. Интересъ мыслей и слова перекатился цѣликомъ въ захлебывающійся шопотъ и смѣшокъ житейски-сплетничающаго анекдота. И, какъ не грустно это, но, до извѣстной степени, все-таки, понятно. Обидно, но объяснимо. Потому что русскій читатель — большой реалистъ и любитъ видѣть и познавать правду жизни, какъ она есть. Дурно ли, хорошо ли живетъ современный русскій писатель, но, во всякомъ случаѣ, живетъ онъ, какъ-будто, — таковъ, какъ онъ есть, по-настоящему. Есть видимость, осязаемость, а не одно „вещей увѣреніе не-

ЭР03159

видимыхъ". Пишетъ же не по настоящему, но гдѣ-то рядомъ съ настоящимъ, въ зависимости отъ колебаній веревки въ домѣ повѣшеннаго и напоминательныхъ визитовъ бѣлаго медвѣдя.

1910. II./13. Cavi di Lavagna.

О Максимѣ Горькомъ.

I.

„Лѣто".

„Лѣто" Максима Горькаго вышло въ свѣтъ. Съ волненіемъ и восторгомъ перечитывалъ я въ печати эту превосходную вещь, давно знакомую мнѣ въ рукописи, по чтенію автора. Писана она еще въ октябрѣ 1908 г., почти годъ тому назадъ. Десять мѣсяцевъ Горькій работалъ и думалъ надъ готовою повѣстью, взвѣшивая въ ней каждую фразу, каждое слово, и выносилъ, воистину, „жемчужное ожерелье". Противъ того, какъ засталъ я „Лѣто" въ февралѣ 1909 года, для печатнаго изданія оно измѣнилось немного. Горькій расширилъ нѣсколько теоретическую, публицистическую часть повѣсти и, по моему, напрасно. Взгляды соціалъ-демократа - большевика на деревню и земельный вопросъ проще и удобнѣе изложить было бы въ спеціальной брошюрѣ, хотя бы и въ той діалогической, драматизированной формѣ, какъ дѣлаетъ Горькій, но застраивать ими художественное зданіе „Лѣта" врядъ ли слѣдовало. Это въ „Лѣтѣ" единственный слѣдъ ушибленности теоретическимъ резонерствомъ, въ которое одно время впалъ было Горькій. Плодомъ этого искренняго, благороднаго, но отрекшагося отъ художества теченія,

ЭР03159

была неудачная „Мать“. Говорю: неудачная—со старой (но, увы, можетъ-быть, и вѣчной) эстетической точки зрѣнія. Какъ произведеніе, ушедшее отъ читателя стараго міра на поиски новаго читателя-пролетарія, въ новомъ пролетарскомъ міростроительствѣ, какъ пропаганда новой общественности, „Мать“ — первый русскій беллетристическій опытъ, предпринятый въ столь широкихъ размѣрахъ. Въ этомъ своемъ качествѣ она останется незабвенною въ исторіи русской культуры, какъ остались въ ней „Что дѣлать“, Чернышевскаго и „Шагъ за шагомъ“, Омулевскаго: романы, лишенные художественнаго значенія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ „Мать“, но, въ свое время, почти несравненно вліятельные, какъ отраженія пересоздающей общество мечты. Впрочемъ, объ этомъ я довольно писалъ въ статьѣ „Новый Горькій“, которая въ свое время довольно читалась. Теперь она вошла въ мой сборникъ „Современники“.

„Мать“ — неудача, но неудача въ движеніи къ твердо намѣченной цѣли, къ ясно намѣченнымъ берегамъ. Пытливое исканіе секрета, какъ сочетать непреложность эстетическихъ формъ съ духомъ и матеріаломъ новой жизни, вливающейся въ творческую условность, какъ молодое вино въ старые мѣхи. Первый опытъ сорвался. Мѣхи не выдержали и лопнули, вино пролилось. То и другое пропало въ большой убытокъ хозяину. Россійское недоброжелательство и злорадство завопили объ упадкѣ творческаго таланта, а г. Философовъ съ компаніей даже отслужили по Горькомъ литературную панихиду. Будь на мѣстѣ Горькаго писатель слабой души и малой убѣжденности, онъ могъ бы въ отчаяніе притти, и даже непремѣнно пришелъ бы, отъ потери популярности, т.-е., отъ несоотвѣтствія своего предложенія текущему спросу на идейно-художественномъ рынкѣ. Но Максимъ Горькій — богатырь не того закала. Да, это настоящее слово о Горькомъ: онъ — богатырь. Ни къ кому въ русской литературѣ не подходитъ болѣе то опредѣленіе нравственнаго бо-

ЭР03159

гатырства, которое такимъ поэтическимъ оазисомъ поднялось на сухой и скучнѣйшей пустынѣ Русской Исторіи С. М. Соловьева, когда дошли до его сердца люди перелома и конца XVII вѣка, — ни къ кому цѣльнѣе и болѣе, чѣмъ къ Максиму Горькому. Онъ писатель-богатырь, великая идейная вѣра, въ которой XVII-й русскій вѣкъ встрѣтился съ двадцатымъ; человѣкъ волжской мощи и волжскаго обмелѣнія, тотъ же типъ самородной силы среди общественнаго безсилія, исполинъ среди недоростковъ, темпераментъ-преждевременникъ, спѣшащій впередъ среди плетущихся нога за ногу, какъ богатырь-протопопъ Аввакумъ, богатырь-патріархъ Никонъ, богатырь-бунтарь Стенька Разинъ. Отличительная черта всѣхъ такихъ богатырей твердо-увѣренная сознательность усвоенной идеи — того, что они дѣлаютъ и зачѣмъ они это свое дѣло дѣлаютъ, и совершеннѣйшая безбоязненность расшибить себѣ лобъ о противодѣйствіе или непопулярность. Это — натуры штурмовыя, совершенно негожія къ приспособленію обходныхъ движеній. Отбитую аттаку или штурмъ богатырь повторитъ двадцать, тридцать разъ, пробуя такъ и этакъ пеструю энергію силушки, играющей по жилушкамъ, и либо найдетъ свой идейный успѣхъ, либо ляжетъ костьми на полѣ битвы. Но примѣриваться въ своемъ подвигѣ къ компромиссамъ, потрафлять на „возможность“, брать свой идеалъ въ обрѣзаніи золотой середины, поскольку на то обывательство согласно, мѣщанству угодно и удобно, — нѣтъ, на то богатырь не согласенъ.

Когда послѣ „Матери“ и нѣсколькихъ мелкихъ неудачъ Максимъ Горькій выдалъ въ свѣтъ вдохновенную „Исповѣдь“ и затѣмъ „Жизнь ненужнаго человѣка“ — къ сожалѣнію, не дошедшую до русскаго читателя въ цѣломъ видѣ: въ 24-ой книжкѣ „Знанія“, повѣсть эта доведена приблизительно лишь до трети своей — пошли разговоры и статьи: — А, вѣдь, Горькій-то воскресаетъ!.. Опять глубокое заблужденіе по оптическому обману. Нечего было Горькому воскресать, потому, что онъ и

ЭР03159

не умиралъ. Годы своего мнимаго упадка онъ провелъ не въ смерти таланта, но въ самомъ живомъ дѣлѣ, на какое способенъ талантъ: въ обновленіи творческаго организма—въ исканіи формъ для нахлынувшихъ новыхъ идей. Онѣ встали, какъ дремучій лѣсъ. Надо было врубиться въ нихъ просѣками. Стукнулъ „Матерью“—топоръ сломалъ. Выковалъ новый топоръ—опять пошелъ рубить. И передъ „Исповѣдью“, „Ненужнымъ человѣкомъ“ подалась идейная дубрава, а въ „Лѣтѣ“ Максимъ Горькій уже идетъ впередъ просѣкою своею, увѣренный, какъ полный побѣдитель, и мѣтко, вѣско, спокойно работаетъ его расчищающій чащу, цивилизующій, культуроносный піонеръ-топоръ.

„Спокойствіе“ — вотъ господствующее настроеніе „Лѣта“. Увѣренное въ побѣдѣ спокойствіе истинно-богатырской борьбы. Если бы не испорченъ былъ правыми цитаторами стихъ „и полный гордаго довѣрія покой“, я сказалъ бы, что вся повѣсть Максима Горькаго—бодрящій голосъ силы, безпристрастно проэкзаменовавшей себя самое въ завѣтнѣйшихъ тайнахъ и способностяхъ своихъ, доблестяхъ и порокахъ, плюсахъ и минусахъ, и вынесшей изъ экзамена именно покой, полный гордаго довѣрія къ святой непобѣдимости своихъ, неизбѣжно движущихся къ рѣшенію, задачъ.

— Должны мы быть самые спокойные люди на Руси—не завтра нашъ праздникъ, не черезъ годъ и не черезъ десять лѣтъ, понимаю!—Дѣла—звонъ сколько! Вся Россія—это, какъ гора до небесъ вершиной. Да... да, братъ, все это я понимаю и спокоенъ.

— Спокойные люди—силища! О, Господи, какъ мнѣ всегда умиляетъ душу слесарь этотъ, убитый на Лѣсной. Вспоминаю о немъ и—всего меня приподнимаетъ изнутри: вотъ—умеръ человѣкъ, а я питаюсь его силой и живу! Вижу все: приходятъ къ нему, зовутъ—пойдемъ! „Это—спрашиваетъ—вамъ и приказано убивать меня?“ Не смѣютъ отвѣтить, а: „Жалко, говоритъ, васъ...

ЭР03159

Эти двѣ выдержки — проповѣдь Егора Досѣкина, любимца Горькаго, въ длинной и пестрой галлереѣ развернутыхъ имъ типовъ „Лѣта“. Мнѣ Егоръ Досѣкинъ нравится меньше другихъ фигуръ, какъ главное вмѣстилище той теоретической дидактики, того неумѣреннаго заѣзда публицистическаго резонерства въ художественную изобразительность, о которыхъ я говорилъ выше. Но онъ своимъ словеснымъ призывомъ къ спокойствію дѣятельной силы провозглашаетъ вслухъ то самое, незримое и всевластное, спокойствіе единства, что разлито, какъ эфиръ во вселенной, во всемъ творчествѣ этой замѣчательной повѣсти, отъ первой строки ея до послѣдней.

„Гляжу въ окно—подъ горою буйно качается нарядный лѣсъ, косматый вѣтеръ мнетъ и треплетъ яркія вершины пламенно раскрашеннаго клена и осинъ, сорваны желтые, сѣрые, красные листья, кружатся, падаютъ въ синюю воду рѣки, пишутъ на ней пеструю сказку о прожитомъ лѣтѣ—вотъ такими же цвѣтными словами, такъ же просто и славно, я хотѣлъ бы разсказать то, что пережилъ этимъ лѣтомъ“.

Это—начало повѣсти „Лѣто“. Конецъ: разсказчикъ и отставной солдатъ Гнѣдой, взятые на пропагандѣ, идутъ подъ конвоемъ... „Густо падаютъ хлопья снѣга, и мы барахтаемся въ немъ, какъ мухи въ молокѣ... Солдаты не выспались, голодны и злы, орутъ на насъ, толкаютъ прикладами; Гнѣдой зубъ за зубъ съ ними, и раза два его ударили, больно, должно быть...

Это надо прекратить.

— Земляки,—убѣждающе говорю я,—не на то вы сердитесь, на что нужно...

— Разговаривай!—рычитъ солдатъ.

— Изволь. Съ разумными людьми говорить пріятно. Сердиться нужно на то, что не дали вамъ подводъ, а заставили шагать пѣшкомъ...

— Изъ-за кого? Изъ-за васъ, чертей!

— Не дали ни чаю попить, ни поѣсть, ни выспаться...

ЭР03159

— Это онъ вѣрно говоритъ! — отозвался солдатъ сзади меня.

— Все это можно исправить, земляки! Съ версту пройдемъ—будетъ на дорогѣ деревня, а въ ней чайная, вотъ вы зашли бы, да попили чаю, а намъ тоже позвольте. А такъ, ни вамъ, ни намъ слишкомъ тридцать верстъ мѣста не одолѣть!

Старшой фыркаетъ, стряхивая снѣгъ съ усовъ, и мягко говоритъ:

— Это можно! Это ничего, землякъ, можно!"

И, вотъ, понемногу, въ спокойствіи, во взаимодѣйствіи проснувшагося инстинкта человѣчности, начинаются взаимопониманіе, сближеніе и обмѣнъ мыслей. По краткости и глубинѣ своей, эта сцена близко сходится со знаменитымъ допросомъ Пьера Безухова французскимъ маршаломъ Даву. Но у Горькаго слова еще проще, тонъ еще яснѣе. Иначе и быть не можетъ. Тамъ—должны понять другъ друга—человѣка въ человѣкѣ—два барина, культурно воюющіе интеллигенты. Здѣсь—натурные люди.

„И ужъ нѣтъ между нами солдатъ и арестантовъ, а просто идутъ семеро русскихъ людей, и хотя не забываю я, что ведетъ эта дорога въ тюрьму, но вспоминая прожитое мною этимъ *счастливымъ* лѣтомъ и ранѣе, хорошо, свѣтло горитъ мое сердце"...

Богатырство богатырству рознь. Есть богатырство Васьки Буслаева, который „не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, только вѣровалъ въ свой червленный вязъ" и готовъ былъ потерять свою буйну голову за удовольствіе перепрыгнуть вдоль бѣлъ горючь-камень, который до него люди перепрыгивали только поперекъ. И есть богатырство Ильи Муромца, которое до такой степени увѣрено въ своей правотѣ и необходимости, что, даже будучи побѣждено и лежучи подъ врагомъ-побѣдителемъ, спокойно разсуждаетъ.

Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:

ЭР03159

Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому:
А теперь Илья подъ богатыремъ?

И—„лежучи подъ нахвальщикомъ, у Ильи втрое силы прибыло“, и хватилъ Илья нахвальщика о сыру землю и собственнымъ его „чинжалищемъ“ вспоролъ ему груди бѣлыя и по плеча отсѣкъ буйну голову.

Богатырскій талантъ Максима Горькаго, бурлившій когда-то пламенною молодостью, полною ушкуйническаго волжскаго атавизма, именно Васьки Буслаева съ братіей и Степана Тимофеевича Разина наслѣдіемъ, созрѣлъ къ сорока годамъ своимъ въ богатырство Ильи Муромца—сознательное, цѣлесообразное, почти фаталистическое. Егоръ Петровъ Трофимовъ, который, шагая въ тюрьму по снѣгу между пятью штыками, знаетъ, что пришла пора, когда всякій человѣкъ, кто жить хочетъ—долженъ принять его святую вѣру въ необходимость соединенныхъ человѣческихъ силъ,—такая же твердыня побѣды, какъ Илья Муромецъ, знающій, лежа подъ нахвальщикомъ:

Написано у святыхъ отцовъ,
Удумано у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому!

И Максимъ Горькій съ геніальною простотою объясняетъ намъ, какъ прибываетъ втрое сила у поверженнаго на землю Ильи, почему и зачѣмъ она прибываетъ.

Прибываетъ даже безъ страстей, безъ ненависти, кипящей тамъ, гдѣ не все еще рѣшено, гдѣ есть мѣсто мятущимся сомнѣніямъ, и человѣкъ громкимъ крикомъ чувства подбодряетъ себя, разрушаетъ остатки страха и мститъ за свое имъ униженіе. Нѣтъ, это—прибыль стихіи, точно вода, поднимающаяся въ половодье, въ томъ правильномъ вѣрномъ накопленіи, которое сноситъ мосты и рушитъ плотины. Егоръ Петровъ Трофимовъ не ненавидитъ никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ воюетъ. Онъ ихъ понимаетъ, а „понять—простить“, красиво и хорошо сказалъ Викторъ Гюго. Нѣтъ въ немъ

ЭР03159

личной злобы къ обреченнымъ на гибель роковою властью стихіи. И, если кому-нибудь изъ нихъ суждено отъ него погибнуть, то не онъ, орудіе, погубитъ ихъ, но потокъ, въ которомъ онъ — только волна. Потонутъ они въ немъ, какъ тонулъ хвастливый добрый молодецъ въ былинѣ о рѣкѣ Смородинѣ...

Провѣщала тутъ рѣка Смородина:
Не я тебя топлю, добрый молодецъ,
Топитъ тебя похвальба молодецкая!

Все лѣзутъ въ голову былины. И это не спроста,— это отраженіе „Лѣта“: большой и прекрасной былины въ прозѣ, чудесной поэмы, столь родственной нашему народному эпосу спокойною простотою образовъ, ширью характеровъ и глубокимъ проникновеніемъ въ тайну природы, что, право, и не знаю ужъ, рядомъ съ чѣмъ изъ прошлой русской художественной литературы ее, въ этомъ отношеніи, поставить. „Лѣто“, по тонамъ, ближе всего къ „Капитанской дочкѣ“. Его величавая гладь и ровность—наилучшее показаніе, что періодъ Гоголя кончился въ русскомъ словесномъ изяществѣ. Языкъ выбивается изъ обязательствъ мастерства и ювелирства обратно, въ ту мощную естественность и ясность, которыхъ, собственно говоря, только три цѣльныхъ представителя было на Руси: Пушкинъ, Кольцовъ и Сергѣй Аксаковъ.

— Шагаю берегомъ, противъ теченія. Рѣка вся въ лунѣ, точно серебрянымъ молотомъ кована: течетъ и *треплетъ отраженіе мое,* наполняя душу миромъ, приводя ее въ ласковый, *грустный строй.* Изъ-за лѣса облака плывутъ, *верхній вѣтеръ* рѣжетъ ихъ своими крыльями, гонитъ на югъ, а на землѣ еще тихо, только вершины деревьевъ чуть шелестятъ, сбрасывая высохшіе листья въ свѣтлый *блескъ* воды. Плаваютъ въ ночной тишинѣ отдаленные звуки сторожевыхъ колоколовъ, провожая отошедшіе часы; трепетно сверкаютъ въ прозрачной высотѣ одинокія крупныя звѣзды лунной ночи, и давитъ ночь умъ и глазъ разнообразной

ЭР03159

игрой свѣта и тѣней, и загадочными звуками своими. Напилась земля за день солнцемъ, крѣпко спитъ, пышно одѣтая въ травы и цвѣты, а лѣса молча сосутъ ея теплую, сочную грудь.

— Въ лѣсу человѣкъ упрощается: все вокругъ него просто, все живетъ открыто—и цвѣты, и птицы, и разное дерево.

Развѣ это не воскресшій голосъ „Записокъ ружейнаго охотника?“

— День жаркій, поляна до краевъ солнцемъ налита, въ густой травѣ дремлютъ пахучіе цвѣты, и все вокругъ, какъ свѣтлый сонъ. И она, въ тѣни, тоже, какъ большой цвѣтокъ—кофта красная, юбка синяя и темныя брови на смугломъ лицѣ.

— Встали, вышли на солнышко, ходимъ плечо съ плечомъ, смотритъ на насъ корова круглымъ глазомъ и ласково мычитъ, кланяются золотыя метелки звѣробоя, пряным запахомъ дышитъ буквица и любимая пчелами синь. Поютъ веселыя птицы, гудятъ невидимыя струны, сочный воздухъ лѣса весь дрожитъ, полонъ ласковой музыки, и небо надъ нами—синій, звучный колоколъ изъ хрусталя и серебра.

— Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими
Пѣвучими полнымъ-полна:
Поютъ онѣ и день и ночь.
То пѣсенки чудесныя!..
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ...

Проза—Максима Горькаго. Стихи—Кольцова. Развѣ это не единство настроенія, души, образности, святого сліянія съ природою? Не того, предвзятаго, интеллигентскаго сліянія, когда, возвращенный къ природѣ по убѣжденію Руссо и Толстого, литераторъ любуется тонкостью своего наблюденія и ужасно самодоволенъ, что онъ такой глубокій и подробный пантеистъ,—но того истинно-народнаго, скупого на слова, но непре-

ЭР03159

рывно созерцательнаго, необходимымъ рабочимъ родствомъ сына земли съ матерью землею связаннаго, которое порождаетъ въ народной рѣчи лаконизмъ, мѣткость, яркость непреложныхъ опредѣленій и постоянныхъ эпитетовъ, сдѣлавшихъ русскій языкъ о природѣ едва ли не самымъ богатымъ и пестрымъ въ семьѣ языковъ—именно „цвѣтнымъ“.

— Люблю я ходить лѣтними ночами одинъ по землѣ—хорошо думается о ней и о мірѣ въ эти часы, точно ты углубилъ корни до сердца земного, и вливается оттуда въ душу твою великая, горячая любовь къ живому.

Охотникъ до классификаціи, до распредѣленія людей по клѣточкамъ, прочитавъ строки эти, конечно, отмѣтитъ, что Максимъ Горькій—пантеистъ, и, по-своему, будетъ правъ, но—ужасно не хочется разрушать обаяніе поэтической ночи книжнымъ словомъ кабинетной нумераціи. Если это пантеизмъ, то—опять-таки—не по предварительному логическому доказательству и обдуманному намѣренію возвратиться въ лоно природы и слиться съ нею, но тотъ натурный, первобытный, самородный, который менѣе всего думалъ и о себѣ, и о природѣ, и о связи между собою и природою, но смотрѣлъ—видѣлъ, слушалъ—слышалъ, думалъ, обонялъ, осязалъ, и пять чувствъ органически переливались въ великое чутье-вдохновеніе, рождавшее величественные звуки Вейнемейена, Гайаваты, „Голубиной книги“, былинныхъ запѣвокъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота, окіанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

То же самое въ характеристикахъ. Горькій въ „Лѣтѣ“ тратитъ на нихъ времени не больше, чѣмъ былины. Но:

„Книгъ читалъ маловато, но изъ тѣхъ, которыя прочелъ, выгрызъ все цѣнное, какъ мышенокъ мякишъ изъ краюхи хлѣба“.

ЭР03159

„Голосъ у него сочный, въ книжныхъ словахъ слышенъ насмѣшливый звонъ, будто человѣкъ самъ надъ собой подтруниваетъ".

„Знаетъ для своихъ двадцати лѣтъ многонько, но въ головѣ у него, какъ въ новой квартирѣ; привезено почти все уже, а все не на своемъ мѣстѣ, ходитъ человѣкъ между вещей и стукается объ нихъ, то лбомъ, то колѣнкой".

„Мужичокъ маленькій, задумчивый, даже и въ красной рубахѣ онъ сѣрый, какъ зола".

„Полюбила книжки и, бывало, горько плачетъ надъ судьбою прикрашенныхъ писателями книжныхъ людей".

„Старичище большой и нескладный: худой, сутулый, руки длинныя, хромаетъ—на лѣвой ногѣ плюсна обрублена по тому случаю, что, будучи молодымъ, шелъ онъ ночевать къ мужней женѣ и попалъ въ капканъ волчій, приготовленный мужемъ для него".

Броситъ Горькій примѣту въ десять, двадцать словъ, и родится изъ нея живой человѣкъ. И видитъ его читатель, и вспоминаетъ, и понимаетъ, и любопытствуетъ о немъ, будто вѣкъ его зналъ.

Предѣльную высоту „Лѣта" въ этомъ отношеніи опредѣляетъ грандіозная фигура стражника Семена, которую я, не обинуясь, назову геніальною.

Никогда еще Горькій — въ обычномъ и свойственномъ ему смѣшеніи романтическаго замысла съ реалистическимъ выполненіемъ—не созидалъ образа такой ужасной глубины, тучу такой безпощадной и мрачной правды. Послѣ перваго знакомства съ „Лѣтомъ" я писалъ въ „Рѣчи", что трагическій образъ стражника Семена мнѣ напомнилъ ужасную „Войну" Штука. Дикій, грубый, нелѣпый, полный тупой машинной жестокости, пугающій и самъ испуганный, приводящій въ отчаяніе и самъ отчаянный, утомленный и не знающій отдыха, пресыщенный и ненасытный призракъ Смерти на большомъ, неуклюжемъ, ковыляющемъ по трупамъ, конѣ: фантомъ мучительства, которое само себя замучило. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ „Войну" еще разъ на

ЭР03159

венеціанской международной художественной выставкѣ и—признаюсь: она мнѣ понравилась много меньше, чѣмъ прежде, показалась не такъ разносторонне психологическою, какъ слагался ея образъ въ памяти, значительно недосказанною противъ того. Быть можетъ, въ томъ виноватъ, именно Семенъ Горькаго: слово, выразительностью возвысившееся до выпуклости скульптуры и яркости красокъ, оказалось сильнѣе живописи, и реальный, человѣческій обликъ заставилъ потускнѣть фантастическое привидѣніе отвлеченнаго символа. Этотъ палачъ-жертва, поднявшійся изъ бездны московскаго вооруженнаго возстанія, написанный Горькимъ короткими, спокойными мазками, съ эпическою объективностью, какъ на Руси трагедію жизни едва ли не только Пушкинъ одинъ умѣлъ писать,—беретъ изъ 200 страницъ повѣсти всего двадцать. А, между тѣмъ, о немъ ни на минуту забыть нельзя, онъ—такая же центральная фигура „Лѣта“, какъ самъ разсказчикъ Егоръ Петровъ, даже, пожалуй, заслоняетъ его своею романтическою выразительностью, подобно тому, какъ густая туча, проходя мимо мѣсяца, заставляетъ свѣтлое небо меркнуть въ черную ночь. Когда я пробовалъ вообразить себѣ лицо Семена, передо мною проплыло много ликовъ, искаженныхъ непосильною ношею отравленной совѣсти, но только одинъ поколебался въ туманѣ и замеръ, какъ близкій: образъ Макбета въ послѣднемъ дѣйствіи, передъ боемъ—„когда Бирнамскій лѣсъ пошелъ съ своихъ высотъ на Донзинанъ“—образъ Макбета, какъ игралъ его покойный геній трагическаго театра, Эрнесто Росси. Извѣстно, что, когда въ русской публикѣ судятъ новую вещь Горькаго, то первый вопросъ: выше это или ниже, чѣмъ „На днѣ“. Въ большинствѣ своемъ эти сравненія очень нелѣпы и, даже въ лучшемъ случаѣ, годятся лишь для праздной діалектики, а въ худшемъ, просто сводятся къ мѣщанской „игрѣ ума“, вродѣ—что тяжеле, пудъ чугуна или пудъ пуха? сколько стоитъ пятикопеечная булка? и т. п. Я этого способа критики терпѣть не могу. Но громадная

ЭР03159

шекспировская фигура Семена невольно заставляетъ оглянуться назадъ на длинную галлерею типовъ и характеровъ, созданныхъ Горькимъ, и приходится сознаться, что новое дѣтище его представляетъ даже въ ея богатствѣ величину, еще небывалую. Семенъ, можетъ-быть, не переросъ героевъ „На днѣ“, какъ соціальная значительность, но онъ обогналъ ихъ захватомъ и силою психологическаго изображенія. А великолѣпный романтическій колоритъ, которымъ Горькій, когда даетъ волю своей искренней любви къ нему, владѣетъ, какъ никто изъ современныхъ художниковъ слова, врѣзываетъ въ читателя своимъ естественнымъ эффектомъ впечатлѣніе и память Семена на глубины неизгладимыя. Это изъ тѣхъ видѣній, которыя снятся въ кошмарахъ... „Ночи напролетъ шагаетъ по деревнѣ и вокругъ нея тяжелый сѣрый конь, а стражникъ, чернобородый и прямой, качается въ сѣдлѣ съ винтовкой на колѣняхъ, темными глазами смотритъ впередъ и поверхъ головы стараго коня, какъ бы выслѣживая кого-то вдали“... „Явился онъ здѣсь въ прошломъ году въ страдное время—хлѣбъ бабы жали и видятъ: по дорогѣ изъ города идетъ большой сѣрый конь, а на немъ сидитъ, опустя голову, воинъ, за спиной ружье, на боку плеть и сабля. Ѣдетъ мимо людей—не кланяется, здороваются съ нимъ—не отвѣчаетъ, сразу всѣхъ напугалъ, да вотъ съ тѣхъ поръ и *качается* по деревнѣ, никому не понятенъ. (NB. Совершенно былинный образъ: „Не лѣсина въ чистомъ полѣ *шатается*“...).

Противъ моего окна всталъ. Въ темнотѣ онъ словно облако, опустившееся въ пыль земли. Мнѣ чудится, что стражникъ смотритъ въ мою сторону, и это жутко.

Но вотъ раздается глухой окрикъ:

— Н-но, бревно!

И снова тяжелыя копыта четко топаютъ по сухой землѣ“.

„Тяжело сидѣть рядомъ съ нимъ. Всѣ его слова вялыя, жеванныя, добываетъ онъ ихъ какъ бы сверху

ЭР03159

души и складываетъ одно съ другимъ лѣниво, косо, неладно. И я думаю, что подо всѣмъ, что онъ говоритъ, легло что-то черное, страшное, онъ боится задѣть эту тяжесть, отъ нея неподвижны его темные глаза и такъ осунулось худое, заросшее жесткимъ волосомъ лицо".

Горькій не разсказываетъ, что именно осталось позади въ жизни этого несчастнаго и страшнаго, нарушеннаго человѣка, чего натворилъ именно онъ, самъ онъ, при усмиреніи московскаго возстанія. Звучатъ лишь слова-бреды:

— Я, братъ, такое дѣло знаю... такое видѣлъ... прямо умирать надо! Я тебѣ говорю—люди, какъ трава—р-разъ! и... скошены. Какъ солома... вспыхнула и... нѣтъ ихъ! Дымъ, пепелъ! Одни глаза въ памяти остаются—больше ничего.

— Коли страха нѣту больше—все кончено! Все рушится, все нарушено! Міръ только страхомъ и держался!

— Всѣ умрутъ, перебьютъ другъ друга, и умрутъ!

Это—галлюцинатъ, обуянный ужасомъ смерти, которой сотрудникомъ онъ былъ, окруженный призрачною средою, которая стала для него дѣйствительностью и заслонила собою людей и природу—весь міръ пяти чувствъ.

„Я про мѣсяцъ хотѣлъ сказать, про то, какая красота вездѣ...

Темный человѣкъ поднялъ голову вверхъ, посмотрѣлъ и угрюмо сказалъ:

— Онъ всегда, объ эту пору, мѣсяцъ. Ничего веселаго нѣтъ въ немъ. *Каинъ Авеля убилъ—вотъ и все.*"

Трагическая любовь Семена къ Варварѣ (NB. Самое слабое, почти трафаретное, „положительное" лицо повѣсти Варвара своею сладкою блѣдностью очень портитъ этотъ эпизодъ), его душу надрывающее объясненіе — почти безъ словъ! — съ Егоромъ Петровымъ, когда онъ, дико и глупо—больной и безумный—проситъ „уступить Варвару", его развратъ, убійство имъ деревенской проститутки и самоубій-

ДВГНБ

ЭР03159

ство,—все это создаетъ цѣльность потрясающую. Странно соединить эти два слова, но я не припомню, чтобы кто-либо передавалъ сильнѣе „цѣльность надломленности“ со временъ Раскольникова, Ставрогина и Ивана Карамазова. Такъ то были громадные, образованные умы и чуть не геніи! А тутъ простой мужикъ, едва не дикарь. Тамъ—великое, страстное краснорѣчіе,— здѣсь бредовыя полуслова и рыбьи глаза... Въ послѣдніе годы цѣлая туча писателей, почитающихъ себя пессимистами, пыталась ошеломить публику, разнообразно изощряясь въ изображеніи страшилъ и пугалъ смерти, соперничая въ воплях и визгахъ отчаянія изъ-за неизбѣжности всепожирающаго карачуна, показывая власть послѣдняго во всевозможныхъ стихійныхъ маскарадахъ. И, тѣмъ не менѣе, извѣстно словцо Льва Толстого о Леонидѣ Андреевѣ, оберъ-пугателѣ русскаго человѣка:

— Онъ хочетъ меня напугать, а мнѣ нисколько не страшно.

Величайшій русскій оптимистъ, Максимъ Горькій, сумѣлъ достигнуть, просто и коротко,—безъ всякихъ символическихъ маскарадовъ — жуткихъ впечатлѣній, которыя такъ скользко не даются пессимистамъ, при всемъ ихъ звучномъ краснорѣчіи и охотѣ къ развитію многословной декламаціи. Быть можетъ, именно потому, что онъ оптимистъ. Потому, что несчастіе человѣческое воплощается для него не въ грубомъ ужасѣ предъ смертью, какъ фатумомъ-уничтожителемъ, но уже въ самой возможности паденія человѣка на степень такого ужаса—рабски воющаго, дѣтски ругающагося, заблудившагося между трусливыми слезами и фанфаронствомъ съ перепуга. Въ душѣ Семена-стражника столько же, если не больше, мрака, чѣмъ въ небывалой башнѣ небывалаго Лоренцо. По сумбуру спутанной, больной мысли, онъ изъ одной семьи съ этимъ перепуганнымъ принцемъ и другими трусами, устами которыхъ Леонидъ Андреевъ, такъ неестественно-громко, хотя, можетъ-быть, и искренно, вопитъ на весь шаръ земной свои признанія и приглашенія:

ЭР03159

— Боюсь! Боюсь! Бойтесь и вы за компанію! Боюсь! Ей-Богу, боюсь!

Отчего же я Лоренцо не вѣрю, герою „Тьмы“ не вѣрю, отчаянію „Анатэмы“ не вѣрю, а въ ужасъ Семена вѣрю и могу вообразить его и перечувствовать захолонувшимъ сердцемъ? Не разница талантовъ это дѣлаетъ,—Леонидъ Андреевъ тоже огромной изобразительной силы писатель,—и не только внушающій перевѣсъ чисто реальнаго письма надъ фантастически-отвлеченнымъ. Нѣтъ, огромную роль тутъ играетъ заревой тонъ „Лѣта“, на которомъ поднимается громадный черный силуэтъ страдающаго „ночного человѣка“. Онъ страшенъ и жалокъ тѣмъ, что онъ—одинъ — ночь, когда кругомъ заря, и въ душѣ у него убійство и испугъ, будто люди „перебьютъ другъ друга и всѣ умрутъ“, въ то время, какъ — Горькому и его свѣтлымъ героямъ „хочется кричать во всѣ стороны сквозь снѣжную тяжелую муть:

— Съ праздникомъ, великій русскій народъ! Съ воскресеніемъ близкимъ, милый!“

Страхъ ночи, какъ ночи, самой ночи, и въ рабѣ-человѣкѣ живетъ лишь до перваго урока физической географіи. Не ночь страшна, а ея порожденія—то, что человѣкъ творитъ, укрытый ея темнотою отъ стыда, противъ другихъ людей и себя самого. И ужасъ приходитъ—какъ къ нему, такъ и о немъ—не въ скрывающей ночи, но въ обличающемъ разсвѣтѣ. Страшно смотрѣть на лицо, испятнанное ужасомъ, не во тьмѣ, гдѣ всѣ кошки сѣры, но подъ божественнымъ пламенемъ солнца. Потому что страхъ за человѣка есть жалость къ нему, есть любовь къ нему. Душа Горькаго—великій очагъ любви къ человѣчеству. Онъ, какъ и герои его „Лѣта“, изъ тѣхъ, „кто ничего не боится“. Но любви-то его—„за человѣка страшно“. И хорошо—тепло, глубоко, ясно — разсказываетъ эта любовь о жалѣющихъ страхахъ своихъ, и, внемля ей, всякой душѣ, которой тоже не чужда любовь, тоже жаль и страшно.

ЭР03159

II.

Русскія газеты опять выслали Максима Горькаго съ Капри. Въ который разъ?

Итальянское правительство никогда не дѣлало подобныхъ попытокъ, да и не въ состояніи дѣлать, даже если бы хотѣло. Максимъ Горькій живетъ въ Италіи болѣе двухъ лѣтъ, никакихъ противо-общественныхъ дѣяній не совершаетъ, платитъ квартирный налогъ, имѣетъ коммунальную декларацію,—слѣдовательно, даже въ качествѣ „опаснаго иностранца", онъ уже, въ обыкновенномъ полицейскомъ порядкѣ, удаленъ изъ мѣстожительства своего быть не можетъ, а только—по судебному приговору. Желалъ бы я видѣть итальянскій судъ, который согласится разсматривать Максима Горькаго, любимца итальянскаго народа, какъ „опаснаго иностранца!" Не слѣдуетъ забывать, что въ Италіи засѣдаетъ не третья Государственная Дума, но настоящій парламентъ. Онъ правитъ очень твердо и прибѣгающихъ къ гостепріимству итальянской націи никому въ обиду не даетъ. Не только Максима Горькаго, но и любого мирно живущаго политическаго эмигранта итальянская администрація не въ состояніи тронуть, не поплатившись парламентскимъ запросомъ и министерскимъ кризисомъ. Покойный Муравьевъ могъ бы не мало поразсказать о своихъ неудачахъ на этомъ поприщѣ. Что же касается Максима Горькаго, то малѣйшее насиліе по его адресу расшевелило бы всѣхъ рабочихъ Неаполитанскаго края. Никогда въ жизни не видалъ я и не знаю, увижу ли еще разъ, чтобы общественный дѣятель—особенно, иностранецъ, въ чужой странѣ, не говорящій ни на одномъ языкѣ, кромѣ своего родного,—пользовался бы такимъ любовнымъ почетомъ, какъ Горькій въ Италіи. Народный энтузіазмъ гонится за нимъ по пятамъ, какъ въ старину за Гарибальди. Да итальянцы и воображаютъ Горькаго чѣмъ-то вродѣ русскаго Гарибальди. Его литературныя

ЭР03159

заслуги уходятъ въ культѣ этомъ на второй планъ. Масса поклонниковъ-итальянцевъ очень мало читала или вовсе не читала Максима Горькаго, успѣхъ его пьесъ (кромѣ горячо любимаго „На Днѣ“) ниже популярности автора. Но итальянцы создали себѣ своего особаго Максима Горькаго, прекрасно и чутко воспользовавшись всѣми данными видимостями этой богатѣйшей, честнѣйшей, великодушнѣйшей, широчайшей, талантливѣйшей русской натуры, чтобы обратить ее въ живой символъ русскаго освободительнаго движенія. И вотъ—существуютъ соціалистическіе и просто рабочіе кружки имени Максима Горькаго, издается газета „Голосъ Максима Горькаго“, и очень часто самъ Максимъ Горькій узнаетъ объ этомъ уже стороною и много позже такихъ возникновеній во славу его. Горькій для Италіи не только личность, не только Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ, высокоталантливо пишущій подъ псевдонимомъ Максима Горькаго, но — живая идея, огромная, международная, высоко чтимая. За эту идею итальянская демократія дралась чуть не тысячу лѣтъ съ папами, императорами, королями, феодалами, подестами, олигархами коммерческихъ республикъ. Она здѣсь—какъ воздухъ, она—въ крови и сознаніи, нѣтъ, больше: въ инстинктѣ каждаго. Оттого то и понятенъ, и ясенъ, и близокъ такъ, и дорогъ Горькій итальянцамъ. Оттого-то и популяренъ онъ здѣсь безмѣрно—едва ли даже не шире и дружнѣе, чѣмъ на родинѣ. Въ старину, вмѣсто популярный, популярность, говорили—народный, народность. Это старое слово прекрасно выражаетъ отношеніе итальянцевъ къ Горькому. Онъ здѣсь именно народный человѣкъ, окруженный и хранимый народностью—совершенно исключительною.

Признаюсь откровенно: на меня производятъ преотвратительное впечатлѣніе всѣ эти сказки о высылкахъ Горькаго, о розыскахъ Горькаго, о надзорѣ надъ Горькимъ и т. д., которыми разные легковѣрные соотечественники, въ погонѣ за сенсаціей либо за неимѣ-

ЭР03159

ніемъ другого матеріала, снабжаютъ русскую прессу невѣсть по какимъ первымъ слухамъ и безъ малѣйшей провѣрки. Во-первыхъ,—„зачѣмъ вретъ русскій человѣкъ и непремѣнно о дикòй птицѣ?“ Во-вторыхъ, я десятки разъ убѣждался, что вранье это глубоко оскорбляетъ итальянцевъ и, слѣдовательно, портитъ ихъ превосходныя отношенія съ громаднѣйшею здѣсь русскою эмиграціей. Въ-третьихъ, эту послѣднюю волнуетъ и пугаетъ безъ всякой къ тому нужды. Вѣдь нынѣшняя эмиграція—не та, что прежняя, дворянская, сплошь интеллигентная, которая политическій обычай и право европейскихъ странъ знала, пожалуй, лучше своего родного края. Громадное большинство новой руской эмиграціи—рабочее, крестьянское, полуинтеллигентное городское—живетъ въ какомъ-нибудь Больяско, а въ памяти и привычкѣ у него — неискоренимый Стерлитамакъ, со всѣми его злобами и опасностями. Лишь долгимъ опытомъ обучаются люди эти вѣрить, что есть разница между полномочіями генуэзскаго или неаполитанскаго префекта и саратовскаго губернатора, и что, въ смыслѣ произвола, самъ г. Джіолитти—человѣкъ со связанными руками по сравненію съ любымъ русскимъ урядникомъ. Поэтому тревожные полицейскіе слухи и сплетни, вродѣ высылки Горькаго съ Капри, врываясь въ эту нервную и мало знакомую съ краемъ среду, откликаются въ ней болѣзненною, ненужною и недоброю сенсаціей. Въ жизнь людей, которымъ некуда итти, входитъ напрасный и жесткій испугъ за право и прочность послѣдняго убѣжища. А отсюда, то и дѣло, опять неудовольствія и подозрительныя охлажденія съ итальянцами, — они, конечно, не въ состояніи вмѣстить русскихъ шкурныхъ страховъ и суевѣрій, а потому оскорбляются русскими недовѣріями и, въ отплату, сами становятся недовѣрчивы. Начинаютъ предполагать, что—ежели бѣгаетъ человѣкъ никому же гонящу, то, стало-быть, онъ — нечестивый. А, между тѣмъ, итальянцы—народъ покладистый и уживаться съ ними очень легко.

ЭР03159

Наконецъ, и самого Горькаго лживые переполохи ставятъ въ неловкое и скучное положеніе. Я глубоко увѣренъ, что онъ не сидѣлъ бы на Капри такимъ безвыѣзднымъ отшельникомъ, такимъ прикованнымъ Прометеемъ, если бы каждое передвиженіе его не давало сигнала къ взрывамъ корреспондентскаго вранья. Въ тотъ самый день, какъ я прочелъ въ русскихъ газетахъ телеграммы о высылкѣ Максима Горькаго съ о. Капри „за усиленную пропаганду", самъ Максимъ Горькій писалъ мнѣ, назначая свиданіе именно на Капри 22-го іюля. На Ривьеру онъ ѣздилъ совсѣмъ не подъ какимъ-либо политическимъ давленіемъ, но просто, какъ каждое лѣто ѣздитъ, повидаться со своимъ сыномъ отъ перваго брака, проводящимъ каникулы въ Алассіо. Ѣздилъ пароходомъ — спокойствія ради отъ любопытства народнаго, но по высадкѣ, въ Генуѣ его все-таки признали и помучили восторгами.

Откуда являются эти непріятные вымыслы?

Въ значительной степени, повинно въ нихъ, конечно, корреспондентское легкомысліе, хватающее слухи на лету и лѣнивое даже подойти къ междугородному телефону для провѣрки. Но это—безсознательное орудіе. Орудіемъ же, хотя болѣе низкимъ и вреднымъ, являются и тѣ ловцы и поставщики новостей, такъ сказать, Загорѣцкіе отъ печати, которые завѣдомо злоупотребляютъ именемъ Горькаго, распуская о немъ самыя вздорныя легенды, включительно до никогда небывалыхъ интервью. Сенсаціонная сплетня о Горькомъ, въ наши дни, такая же надежная затычка на газетный недохватъ, какъ легенды о вражескихъ дирижабляхъ, парящихъ—глядя по воображенію корреспондента—то надъ Туркестаномъ, то надъ Восточною Сибирью, то надъ Архангельскою губерніей. Либо—появленіе морского змѣя, а въ старину—орловскій тигръ и дитя, пожранное свиньями.

Когда я читаю описанія житья-бытья М. Горькаго на о. Капри, то, за весьма рѣдкими исключеніями, выношу неизмѣнное впечатлѣніе сплошнаго вранья о дикой птицѣ. Отчасти вранье возникаетъ изъ недостатка

ЭР03159

вниманія, отчасти зависитъ отъ избытка воображенія. Пріѣдетъ человѣкъ, просидитъ у Горькаго два часа, а навретъ на два года. И, навравъ на два года, все-таки, позабудетъ разсказать какъ разъ то именно, что дѣйствительно важнаго и серьезнаго для публики отъ Горькаго слышалъ. Потому что не съ тѣмъ и ѣхалъ, а—имѣлъ въ умѣ собственную дикую птицу: какъ бы поэффектнѣе ее изобразить и, съ ссылкою на авторитетъ, поярче раскрасить. И вотъ—одинъ даритъ Горькому виллу покойнаго Круппа, другой декламируетъ что-то про какія-то статуи, будто бы чернѣющія „на дворцѣ Тиберія“, котораго, къ слову сказать, съ прежней дачи Горькаго и Святогоръ-богатырь не увидалъ бы, третій просто тенеромитъ, что въ голову втемяшится, благо Горькій не охотникъ выступать съ опроверженіями по личному поводу. Это не по отечественнымъ только адресамъ я говорю. Французы и итальянцы не лучше или не многимъ лучше.

Въ особенности утѣшаютъ меня философскія и соціально-политическія интервью съ Горькимъ. Читаешь иное и, по старому опыту газетнаго спеціалиста, соображаешь:

— Это, при всей готовности Горькаго отвѣчать, дня три разговаривать надо было, чтобы получить такой длинный и систематическій матеріалъ... Что это сталось съ Алексѣемъ Максимовичемъ, что онъ сразу такъ широко распахнулся и подробно разговорился? Обыкновенно, онъ съ новыми лицами — не очень-то... Должно быть, ужъ очень по душѣ пришелся ему этотъ господинъ (или эта дама)...

Пріѣзжаешь на Капри, спрашиваешь:

— Долго у Алексѣя Максимовича пробылъ такой-то?

— Отъ парохода до парохода.

— Какъ же это они успѣли столько рѣшить и обсудить?

— Да вретъ онъ все. Алексѣй Максимовичъ былъ нездоровъ, не въ духѣ и почти не говорилъ. Вотъ самъ онъ, такой-то, дѣйствительно, трещалъ безъ умолку.

ЭР03159

Вѣчная исторія: Ситниковъ покрываетъ велерѣчіе свое ярлыкомъ Базарова, Лупояровъ, послѣ визита къ Инсарову, навѣрное, тоже и самъ увѣренъ былъ, и другихъ увѣрялъ, будто о Бустрапа, Пальмерстонѣ и князѣ Вяземскомъ не онъ Инсарову трещалъ, но Инсаровъ его взглядами своими просвѣтилъ и благословилъ.

Но, въ концѣ-концовъ, Ситниковы, Лупояровы и прочіе повѣствователи о дикой птицѣ, если извинить имъ грѣхъ поѣданія чужого времени по пустякамъ и покушеніе надуть будущую исторію фабрикаціей сознательно или безсознательно фальшивыхъ документовъ, народъ сравнительно невинный. Отъ злой души они врутъ рѣдко и, если изъ вранья ихъ получается иногда злой результатъ, то больше чрезъ недомысліе, отсутствіе такта и невоспитанное праздное любопытство. Гораздо непріятнѣе, чѣмъ суетня Ситниковыхъ и Лупояровыхъ, хлопоты и каверзы разныхъ маленькихъ Гартинговъ и полу-или четверть-Азефыхъ, копошащихся по Италіи — числа имъ нѣсть! Развелъ это сѣмя еще знаменитый Манасевичъ-Мануйловъ, но надо сказать по справедливости: не мало добровольческихъ усилій приложили къ тому же и аристократическія колоніи Рима и Ривьеры.

Послѣ того, какъ Бурцевъ открылъ Бакая, въ эмиграціи появился метеоромъ новый, нынѣ уже сходящій со сцены, типъ:

— Кающійся сыщикъ.

Около эмигрантовъ съ именами стали вертѣться какіе-то господа, откровенно заявлявшіе съ мѣста въ карьеръ о своихъ бывшихъ или еще продолжающихся отношеніяхъ къ тайной полиціи, театрально декламировавшіе объ угрызеніяхъ совѣсти, о своей растерянности въ жизни, о всякихъ психологическихъ путаницахъ и трудностяхъ... Испытали подобныя свиданія и Горькій, и Плехановъ, и многіе женевцы, лондонцы, парижане, и я. О Бурцевѣ — нечего ужъ и говорить! На этого ловца всѣ звѣри бѣгутъ. Непоколебимые старики, вродѣ Волховскаго или Германа Лопатина, ре-

ЭР03159

комендуютъ въ отношеніи всѣхъ этихъ господъ одинъ методъ:

— Въ шею!

Но въ поколѣніяхъ помоложе полицейскія Магдалины вызывали нѣкоторый интересъ. Единственное хорошее, что далъ онъ, это — превосходная повѣсть Максима Горькаго „Жизнь ненужнаго человѣка". Особенно сквернаго тоже ничего *не успѣлъ* дать. Эпидемія провокаціи, послѣ Азефа, такъ напугала заграничную политическую публику, что даже самыя безшабашныя головы, ранѣе трунившія надъ всякой „конспираціей", позастегнули сюртуки наглухо, и не разстегнуть ихъ не токмо сантиментально кающемуся сыщику, но и другу-товарищу, и сестрѣ-брату, отцу-матери. Но крохотныхъ откровеньицъ, малюсенькихъ тайнъ, а больше всего сплетническихъ искръ налетѣло съ очаговъ этихъ видимо-невидимо. И — чортъ ихъ разберетъ, гдѣ въ нихъ кончается дозволенная „искренность", гдѣ начинается вкрадчивая провокація...

Средство было грубо и сразу провалилось. Маленькіе Гартинги и четверть-Азефы мечутся въ желаніи оправдать усердіемъ хорошо оплаченное назначеніе свое за границею. Но демократическая Италія — среда, мало благопріятная для ихъ дѣятельности. У Лѣскова въ „Очарованномъ Странникѣ" разсказывается о чертенятахъ, которые еще молоды и рыломъ не вышли по настоящему мутить христіанскій народъ, а потому употребляются на мелкія житейскія пакости: напримѣръ — ногу пустыннику подставить, чтобы упалъ и, въ гнѣвъ войдя, обругался сгоряча и т. п. Маленькіе Гартинги и четверть-Азефы, которыми кишитъ Италія, напоминаютъ этихъ чертенятъ. Девять десятыхъ слуховъ, сплетенъ, устной, письменной и печатной молвы, которою вносятся раздоръ и разложеніе въ нѣдра русскихъ заграничныхъ колоній, либо возбуждаются неудовольствія между эмиграціей и мѣстнымъ населеніемъ, именно такого происхожденія...

Ну, вотъ: какъ разъ, когда писалъ послѣднюю стро-

ЭР03159

ку, получилъ отъ „выселеннаго съ Капри“, Максима Горькаго телеграмму, что онъ уже на Капри. Завтра, значитъ, и я поплыву.

Такому слону, какъ Горькій, чертенята вредить не могутъ, но пакостить — сколько угодно. Будоражить какихъ-нибудь лавочниковъ, стекольщиковъ, распускать слухи о высылкѣ, о выдачѣ, о сбирахъ, нанятыхъ, чтобы побить или даже убить Горькаго, — это отъ нихъ станется. Но для серьезнаго зла — во-первыхъ, они именно рыломъ не вышли, а во-вторыхъ, между ними и Максимомъ Горькимъ стоятъ охранными стѣнами двѣ великія силы: итальянскій народъ и итальянскій законъ.

Въ 1906 году П. Н. Дурново требовалъ отъ французскаго правительства выдачи одного русскаго эмигранта, котораго я знаю, какъ самого себя, настаивая на якобы уголовномъ значеніи статьи 74-й. Г. Клемансо отвѣчалъ:

— Неужели русскій министръ не имѣетъ юрисконсульта, который объяснилъ бы ему, что государство-убѣжище можетъ выдать человѣка, ввѣрившагося его защитѣ, только въ томъ случаѣ, если поступокъ, за который другое государство требуетъ выдачи своего подданнаго, оказывается противозаконнымъ и по кодексу государства-убѣжища?

И былъ между французскими юристами хохотъ велій.

Точно такой же хохотъ слышу я отъ итальянскихъ юристовъ, публицистовъ и общественныхъ работниковъ, когда ставятъ имъ вопросы—хотя бы о высылкѣ Максима Горькаго.

— Да—какъ же можно принудить къ перемѣнѣ мѣстожительства свободнаго человѣка, который не совершилъ никакого преступленія противъ кодекса страны, имѣетъ опредѣленный источникъ дохода, осѣдлость, профессію и платитъ установленные государствомъ налоги?

А чертенята, все-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и пошалятъ. Нельзя имъ иначе. Надо же хоть чѣмъ-нибудь оправдывать жалованье.

ЭР03159

III.

Perpetuum mobile.

Корреспондентъ помнилъ, какъ редакторъ, уѣзжая изъ Рима, твердилъ на прощаніе:

— Сенсація, милый другъ, сенсація! Ничего, кромѣ сенсаціи! Бумъ!

И даже, когда поѣздъ тронулся, а корреспондентъ слѣдилъ за отъѣзжающимъ патрономъ съ благоговѣніемъ и увлаженными глазами, но весьма безъ шапки, редакторъ еще успѣлъ послать ему, сквозь грохотъ колесъ изъ окна вагона:

— Бумъ!

— Да! чортъ тебя побери!—думалъ корреспондентъ, ѣдучи съ вокзала способомъ трамвайнымъ, — хорошо тебѣ говорить: сенсація... А гдѣ ее возьмешь, эту анаѳемскую сенсацію? У васъ тамъ, въ Россіи, пошелъ теперь читатель толстокожій, — куда его телеграммою! развѣ пикою сквозь шкуру проберешь...

Дома корреспондентъ затосковалъ.

— Мой другъ! Но вѣдь вотъ... Фортисъ?—утѣшала жена.

— Очень кому-нибудь нуженъ твой Фортисъ!

— Однако... все-таки... умеръ?!

— Ну, умеръ,—значитъ, покойникъ... Отойди!

И тосковалъ онъ семь дней и семь ночей, а редакція телеграфировала:

— Ваши корреспонденціи мало интересны: нужны сенсація, бумъ, иначе переведемъ съ жалованья на построчныя...

Корреспондентъ получилъ, прочиталъ, подсчиталъ и ужаснулся.

— Нѣтъ, ужъ это дудки-съ!—произнесъ онъ рѣшительно, такъ что жена въ сосѣдней комнатѣ даже перекрестилась, хотя и была историческая матеріалистка.

ЭР03159

Сутки спустя, благополучные россіяне читали въ газетѣ телеграмму: „*Римъ*. Итальянское правительство рѣшило выселить Максима Горькаго съ острова Капри. Возможны серьезныя осложненія, такъ какъ островитяне намѣрены защищать нашего знаменитаго писателя вооруженною силою. Предводителемъ національной обороны единогласно избранъ славный атаманъ мѣстныхъ разбойниковъ Энрико Моргано. Командиромъ правительственнаго усмирительнаго отряда будетъ назначенъ, по всей вѣроятности, генералъ Панца.“

Читатели ахали:

— Однако!

Розница повысилась: разошлось цѣлыхъ сто нумеровъ сверхъ ординара!

Редакторъ ходилъ по кабинету большими шагами, потиралъ руки и говорилъ:

— Вотъ это я понимаю... сенсація!.. бумъ!

Корреспондентъ получилъ причитающееся содержаніе, но почему-то лежалъ подъ диваномъ.

Жена корреспондента сидѣла въ комнаткѣ портье и упрашивала, съ молитвенно сложенными руками:

— Если тутъ мужа будутъ спрашивать двое—одинъ длинный, голова бритая, глаза голубые, а другой небольшой и молоденькій, но толстый—скажите имъ, ради Бога, что мужъ мой самъ умеръ.

Максимъ Горькій на Капри ничего не подозрѣвалъ.

* * *

Корреспондентъ помнилъ, какъ редакторъ, уѣзжая изъ Парижа, завѣщалъ на прощанье:

— Сенсація, любезный, сенсація! Къ чорту все, кромѣ сенсаціи! Бумъ!

И даже, когда поѣздъ тронулся, а корреспондентъ слѣдилъ... и т. д., и т. д., изъ окна вагона:

— Бумъ!

— Да! волкъ тебя заѣшь!—думалъ корреспондентъ, катясь съ вокзала подземными галлереями „метро“,—

ЭР03159

хорошо тебѣ говорить: сенсація... и т. д., и т. д... сквозь шкуру проберешь.

Дома корреспондентъ впалъ въ уныніе.

— Мой другъ! Но... мадамъ Стенэль?—утѣшала жена.

— Ты бы еще мадамъ Лафаржъ помянула! Отойди!

И унывалъ онъ семь дней и семь ночей, а редакція телеграфировала:

— Ваши корреспонденціи... и т. д., и т. д... съ жалованія на построчныя.

Корреспондентъ получилъ, прочиталъ, вообразилъ, сосчиталъ, и встали дыбомъ волосы на головѣ его.

— Нѣтъ, ужъ это моргенъ фри, носъ утри!—взревѣлъ онъ до того дикимъ воплемъ, что жена, читавшая въ сосѣдней комнатѣ „Красную Звѣзду“ А. А. Богданова, подумала, что на землю напали марсіане, бросила въ перепугѣ книгу и, крестясь, произнесла жалобно:

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!

Сутки спустя, благополучные россіяне читали въ газетѣ телеграмму:

„*Парижъ*. Совѣтъ русской рабочей соціалъ-демократической партіи постановилъ исключить Максима Горькаго изъ среды своей и объявить его волкомъ, съ лишеніемъ воды, огня и честнаго погребенія. За голову Горькаго объявлена премія въ 3.756.842 франка 19 сантимовъ. По слухамъ, Горькій забарикадировался въ Голубомъ гротѣ композиторомъ Сахновскимъ (Примѣчаніе редакціи: „съ композиторомъ Сахновскимъ?“). Мѣстныя власти намѣрены оказать гнуснымъ буржуа поддержку и покровительство. Заслуженная кара постигла Горькаго, главнымъ образомъ, за нежеланіе разговаривать денно и нощно съ интервьюерами и корреспондентами русскихъ газетъ.“

Читатели щелкали языками:

— Це-це-це... штука!

Розница—двѣсти сверхъ ординара!

ЭР03159

Редакторъ бѣгалъ по кабинету вприпрыжку, махалъ руками и кричалъ:

— Вотъ это — такъ! это — сенсація! бумъ! бумъ! бумъ!

Корреспонденту были посланы наградныя. Комми изъ банка нашелъ его почему-то сидящимъ въ платяномъ шкафу.

Жена корреспондента... и т. д., и т. д., съ молитвенно сложенными руками:

— Если тутъ мужа будутъ спрашивать какіе-нибудь русскіе... знаете, молодежь, о Плехановѣ разговариваютъ, о Ленинѣ, похожи на соціалъ-демократовъ... пожалуйста, увѣрьте ихъ во имя всего святого, что мужъ мой уже самъ себя высѣкъ и теперь лежитъ въ больницѣ, подъ компрессами.

Максимъ Горькій на Капри ничего не подозрѣвалъ.

* * *

Корреспондентъ помнилъ, какъ редакторъ, уѣзжая изъ Лондона, повелѣвалъ на прощанье:

— Сенсація, чортъ побери, сенсація! Провались все, кромѣ сенсаціи Бумъ!

И даже, когда поѣздъ тр... и т. д., и т. д.... ..... вагона:

— Бумъ!

— Да! быкъ тебя заклюй!—думалъ корреспондентъ, трясясь на имперіалѣ отобюса,—хорошо тебѣ говор... и т. д., и т. д. .....куру проберешь.

Дома корреспондентъ взвылъ.

— Мой другъ! Но... бюджетъ?—предлагала жена.

— Удивила! Тамъ у нихъ Коковцевъ, а ты... бюджетъ!

— Но... лорды?

— А зубры?

— Но... суффражистки?

— Бабы! И ты—баба! Отойди!

И вылъ онъ семь дней и семь ночей, а редакція телеграфировала:

ДВГНБ

ЭР03159

— Ваши корреспон... и т. д., и т. д..... на построчныя.

Корреспондентъ получилъ, прочиталъ, вникъ, сосчиталъ и затрясся въ лихорадкѣ:

— Нѣтъ, ужъ это ау, Матрешка!—рявкнулъ онъ—инда жена, бесѣдовавшая тѣмъ временемъ съ г. Діонео о культурныхъ переживаніяхъ анимизма, съ испуга закрестилась, творя мысленные обѣты:

— Батюшка Никола Милостивый! отецъ Іоаннъ Кронштадтскій! пронесите бѣду мимо! Поставлю пудовую свѣчу!

Сутки спустя, благополучные россіяне читали въ газетѣ телеграмму:

„*Лондонъ*. Максимъ Горькій экстренно выѣхалъ въ Японію. По слухамъ, ему предложенъ постъ маркиза Ито. Луначарскій по дорогѣ намѣренъ объявить себя Буддою. Богдановъ ведетъ съ Латамомъ переговоры о полетѣ на планету Марксъ, до сихъ поръ неправильно называвшуюся Марсомъ.“

Читатели качали головами:

— Экъ ихъ дергаетъ!

Розница—четыреста сверхъ ординара!

Редакторъ плясалъ по кабинету вприсядку, руки въ боки, и грохоталъ:

— Вотъ это дѣло! Сенсація! Ай, да курицынъ сынъ! Бумъ! Бумъ! Бумъ!

Корреспонденту былъ удвоенъ окладъ. Депешу о томъ телеграфистъ долженъ былъ, однако, вручить не лично корреспонденту, но тещѣ его, такъ какъ самъ онъ почему-то угнѣздился, скорчась въ три погибели, подъ тещиной юбкой.

Жена корреспонд... и т. д., и т. д... сложенными руками:

— Если будутъ тутъ ходить такіе, которые говорятъ, будто они „бога ищутъ“ или „бога строятъ“, такъ вы имъ не вѣрьте, пожалуйста, не впускайте. Это все неправда: они мужа моего ищутъ и скандалъ ему строятъ. Такъ вы скажите имъ, пожалуйста, что

ЭР03159

онъ уже самъ себѣ въ глаза наплевалъ... бѣльма— во-о-отъ какія! Пожалуйста!

Максимъ Горькій на Капри ничего не подозрѣвалъ.

* *
*

Корреспондентъ помнилъ, какъ редакторъ, уѣзжая изъ Вѣны, рекомендовалъ на прощанье:

— Сенсація, почтенный, сенсація! Къ Кузькиной матери, не при Волконскомъ будь сказано, все—кромѣ сенсаціи! Бумъ!

И даже, когд. по. трон., а кор. слѣд..... и т. д., и т. д..... агона:

— Бумъ!

— Да! чорта съ два!—думалъ корреспондентъ, жаря пѣшедраломъ по Пратерштрассе,—хор. тебѣ гов..... ..... и т. д., и т. д..... берешь!

Дома корреспондентъ зачесался.

— Но... Эренталь?—ободряла жена.

— Но Извольскій?—дразнился, огрызаясь, онъ.

— Ротмистръ Геркулесовыми пилюлями цѣлый полкъ отравилъ...

— Ты мнѣ жизнь отравляешь!... Отойди!

И чесался онъ семь дней и семь ночей, и тщетно возили его въ баню. А редакція телеграфировала:

— Ваш. кор..... и т. д., и т. д... на построчныя.

Корреспондентъ получилъ, прочиталъ, постигъ, прикинулъ, сосчиталъ, и подкосились его рѣзвы ноженьки.

— Нѣтъ, ужъ это—играй назадъ!—простоналъ онъ болѣзненно, ажъ его жена, хотя и была вѣнскаго вѣроисповѣданія, немедленно побѣжала къ сосѣдкѣ изъ бѣглыхъ іоаннитокъ за четверговою солью и крещенскою водой.

Сутки спустя благополучные россіяне читали въ газетѣ телеграмму:

„*Вѣна.* Только что прослѣдовалъ черезъ Вѣну Максимъ Горькій, изгнанный болгарскимъ правительствомъ изъ Софіи сквозь Бухарестъ, подъ страхомъ выдачи

ЭР03159

русскимъ властямъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что, по слухамъ, царь Фердинандъ втайнѣ принялъ луначарскую вѣру. Возможно, что Австрія воспользуется этимъ случаемъ, чтобы захватить Салоники. Инцидентъ врядъ ли можетъ быть исчерпанъ безъ дипломатическихъ осложненій."

Читатели хлопали ладонями по ляжкамъ:

— Ахъ, дуй те горой!

Розница—тысяча сверхъ ординара!

Редакторъ кувыркался по кабинету, бѣгалъ на четверенькахъ и оралъ:

— Вотъ это—пуля! Это — сенсація! Знай нашихъ, семикаторжныхъ! Бумъ! Бумъ! Бумъ!

Корреспонденту былъ посланъ благодарственный адресъ и оловянный жетонъ. Почтальонъ обрѣлъ его почему-то лежащимъ въ фортепіано.

Жена корреспондента..... и т. д., и т. д..... сложенными руками.

— Если тутъ мужа будутъ искать этакіе... чумазые, съ ятаганами, изъ братьевъ славянъ, скажите имъ, ради Бога, чтобы не трудились— онъ, дескать, уже самъ себѣ носъ отрѣзалъ и благополучно истекъ кровью, отказавшись даже отъ корпіи.

Максимъ Горькій на Капри ничего не подозрѣвалъ.

* * *

Корреспондентъ помнилъ, какъ редакторъ, уѣзжая изъ Мценска (онъ же, по редакціонной географіи, Тегеранъ), бормоталъ на прощанье:

— Сенсація, чортова перешница, сенсація! Къ свиньямъ собачьимъ все, кромѣ сенсаціи! Бумъ!

И д., к. п. тр., а к. с.....и т. д., и т. д..... гона:

— Бумъ!

— Да! въ ротъ те ситнаго пирога съ горохомъ!— думалъ корреспондентъ, шествуя на четверенькахъ по лужамъ Дворянской улицы,—х. т. г..... и т. д., и т. д..... решь.

ЭР03159

Дома корреспондентъ буйно запилъ.

— Ты бы хоть о Ржавскомъ?—тосковала жена.

— Я те проржавлю!—оралъ корреспондентъ.

— Ну, о Гилевичѣ...

— Не суйся! Самое, какъ Гилевича, никто не узнаетъ!

— Ну, такъ изъ Тегерана... Какъ его тамъ? Абдъ-Уль-Саидъ-Назимъ-Хаимъ-Бирметъ-Кермесъ-Каземъ-Булатъ-Махмудъ-Ахм...

— Отойди!!!

И пилъ онъ семь дней и семь ночей, вопреки ярлыку на водку, Толстымъ придуманному. И Челышевъ плакалъ, а Витте радовался. А редакція телеграфировала:

— В. к... и т. д. и т. д..... построчныя.

Корреспондентъ получилъ, прочиталъ, померекалъ, сложилъ, вычелъ, умножилъ, раздѣлилъ и — протрезвился!

— Нѣтъ, ужъ это...—выразился онъ неудобопечатно, зато съ совершенною опредѣленностью. Жена со страстей уронила кормимаго грудью ребенка внизъ головою въ корыто съ помоями, а освободившеюся рукою перекрестилась, читая:

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

Спустя сутки благополучные россіяне читали въ газетѣ телеграмму:

„*Тегеранъ*. Товарищъ Ефремъ и Максимъ Горькій встрѣтились въ Ширазѣ. Онъ его посадилъ на колъ.“

Читатели разводили руками:

— О, дьяволъ... кто—кого?

Розница—двѣ тысячи сверхъ ординара! И—на слѣдующій № заказъ—лишнихъ пять тысячъ!

Редакторъ катался по кабинету покотомъ, держался руками за бока, визжалъ и хрюкалъ:

— Вотъ это—загнулъ, такъ загнулъ! Ахъ, жуликъ амченскій! Это—сенсація! Бумъ! Бумъ! Бумъ!

Корреспондентъ получилъ гонораръ — на сей разъ даже безъ вычета, но повѣстку пришлось подать ему

ЭР03159

на шестѣ, такъ какъ онъ почему-то наслаждался свѣжимъ воздухомъ, сидя въ выгребной ямѣ.

А жена корреспондента объясняла почтальону:

— Знаете, ходятъ тутъ разные... пріѣзжаютъ... читатели... подписчики... конечно, все по интригамъ господина Горькаго... Мы ужъ имъ говоримъ, что мужъ самъ удавился...

Максимъ Горькій на Капри ничего не подозрѣвалъ.

О Сашѣ Черномъ.

Съ огромнымъ и глубокимъ, рѣдкимъ наслажденіемъ прочиталъ я сборникъ „Сатиръ“ Саши Чернаго. Въ этой умной и сильной книжкѣ прекрасно все, кромѣ, пожалуй, заглавія. Оно суживаетъ характеръ и значеніе поэзіи Саши Чернаго. Сатиру мы привыкли тѣсно связывать съ публицистикой. Теоретически привычка эта неправильна, но правда практики, въ вѣкахъ, побѣдила теорію. Нѣтъ въ исторіи литературы такого сатирика, при имени котораго въ умѣ не вставало бы представленіе не столько о поэмѣ, сколько о стихотворствующемъ риторѣ-публицистѣ. Между тѣмъ, Саша Черный совсѣмъ не риторъ, но, прежде всего, именно поэтъ. Отличительная, основная черта поэтическаго характера—мышленіе образами—сказывается въ его творчествѣ съ энергіей преобладающей, съ рельефностью поразительной. Скажу даже больше того: слабѣйшую часть сборника составляютъ стихотворенія на случай, обработывающія злобу политическаго дня, и эпиграммы. До такой степени въ формаціи вдохновеній Саши Чернаго публицистика является наноснымъ слоемъ, чуждымъ интересомъ, постороннимъ впечатлѣніемъ. Здѣсь Сашѣ Черному, если не обязательно

ЭР03159

приходится, то часто случается насиловать свой талантъ выдумкою, искусственнымъ нанизываніемъ „смѣшного“ на общую нитку заданной предвзятости. Петроній, Жанъ Поль Рихтеръ, Стернъ, Гоголь, Гейне (имѣющій на молодого поэта самое большое вліяніе), Беранже, Некрасовъ, какъ лирики-юмористы, ближе дарованію Саши Чернаго, чѣмъ сатирики чистой воды: Ювеналъ, Свифтъ, Берне, Барбье, Салтыковъ, Сухово-Кобылинъ. У послѣднихъ онъ выучился сатирической смѣлости безцеремонно крупнаго слова, перенялъ боевые удары жесткими гиперболами, съ первыми онъ—родственникъ по духу. И уже одно то обстоятельство, что послѣ книжки Саши Чернаго приходятъ въ голову воспоминанія о такихъ славныхъ мертвецахъ прошлаго смѣха, свидѣтельствуетъ, какое чудесное обѣщаніе имѣемъ мы въ молодомъ поэтѣ.

Не знаю, будетъ-ли выполнено это обѣщаніе, и совсѣмъ не собираюсь слагать въ честь Саши Чернаго диѳирамбы авансомъ, но его короткое прошлое и наличное настоящее, выражаемое книжкою „Сатиръ“, позволяетъ сказать съ полною увѣренностью и опредѣленностью, что такого оригинальнаго, смѣлаго, свободнаго, буйнаго лирика-юмориста, такой мрачно-язвительной, комически унылой, смѣшно свирѣпой, стихотворной маски не появлялось на россійскомъ Парнассѣ со временъ почти что незапамятныхъ. Свободою стиха Саша Черный напоминаетъ блестящихъ поэтовъ „Искры“: Курочкина, Жулева, молодого Вейнберга, юнаго Буренина. Жулевъ—Скорбный Поэтъ—былъ бы ему больше всѣхъ сродни, какъ самый демократическій изъ нихъ по настроенію и самый звонкій ритмомъ и рифмами.

Товарищъ, не ропщи!
Хоть мы съ тобой иззябли,
И лишь пустыя щи
Ѣдимъ, какъ мизерабли...
На-дняхъ, вотъ, богача,
Отъ преизбытка пищи,

РГБ

ЭР03159

При помощи врача,
Стащили на кладбище.
Какой былъ крикъ и вой,—
Пересказать нѣтъ средства!—
Ну, точно на Сѣнной—
Изъ-за его наслѣдства.
Придетъ пора и намъ,
Но мы съ тобой, дружище
Отправимся къ отцамъ,
Безъ шуму на кладбище
Потащатъ насъ съ двора,
На скорбной колесницѣ—
Адіо!—фельдшера
Обуховской больницы!

Этому стихотворенію Скорбнаго Поэта пятьдесятъ лѣтъ, но оно не прозвучало бы въ сборникѣ Саши Чернаго диссонансомъ ни содержанія, ни формы. Но Жулевъ, — забытый авторъ „Страшнаго Флейтиста", „Трагедіи въ Лѣтнемъ саду", „Пѣсни о каретѣ", „Витязя и Дамы" и множества другихъ остроумныхъ петербургскихъ шаржей, далеко менѣе забытыхъ, чѣмъ ихъ авторъ, потому что масса бойкихъ стиховъ и куплетовъ вошла въ обиходную цитату, въ уличную пѣсню, даже проникла въ народъ,—но Жулевъ имѣлъ музу веселѣе и здоровѣе, чѣмъ досталась Сашѣ Черному. Жулевъ принадлежалъ къ первому демократическому поколѣнію интеллигенціи, нахлынувшему изъ провинціи бѣдовать въ Петербургъ. Здоровая заправка деревенскими хлѣбами еще бѣжала въ его крови, и не только кровь, но и, какъ говорится, селезенка играла. Латинскій кварталъ стараго Петербурга имѣлъ жизнерадостные запасы хохочущей способности faire bonnes mines au mauvais jeu, коихъ поздно искать въ переутомленномъ Латинскомъ кварталѣ Петербурга новаго, рекомендующемъ обитателя своего хотя бы такимъ прелестнымъ портретомъ:

Кожа облупилась, складочки и складки,
Изъ зрачковъ сочится скука многихъ лѣтъ.
Кто ты, худосочный, жиденькій и гадкій?
Я?! О, нѣтъ, не надо, ради Бога, нѣтъ!

ЭР03159

Злобно содрагаюсь въ спазмѣ эстетизма
И иду къ корзинѣ складывать багажъ:
Бѣлая жилетка, Бальмонтъ, шипръ и клизма,
Желтые ботинки, Брюсовъ и багажъ...

Гризетка Жулева („Что за скверная дѣвчонка“) и дѣвица „Совершенно веселой пѣсни“ Саши Чернаго—одно лицо, но перекосившееся, въ смѣнѣ поколѣній, отъ водевиля къ загулу съ истерикой, отъ канкана у Ефремова или Марцинкевича къ danse macabre.

Думай, думай—но поможетъ.
Сорокъ бѣдъ—одинъ отвѣтъ.
Изъ больницы на рогожѣ
Стащатъ чорту на обѣдъ,
А пока,
Ха-ха-ха,
Не толкайся подъ бока!

Саша Черный пишетъ послѣ Достоевскаго съ карамазовщиною, послѣ ницшеанства россійскаго, послѣ непротивленнаго прекраснодушія толстовскаго, послѣ двадцатилѣтней эволюціи декаданса, послѣ разочарованій и распаденій марксизма, послѣ крушенія революціонной мечты, подъ вѣяніемъ душнаго сирокко тяжкой реакціи. Всѣ эти вліянія отложились на его дарованіи неизгладимыми пережитками и придаютъ его творчеству сложность и острую ѣдкость, незнакомыя веселому Жулеву съ товарищами. Тотъ и не мечталъ о нихъ, да и не могъ мечтать. Шестидесятые годы—расцвѣтъ матеріалистическаго фанатизма, эпоха большой прямолинейной вѣры, убѣжденной въ своей побѣдной непогрѣшимости и потому,—за предѣлами прямыхъ общественныхъ битвъ, гдѣ она свистала свирѣпою сатирою,—смѣявшейся довольно добродушно: какъ надъ глупостями маленькихъ—съ взрослаго высока. Стихотворенія Саши Чернаго часто хватаютъ современность въ глубину психологическими штрихами, которые и не снились поэтамъ „Искры“, а, если бы приснились, еще Богъ вѣсть, не стали-ли бы они отъ штриховъ этихъ чураться,—дескать, „лира, чистая

ЭР03159

лира"! Надо вспомнить и принять въ соображеніе, что „лиры"-то мы, даже въ восьмидесятыхъ годахъ еще, стыдились, какъ порока, взрослыхъ людей недостойнаго. Посмотрите-ка „почтовые ящики" въ юмористическихъ журналахъ того времени: сколько попрековъ „лирою" приходилось получать отъ редакторовъ намъ, тогдашнимъ дебютантамъ!

Это лирическое превосходство современнаго юмориста надъ прошлыми особенно ярко сказывается, когда имъ, дѣтямъ двухъ разныхъ вѣковъ, случается встрѣтиться въ темѣ. Вотъ—напримѣръ—„Городская сказка" Саши Чернаго о филологѣ Фаддѣѣ Семеновичѣ Смяткинѣ, который влюбился въ

Дѣву съ душою бездонной.
Какъ первая скрипка оркестра,—
Недаромъ прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Она совершенно однородна и по настроенію, и по сюжету съ весьма извѣстнымъ стихотвореніемъ покойнаго Вейнберга (Гейне изъ Тамбова): „Я любилъ ее такъ страстно, такъ высоко-поэтично" — включительно до трагическаго финала:

И шепталъ я: „дѣва рая
Докторъ, докторъ медицины!"

Стихотвореніе Вейнберга считается, какъ юмористическое, образцовымъ, не разъ попадало въ хрестоматію (Гербеля и др.), но нельзя не сознаться, что „Фаддѣй Семеновичъ Смяткинъ" совершенно раздавилъ его своею сильною, жестокою и неотразимою образностью. Разочарованія однородны, но Вейнбергъ отразилъ въ своемъ разочарованіи, еще недавняго тогда, притворщика-зубоскала барона Брамбеуса, а въ разочарованіи Саши Чернаго отразилась не только печальная улыбка Антона Чехова, но даже и какъ-будто мелькаетъ сквозь нее гримаса Достоевскаго. Этотъ,

ЭР03159

вѣдь, тоже умѣлъ иногда быть смѣшнымъ! Да еще какъ!

Другой примѣръ. Пастель Саши Чернаго „Пошлость“ и „Житейская пошлость“ въ „Дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“, сатирической поэмѣ В. Курочкина на 1865-й годъ,—бабушка и внучка. Но опять-таки старый ученикъ Беранже и Барбье затмѣвается молодою энергіей поэта, обвѣяннаго могучимъ духомъ Бодлэра. „Пошлость“—одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ, по общему тону и безцеремонности образовъ, ямбовъ Саши Чернаго,—настолько, что самъ онъ будто смутился немножко и запросилъ читательскаго снисхожденія:

Портретъ готовъ, карандаши бросая,
Прошу за грубость мнѣ не дѣлать сценъ:
Когда свинью рисуютъ у сарая—
На полотнѣ не выйдетъ Belle Helène.

Напрасно. Изъ всѣхъ россійскихъ бытописателей-Петроніевъ, Саша Черный болѣе, чѣмъ кто-либо другой, имѣетъ право приложить къ себѣ характеристику Юста Липсія: „auctor purissimae impuritatis“. Онъ имѣетъ право написать какую угодно непристойность, потому что она будетъ облагорожена его искренностью и непосредственностью. Вырвется, какъ необходимость, изъ реализма, диктующаго вѣрный и точный образъ для дѣйствительно наблюденной мерзости, а не изъ мечтательной само-щекотки отрицательными, но нравящимися автору призраками, плачевный примѣръ которой мы видимъ, напримѣръ, въ „Мертвой Зыби“ О. Миртова, не изъ сладостнаго купанія въ житейскихъ грязяхъ. Саша Черный—антиподъ В. В. Розанова. Саша Черный пишетъ только о грязи—выходитъ хрустально чисто, г. Розановъ пишетъ только о возвышенно чистомъ—выходитъ грязно.

Одно изъ стихотвореній Саши Чернаго снабжено эпиграфомъ изъ „Проклятія Звѣря“ г. Л. Андреева, и представляетъ къ тому произведенію довольно язвительный комментарій. Но, въ сущности, вся книжка Саши Чернаго—своеобразное „Проклятіе Звѣря“, про-

ЭР03159

клятіе жизни, раздавленной городомъ, городу, ее раздавившему,—проклятіе Петербургу.

Добро, строитель чудотворный!
Ужо тебѣ!

посулилъ когда-то „Мѣдному Всаднику“ несчастный, обезумленный петербургскимъ наводненіемъ, Евгеній, потомокъ предковъ, блиставшихъ на страницахъ Карамазина, но—„самъ онъ жалованьемъ жилъ и регистраторомъ служилъ.“ („Родословная моего героя“).

Правнукъ его, петербургскій интеллигентъ Саша Черный допѣваетъ мрачную пѣсню предка:

Петръ Великій, Петръ Великій!
Ты одинъ виновнѣй всѣхъ:
Для чего на сѣверъ дикій
Понесло тебя на грѣхъ?

Восемь мѣсяцевъ зима, вмѣсто финиковъ—морошка,
Холодъ, слизь, дожди и тьма—такъ и тянетъ изъ окошка
Брякнуть внизъ о мостовую одичалой головой...
Гдѣ наше—близкое, милое, кровное?
Гдѣ наше—свое, безконечное, любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкій! Васъ не тянетъ изъ окошка
Объ мостовую брякнуть шалой головой?
Вѣдь тянетъ, правда?

И этого *страшнаго* поэта иные провозглашаютъ смѣшнымъ забавникомъ? Да, онъ смѣшонъ и забавенъ, какъ Павелъ Ивановичъ—„Вѣчный мужъ“, какъ Ѳома Опискинъ и жертвы его въ „Селѣ Степанчиковѣ“, какъ остроты Федора Петровича Карамазова, какъ г-жа Хохлакова, въ діалогѣ съ Митею Карамазовымъ... Только смѣху этому не обрадуешься и, чѣмъ видѣть передъ собою жизнь, полную обѣщаніями забавъ подобныхъ,—пожалуй,—въ самомъ дѣлѣ, начнешь изъ окошка поглядывать съ вожделѣніемъ на панель. Смѣхъ оскаленнаго черепа, пируэты скелетовъ на кладбищѣ. Вопль разложенія физическаго и моральнаго, зубовный скрежетъ кровныхъ обмановъ напрасной жизни:

ЭР03159

Были яркія рѣчи и смѣлые жесты,
И неполныхъ желаній шальной хороводъ.
Я женихъ непрешедшей прекрасной невѣсты,
Я больной, утомленный уродъ...

Когда-то г-жа Гиппіусъ, талантливая и чуткая женщина, устами псевдонима Антона Крайняго, враждебно обмолвилась тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что наивнымъ предостереженіемъ буржуазному декадансу, коего она была пророчицею: не брать слишкомъ въ серьезъ Антона Чехова, какъ пассивнаго эстетическаго страдальца, послѣдняго пѣвца разлагающихся мелочей, — иначе, въ побѣдительномъ пессимизмѣ своемъ, онъ покажется читателю великъ и страшенъ *). Смѣхъ и пѣсня—старые экраны между жизнью и страхомъ жизни, и Halgenhumor—веселое приспособленіе идеи о висѣлицѣ къ инстинкту самосохраненія, который висѣлицу отрицаетъ. Стихи Саши Чернаго—въ этой категоріи. У нихъ могутъ быть два читателя съ двумя разными манерами чтенія и двумя разными впечатлѣніями. Читатель, барахтающійся въ жизни, успѣвая лишь фотографировать розничнымъ сознаніемъ ея текущія минуты, невольно хохочетъ въ тактъ уморительнымъ кривляніямъ ихъ мѣткаго кинематографа. Читатель, нашедшій въ жизни дорогу обобщеній, обогатившійся какимъ-либо, хотя бы условнымъ, синтезомъ міровоззрѣнія, закроетъ эту книжку, какъ безпощадную скептическую повѣрку, со словомъ:

— Страшно!

...О, домъ сумасшедшихъ, огромный и грязный!
Къ оконнымъ глазницамъ припалъ человѣкъ:
Онъ видитъ безформенный мракъ безобразный—
И... это навѣкъ!

Я слегка измѣнилъ послѣдній стихъ, чтобы сохранить идею Саши Чернаго, не удлиняя расползающуюся цитату двумя дальнѣйшими стихами, неудачными, какъ нравоучительный комментарій. Большая молодость Саши

*) Смотри во-второмъ изданіи моихъ „Кургановъ".

ЭР03159

Чернаго часто сказывается боязнью за свою понятность—боязнью таланта, неопытнаго въ впечатлѣніи, которое онъ производитъ. Онъ все опасается, что читатель не пойметъ его поэтическаго образа, и на этотъ плачевный случай, старается, сказавши для избранныхъ, затѣмъ растолковать сказанное во всеобщее употребленіе. Эти человѣколюбивыя старанія иногда порождаютъ повторенія и длинноты, общія мѣста, которыя изъ дальнѣйшихъ изданій книги своей поэтъ,—я увѣренъ,—выбросилъ за совершенною ихъ ненадобностью. Вообще, изъ сотни стихотвореній, вошедшихъ въ сборникъ Саши Чернаго, авторъ могъ бы смѣло одною четвертью пожертвовать, высыпавъ ихъ, какъ балластъ, задерживающій быстрый подъемъ воздушнаго корабля. Что же это? Плохія, что ли стихотворенія? Нѣтъ, не то, чтобы плохія, а такъ, только—что называется, на редакціонномъ жаргонѣ „читабельныя:“ прочесть ихъ можно безъ обиды за истраченное время, но въ умѣ они не застрѣваютъ, и могъ бы ихъ написать и другой кто-нибудь, а не Саша Черный. Хроническій журнальный способъ публикаціи, которому подчинилась его поэзія, неминуемо накладываетъ на нее характеръ нѣкоторой спѣшности и ремесленныхъ компромиссовъ. Тѣмъ суровѣе долженъ быть, въ качествѣ авто-критика, поэтъ къ отдѣльному изданію своихъ стиховъ. Все, что онъ печаталъ въ журналахъ, предъ экзаменомъ отдѣльнаго изданія,—не болѣе, какъ корректура къ авторской правкѣ, а то иногда и черновая рукопись.

Какъ я уже сказалъ, Саша Черный могъ бы безъ ущерба для сборника забыть въ архивѣ журнальныхъ страницъ нѣкоторыя стихотворенія на злобы политическаго дня: онѣ растаяли, а стихи, къ сожалѣнію, были не настолько сильны, чтобы дать имъ жизнь вѣчную, какъ, напримѣръ, нѣкогда дали жизнь вѣчную диспуту Погодина и Костомарова о происхожденіи Руси свистящія пародіи Конрада Лиліенштвагера. Но и въ этомъ отдѣлѣ Сашею Чернымъ брошено нѣ-

ЭР03159

сколько сатирическихъ перловъ, которые навѣрно переживутъ тѣхъ, которымъ они преподносятся: „Невольное признаніе“ (Гессенъ и Милюковъ), „Анархистъ“, „Баллада“. Грубѣе юморъ баллады „По мытарствамъ“ (о Меньшиковѣ),—зато выруганъ пресловутый авторъ „писемъ къ ближнимъ“ столь крѣпко и липко, что врядъ ли даже ему, много стрѣлянному, вдругорядь такъ получать приходилось.

Чтобы дать понятіе о способности поэта къ „невинному“ юмору, достаточно было бы, изъ отдѣла „Провинція“, одной прелестнѣйшей „Первой любви“ и изъ отдѣла „Лирическія сатиры“ блестящей гейневской шалости „Пѣснь Пѣсней“. Потому что глубокая и умная сердечная „идиллія“ „Жизнь“ въ первомъ отдѣлѣ и острое вступленіе „Подъ сурдинку“ во второмъ уже отлично нашли бы себѣ мѣсто въ отдѣлѣ „Бытъ.“ Остальное въ названныхъ отдѣлахъ можно характеризовать, какъ „лицейскія стихотворенія“, которыя будутъ когда-нибудь умѣстны и полезны въ „Полномъ собраніи сочиненій“ Саши Чернаго, но сейчасъ читатель легко обошелся бы и безъ нихъ. Головою ниже своего обычнаго поэтическаго роста Саша Черный также въ „Посланіяхъ“ (впрочемъ, цѣликомъ хорошо „Второе посланіе“ и первая половина третьяго) и остальныхъ своихъ Reise gedichte. Послѣ Гейне подобныя ироническія пасторали стоитъ дѣлать или ужъ ярче яркаго или... ихъ вовсе не стоитъ дѣлать.

Обращаюсь къ формальной сторонѣ поэзіи Саши Чернаго—къ стихотворству, къ ритму и риѳмѣ. Долженъ сознаться, что я совсѣмъ не поклонникъ такъ называемаго свободнаго стиха, отрицающаго плавную мелодію метрики, и хлесткихъ приблизительныхъ созвучій, вводимыхъ вмѣсто совершенной гармоніи риѳмъ. За послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ русская риѳма чудовищно попятилась назадъ. Она уже за Пушкинымъ и даже за Жуковскимъ. Вмѣсто того, чтобы расширять объемъ и полнозвучіе риѳмы, поэзія новыхъ, невѣроятно много и смѣшно пишущихъ, поэ-

ЭР03159

товъ, обыкновенно, довольствуется такимъ слабымъ и отдаленнымъ намекомъ на риѳму, который, до насъ, удовлетворялъ публику развѣ одъ державинскихъ. Главныя и обычныя причины тому — страшная поспѣшность творчества, слабое знаніе русскаго языка, выносимое изъ средняго образованія, а потому незначительность синонимическаго и симфоническаго словаря, а потому и лѣнь къ обработкѣ стиха въ музыкальную точность и къ „заостренію его“, какъ Пушкинъ говорилъ, летучею, мѣткою риѳмою. Ни въ комъ всѣ эти недостатки новой русской поэзіи не сказываются больше, чѣмъ въ законномъ главѣ ея, объединителѣ въ то же время и всѣхъ ея достоинствъ, высокоталантливомъ Бальмонтѣ. Онъ, вѣчно спѣшный („жить торопится и чувствовать спѣшитъ“), способенъ цѣлыми страницами сочетать построчно несносные мнимые неологизмы, въ которыхъ онъ прилагательныя обращаетъ въ существительныя посредствомъ обобщающихъ суффиксовъ, создавая этимъ соромъ на глубокомъ морѣ поэзіи своей отмели и перекаты безвкуснѣйшей прозы. Не вполнѣ свободенъ отъ указанныхъ ущербовъ и Саша Черный, — кромѣ главнаго: прѣсныхъ качественныхъ неологизмовъ у него нѣтъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ нарочныхъ мѣстъ, гдѣ онъ надъ ними съ отвращеніемъ смѣется („Недоразумѣніе“). Немногіе, но все же наличные пробѣлы и неловкости риѳмъ бросаются въ глаза читателю Саши Чернаго тѣмъ замѣтнѣе, что вообще то его запасъ риѳмъ изумительно богатъ и разнообразенъ, и пользуется онъ ими мастерски свободно, какъ профессоръ фехтованія — шпагою, и съ изящнымъ вкусомъ. Поэтому, сдается мнѣ, ущербы надо отнести исключительно насчетъ спѣха, выпускающаго стихотвореніе въ печать безъ окончательной отдѣлки. Иногда это очевидно. Если, напримѣръ, у поэта уже звучатъ въ головѣ, въ сцѣпленіи образовъ, скажемъ, „невѣста“ и „мѣсто“, то такому ловкому ювелиру стиха, какъ Саша Черный, никогда не трудно повернуть свою фразу

ЭР03159

такъ, чтобы надежныя формы „невѣсты“ и „мѣста“ дали созвучіе полное, безъ детонаціи двухъ флексій, колющей чувствительное ухо. Когда Саша Черный, преодолѣвая съ величайшею легкостью величайшія трудности риѳмы („Стилизованный Оселъ“), позабываетъ подобныя простыя мелочи и пустяки, само собою разумѣется, что это говоритъ лишь о томъ, что мысль слишкомъ быстро пишется на бумагу, рукопись слишкомъ скоро поступаетъ въ наборъ, а корректура читается слишкомъ бѣгло и со скупостью срока на авторскую правку.

Созвучныя сочетанія у Саши Чернаго необыкновено находчивы, смѣлы, неожиданны, а потому, зачастую, побѣдоносно смѣшны. Когда Саша Черный „съ добродушіемъ *вѣдьмы*, встрѣчаетъ поэта въ *передней*“, то даже самый суровый Тальери стиха, вродѣ покойнаго Майкова, что ли, можетъ-быть, пожметъ плечами, но раньше невольно улыбнется, потому что странное созвучіе само слишкомъ заразительно улыбается. „Смяткинъ“ и „пятки“, конечно, не риѳмуютъ, но—не угодно ли, попробуйте-ка придраться къ унылому комизму такой вотъ созвучности:

Пришелъ къ мадоннѣ филологъ
Фаддѣй Семеновичъ Смяткинъ,
Разсказъ мой будетъ недологъ;
Филологъ влюбился по пятки.

Licentia poetica проскальзываетъ у Саши Чернаго и глотается его читателемъ съ легкостью, какъ мало у кого изъ русскихъ поэтовъ. Онъ великолѣпно знаетъ русскій разговорный языкъ и пользуется имъ въ стихѣ съ вольностью и гибкостью прозаической рѣчи.

Улыбка словъ, блестяще скачущій ритмъ и порывистые темпы съѣдаютъ неточности созвучій, которыя позволяетъ себѣ Саша Черный, звуковыми обманами, иногда почти чудотворными. Въ стремительной „аріи для безголосыхъ“—„Стилизованный Оселъ“—пародіи, написанной противъ мелкихъ декадентиковъ, есть, напримѣръ, такіе быстрые стихи:

ЭР03159

Ахъ, словесные, тонкіе—звонкіе фокусы-покусы.
Заклюю, забрыкаю, за локоть себя укушу.
Кто не понялъ - невѣжда! Къ нечистому накося—выкуси.
Презираю толпу. Попишу? Попишу, попишу...

Я долженъ сознаться, что, обладая довольно чуткимъ слухомъ къ риѳмѣ, — въ которой я къ тому же старовѣръ, — я, все-таки, ошеломленный этимъ звуковымъ натискомъ, не сразу замѣтилъ тайну эффектнаго диссонанса, которымъ Саша Черный такъ хорошо подчеркнулъ сумятицу и толкотню, льющихся бѣшенымъ темпомъ, оскорбительныхъ стиховъ. И этотъ „фокусъ-покусъ“ удается поэту много разъ, — почти неизмѣнно. По крайней мѣрѣ, я не вспоминаю, чтобы Саша Черный сорвался гдѣ-либо на немъ, кромѣ „Обстановочки“—одного изъ лучшихъ и сильнѣйшихъ стихотвореній сборника, но, къ сожалѣнію, нѣсколько испорченнаго неудачною риѳмовкою „рубля“ съ „убылью“. Этой натяжки русское ухо никакъ уже принять не можетъ.

Хотѣлось бы еще говорить, да и есть еще что, и надо говорить о хорошемъ, нужномъ, своевременномъ талантѣ Саши Чернаго, но — авось, не въ послѣдній разъ встрѣтились. Это молодое дарованіе — цѣликомъ все еще впереди. Оно само себя ищетъ и отсюда всѣ его плюсы и минусы, всѣ яркости его искренности, всѣ гримаски и ужимки его кокетства. Какъ онъ себя найдетъ, во что опредѣлится,—время скажетъ. Задатки средствъ прекрасны и огромны. Вопросъ теперь: есть ли у поэта — къ чему примѣнить его прекрасныя и огромныя средства? есть ли у него самого — что сказать печальному вѣку, разложеніе котораго онъ высмѣиваетъ? Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не столько читается словами сколько слышится и чувствуется въ общемъ благородствѣ тона пѣсенъ Саши Чернаго, въ юношескомъ азартѣ, въ смѣлой прямотѣ, съ которою онъ кошку называетъ кошкой, дурака дуракомъ и мерзавца мерзавцемъ. Все показываетъ, все говоритъ за то, что—наконецъ-то!—на Руси

ЭР03159

подрастаетъ и крѣпнетъ новый „рыцарь духа“, воинственный, мужественный, и сильный...

Пора. Надъ Россіей такъ много тучъ, что если ужъ не разряжается мракъ ихъ грозою, то пусть хоть ночныя зарницы сохранятъ намъ память и мысль о молніяхъ грозъ!

1910. VII. I.
Cavi di Lavagna.

Леонидъ Андреевъ.

I.

„Анатэма“.

Слушалъ вчера „Анатэму“ г. Л. Андреева. Читалъ художественно и ярко одинъ изъ лучшихъ артистовъ русскихъ, которому предстоитъ въ будущемъ сезонѣ создать роль Давида Лейзера *). Тѣмъ, не менѣе впечатлѣніе—отрицательное.

Во-первыхъ, вещь ужасно длинна и растянута. Матеріалъ семи картинъ драматической поэмы Андреева съ полнымъ удобствомъ уложился бы въ пяти, даже въ четырехъ. Безконечныя ремарки и реторическія повторенія дѣлаютъ то, что—начали мы чтеніе въ девять часовъ вечера, а кончили въ два пополуночи, истративъ на антракты не болѣе 25 минутъ. Невозможно вниманію быть прикованнымъ пять часовъ подрядъ къ пьесѣ, почти безъ дѣйствія, сплошь состоящей изъ діалоговъ, претендующихъ быть философскими, но претензіи не оправдывающихъ. При всемъ добромъ желаніи мужественно слушать разглагольствія

*) Увы! за это самое чтеніе злополучный артистъ (П. В. Самойловъ) жестоко поплатился: разгнѣванный моею статьею г. Андреевъ отнялъ у него роль Лейзера, а затѣмъ г. Самойлову и вовсе пришлось уйти изъ труппы петербургскаго театра, гдѣ ставили „Анатэму“. Искренно извиняюсь предъ г. Самойловымъ за непріятности и убытки, которые онъ изъза меня потерпѣлъ, воистину ужъ принявъ „въ чужомъ пиру похмелье“.

ЭР03159

Анатэмы и Лейзера до конца, утомляешься уже къ половинѣ пьесы, и неожиданная зѣвота начинаетъ раздирать ротъ какъ разъ къ тому сроку, когда дѣйствіе становится драматически интереснымъ, и — надо бы смотрѣть и слушать въ оба, а уже поздно: силъ нѣтъ.

Говорятъ, будто Л. Н. Андреевъ дозволяетъ театрамъ представленіе „Анатэмы“ лишь подъ условіемъ, что пьесу будутъ играть безъ всякихъ сокращеній. Если это правда, то авторъ дѣлаетъ огромную ошибку. Топтаніе на одномъ мѣстѣ не только словъ, но и цѣлыхъ положеній въ „Анатэмѣ“ почти безпримѣрно— даже для Андреева, вообще большого любителя, поймавъ эффектную мысль, затѣмъ жевать ее до безконечности подъ всевозможными острыми и пряными соусами неистощимаго своего краснорѣчія. Кажется, во всемірной литературѣ еще не было чорта, болѣе болтливаго и охочаго къ декламаціи, чѣмъ удалось вызвать теперь г. Андрееву. Мефистофель Гете, сравнительно съ Анатэмою, скромный молчальникъ. Надоѣдливый острякъ Сатана въ „Донъ Жуанѣ“ Алексѣя Толстого—застѣнчивая дѣвица. И скучно это изобиліе глубокомысленной иронiи до того, что, уже къ картинѣ этакъ третьей, — какъ только Анатэма разѣваетъ ротъ,— чувствуешь нѣкоторый предварительный ужасъ:

— Ну! опять пойдетъ острить и язвить въ „высшемъ“ стилѣ!

Чортъ Л. Андреева—дьяволъ очень начитанный въ поэзіи и съ отличною памятью. Своихъ словъ у него почти нѣтъ, но онъ знаетъ наизусть всю, предшествовавшую ему, русскую и переводную литературу чертей и сплетаетъ себя изъ ея разнообразія, точно дѣтскую картинку изъ цвѣтныхъ бумажекъ, продѣваемыхъ по разрѣзному въ продольныя полоски квадрату, какъ велитъ заказанный узоръ. Анатэма Андреева — это и Люциферъ Байрона, и Мефистофель не только Гете, но, увы, и Гуно и Бойто, и Демонъ, опять-таки, къ сожалѣнію, не только Лермонтова, но и Рубинштейна съ Висковатовымъ, и Сатана Алексѣя Толстого,

ЭР03159

и чортъ-приживальщикъ Ивана Карамазова, и чортъ-Чичиковъ г. Мережковскаго, и, наконецъ, за неимѣніемъ болѣе раннихъ чертей въ репертуарѣ самого г. Андреева, рабскій подражатель его „Іуды“. У послѣдняго онъ заимствуетъ фразы, гримасы, настроенія:

— Обманули честнаго Анатэму!

— Обижаютъ довѣрчиваго Анатэму!

Наконецъ, и основная идея „Анатэмы“ — конечное испытаніе высшаго добра, въ символѣ безграничной любви къ человѣчеству, чрезъ ужасы унизительныхъ мукъ человѣческаго безумія, суевѣрія и убійства,— повторяетъ страшное искушеніе, которымъ Іуда андреевскій погубилъ Іисуса и бросилъ вызовъ нестерпимой любви всему, что жило вокругъ Него, и думало, что живетъ во имя Его. Въ центрѣ драмы, Давидъ Лейзеръ, которому предстоитъ задача напитать не пятью хлѣбами пять тысячъ человѣкъ, но четырьмя милліонами рублей—бѣдняковъ всей вселенной. Въ началѣ—Іисусъ пустыни, къ которому являлся могучій духъ съ соблазнами тройной власти, принятыми впослѣдствіи, какъ „коррективъ къ Евангелію“, Великимъ Инквизиторомъ Достоевскаго. Въ концѣ Іисусъ Геѳсиманскаго сада, изнемогающій въ тоскѣ смертной, подъ бурею преджертвенныхъ сомнѣній. Замыселъ г. Андреева не новъ, но, представляя собою попытку поставить мистерію на почву, русской литературѣ, до сихъ поръ, по внѣшнимъ причинамъ, не доступную, — интересенъ и силенъ и могъ бы быть глубокимъ и обаятельнымъ. Но спѣшное письмо и необдуманность погубили этотъ образъ. Давидъ Лейзеръ вышелъ у Андреева слезливымъ сантименталистомъ, соперничающимъ съ Анатэмой въ растянутой болтливости общихъ мѣстъ, произносимыхъ съ необычайнымъ глубокомысліемъ, точно вновь открытыя Америки. Подражательность и наивный пріемъ цѣльныхъ заимствованій, такъ странно обнаруженные г. Андреевымъ уже въ „Черныхъ Маскахъ“, въ „Анатэмѣ“ пошелъ впередъ до размѣровъ, предъ которыми только руками остается развести.

ЭР03159

За кого принимаетъ авторъ „Анатэмы“ свою публику? Неужели онъ писалъ для людей, которые завѣдомо не читали ни Гете, ни Байрона, ни Гейне, ни Библіи, ни Лермонтова, ни Достоевскаго, а потому можно и даже, быть-можетъ, должно,—думаетъ онъ,—повторять предъ этою публикою ихъ вѣчныя слова, афоризмы, образы, ситуаціи, цѣлыя сцены, какъ свои собственныя?

Не знаю, какъ отзовется „Анатэма“ непосредственнымъ впечатлѣніемъ въ такой первобытной публикѣ, но мнѣ, отравленному хорошею и старою литературною памятью, онъ показался сцѣпленіемъ пародій на великіе классическіе образцы,—необычайно серьезныхъ и глубокомысленныхъ пародій, которыя невзначай пишутъ, въ видѣ первыхъ творческихъ опытовъ, очень умныя и талантливыя дѣти. Претензій на рѣшеніе—эйнъ, цвей, дрей!—міровыхъ вопросовъ—масса, и твердая увѣренность, что все произносимое и написанное необыкновенно оригинально и впервые звучитъ подъ луною. Лѣтъ черезъ пять, дитя, выросшее въ человѣка, со смѣхомъ перечитываетъ такія произведенія, на каждомъ шагу обличая себя въ непроизвольныхъ плагіатахъ—плодахъ страстнаго чтенія, почти фотографическаго, въ запечатлѣніи образовъ и красоты словъ. Будь г. Андреевъ очень молодымъ человѣкомъ, его новое произведеніе показалось бы мнѣ, съ только что указанной точки зрѣнія, утѣшительнымъ явленіемъ, какъ надежда молодого таланта, устремляющагося къ глубинамъ міровыхъ вопросовъ, покуда, чужими словами и образами, а потомъ когда-нибудь, авось, придутъ и свои. Такъ было, напримѣръ, съ Лермонтовымъ. Но, къ сожалѣнію, г. Андреевъ—не мальчикъ, а мужчина лѣтъ 35, и въ эти годы мы имѣемъ право требовать отъ поэта, чтобы онъ говорилъ самъ за себя, а не высылалъ глаголать отъ своего имени то библейскаго Іова, то гетева Мефистофеля, то гейневскаго юношу на берегу моря, то байронова Каина, то, по очереди, Карамазовыхъ, Смер-

ЭР03159

дякова, чорта ихъ и Великаго Инквизитора. Все это очень интересные образы, но мы знаемъ ихъ наизусть, а, когда авторъ фантастической поэмы приглашаетъ насъ въ театръ, то мы понимаемъ это приглашеніе, какъ обѣщаніе сказать на темы вѣчныхъ сомнѣній нѣчто новое, свое—догадку, гипотезу, но небывалую, неслыханную, свою, свою, свою! Для того же, чтобы обрушить на зрителя градъ прозрачно заимствованныхъ и не особенно искусно склеенныхъ цитатъ, право, взрослому человѣку не только не стоитъ, но даже неловко какъ-то, не по уровню предполагаемаго развитія и не по возрасту, городить огороды изъ Желѣзныхъ Вратъ, предѣловъ Вѣчности, и безпокоить столь важныхъ персонъ, какъ der alte Herr, Анатэма и прочія сверхміровыя силы. — Позвольте! скажетъ непріятно удивленный зритель. Какой тамъ Анатэма? какой тамъ Стражъ небесныхъ вратъ? Это, просто, два господина съ не совсѣмъ точною памятью, которые сперва декламируютъ своими словами вторую главу книгу Іова и прологъ къ „Фаусту“, а потомъ читаютъ дуэтъ изъ либретто оперы „Демонъ“:

И нѣтъ тебѣ ни пониманья,
Ни избавленья до конца.
Все, до чего коснешься ты,
Лишь смерть и гибель ожидаетъ,
Твое дыханье отравляетъ,
Ты о любви не говори!

Анатэма.

Врагъ ненавистный мой, молчи! молчи!
Всѣ презираю я рѣчи твои!

Ни на минуту не чувствуешь въ фантастическихъ образахъ „Анатэмы“, чтобы Андреевъ самъ былъ хоть сколько-нибудь зараженъ ими, чтобы онъ самъ въ нихъ вѣрилъ. Это актеры въ чужомъ платьѣ и съ чужими словами на губахъ. Поэтому въ „Анатэмѣ“, страшное не страшно, голодное не голодно, безумное

ЭР03159

напоминаетъ не о вопляхъ сумасшедшаго дома, но о красивыхъ эффектныхъ помѣшательствахъ въ балетѣ, оперѣ и мелодрамѣ. Кстати сказать, кажется, еще нигдѣ напъ „литературный Мейербэръ“ *) не пускалъ громыхающихъ эффектовъ больше, чѣмъ въ „Анатэмѣ“: и трубный вопль, и вой человѣчества, и гроза, и пожаръ, и всѣ бенгальскіе огни небесныхъ молній и геенискихъ костровъ. По всей вѣроятности, работа талантливаго декоратора, въ союзѣ съ талантливымъ режиссеромъ массовыхъ движеній, въ состояніи сдѣлать все это зрѣлище внѣшне занимательнымъ и любопытнымъ для глазъ. Но—до какой степени оперщикъ г. Андреевъ! до какой степени оперная поза въѣлась вглубь его творчества!

Когда вчера артистъ читалъ предъ нами пятую сцену „Анатэмы“ (по моему, самую сильную, съ нѣсколькими истинно драматическими и глубокими ударами, къ сожалѣнію, опять таки тонущими въ длиннотахъ мнимофилософскихъ діалоговъ), я самъ невольно улыбнулся и, оглядѣвшись, увидалъ такую же улыбку на другихъ лицахъ... „Лейзеръ, съ длинною сѣдою бородою, сидитъ у стола и съ нетерпѣніемъ перелистываетъ большую книгу. Анатэма, прямой и неподвижный, безмолвно стоитъ за нимъ, опершись на спинку его стула“. Образъ — столь знакомый, что того и жди: откроетъ Лейзеръ ротъ, и польются знаменитые теноровые бойтовскіе звуки:

— Giunto ai passi supremi dell'estrema eta...

Реалистически сильныхъ образовъ, все-таки мелькавшихъ иногда въ прежнихъ драмахъ-поэмахъ Леонида Андреева, придавая имъ расчетливую окраску правдоподобія, въ „Анатэмѣ“ нѣтъ. Самая среда, въ которую г. Андреевъ помѣщаетъ человѣческое дѣйствіе пьесы, ирреальна. Предъ нами, будто бы, еврейство большого южнаго города. Но г. Андреевъ—сѣверянинъ, великоруссъ и не знаетъ ни еврейства, ни

*) См. мой сборникъ „Современники“.

ЭР03159

южныхъ городовъ. Поэтому наблюденіемъ въ „Анатэмѣ“ даже и не пахнетъ. Ходятъ, бродятъ въ пустотѣ передъ читателемъ разныя фигуры съ еврейскими именами — Лейзеръ, Сура, Абрумъ — и разговариваютъ между собою аористическимъ языкомъ Шолома Аша и С. Юшкевича. Да! Весь языкъ „Анатэмы“ мы уже слышали отъ этихъ писателей, и здѣсь г. Андреевъ— черезчуръ довѣрчивый подражатель, не внесшій ни единой черты своей. И такъ какъ онъ не еврей и не чувствуетъ души быта, который изображаетъ, то остается далеко ниже своихъ образцовъ. Тѣ говорятъ о своемъ родномъ, и потому даже въ самыхъ ошибкахъ своихъ страстны и интересны. А г. Андреевъ просто производитъ техническій опытъ, можетъ ли и онъ, какъ столяры работаютъ подъ дубъ, подъ орѣхъ, подъ красное дерево, сочинить подъ русско-еврейскаго писателя. И—въ довольствѣ, что можетъ,—не замѣчаетъ, какъ онъ мертво скученъ, а иногда — непроизвольно смѣшонъ грубымъ незнаніемъ и апломбомъ, съ которымъ выдаетъ условность выдумки за живой бытъ. Воображаю: то-то большіе глаза долженъ сдѣлать, читая „Анатэму“, настоящій знатокъ еврейства, хотя бы—Шоломъ Алейхемъ!

Да и для жертвы, которую приноситъ Давидъ Лейзеръ, по коварному наущенію Анатэмы, избранная Андреевымъ еврейская среда не характерна. Четыре милліона рублей, отданные бѣднымъ, не могутъ не только вызвать переполоха на земномъ шарѣ, какъ изображаетъ г. Андреевъ, но даже откликнуться въ мірѣ большимъ изумленіемъ. А ужъ особенно въ еврейскомъ народѣ, который знаетъ широчайшихъ жертвователей, какъ Гиршъ, Монтефіоре. Озирисъ и др., бросавшихъ въ нѣдра нужды своихъ единоплеменниковъ суммы въ пятнадцать и въ двадцать разъ крупнѣйшія, чѣмъ хватило воображенія у андреевскаго Анатэмы. И опять-таки — никакой „революціи нищихъ“ изъ того не получалось, а просто возникали широкія практическія начинанія, въ родѣ аргентин-

ЭР03159

скихъ и палестинскихъ колоній, и развивались разныя филантропическія учрежденія. Мнѣ скажутъ: дѣло не въ четырехъ милліонахъ,—какая бы ни была сумма, вся жертва Давида Лейзера есть символъ. Отвѣчу то, что всегда: символъ долженъ заключать въ себѣ всѣ элементы дѣйствительности, которую онъ прообразуетъ, — если же онъ ниже и блѣднѣе ея возможности, то онъ уже не символъ, а просто плохой примѣръ. Дьяволу все равно, сколько фантастическихъ милліоновъ подарить Лейзеру. Вѣдь это, какъ говорится, на шереметевскій счетъ. Между тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, Андреевъ ввелъ въ пьесу свою символы дѣлежныхъ единицъ, по милости которыхъ четыре милліона Лейзера становятся просто комическими. Вся трагедія вертится на ариѳметической ошибкѣ чорта: принеси онъ Лейзеру не четыре, но четыреста милліоновъ,—и счетъ Лейзера уже покрытъ, и трагедія кончена. Такъ что получается даже нѣчто какъ бы уже изъ Козьмы Пруткова:

Читатель! разочти впередъ свои депансы
И не садися даромъ въ дилижансы...

Мысль благоразумная и основательная, но стоитъ ли, изъ-за нея, тревожить адъ и небо и поднимать столько шума „въ духѣ царя Камбиза?“

Нехороша, въ концѣ концовъ, и практическая дидактика „Анатэмы“. Мы не видимъ Давида Лейзера въ борьбѣ съ какою-либо иною силою, кромѣ стихійнаго звѣрства нищеты, которой онъ отдаетъ свое состояніе. Его давитъ наростающая алчность нужды, пробужденной его подачкою къ новымъ надеждамъ чудесъ сытости, здоровья, даже побѣды надъ смертью. Однако, полагаю, что на пути къ такой подачкѣ Лейзеръ перенесъ не только ту борьбу, что больной сынъ его лишился возможности брать уроки танцевъ, а дочь, оскорбленная необходимостью возвратиться въ бѣдность, предпочла обокрасть отца и сдѣлаться проституткою. Нѣтъ, великодушіе Лейзера должно было встрѣ-

ЭР03159

титься и съ враждебнымъ обществомъ, и, главное, съ враждебнымъ государствомъ. А это условіе должно было дать столкновенія глубокаго значенія, повседневной правды и реальной силы. Ничего подобнаго нѣтъ въ пьесѣ Андреева. Дѣйствіе поставлено внѣ времени и пространства. Съ одной стороны—сантиментальный филантропъ, въ лапахъ такового же чорта, съ другой—толпа, и — никакихъ средостѣній. Все — по щучьему велѣнью, по Анатэмы хотѣнью. Филантропъ не расчиталъ своихъ средствъ—думалъ, что каждый нищій получитъ отъ него по десяти рублей (тоже — подумаешь!—сумма на всю жизнь!), а смогъ дать только по одной копейкѣ. Толпа нищихъ освирѣпѣла и побила его камнями. Мораль: нищета человѣческая ненасытима, а человѣкъ—неблагодарный и грубый скотъ. А посему да здравствуетъ тотъ соціальный оппортунизмъ, который г. Андреевъ и присные ему „индивидуалисты“ давно уже проповѣдуютъ, въ трагической маскѣ пессимизма.

Очень давно! Это саддукейская поправка къ Гиллелу, ессеямъ, эбіонамъ, анавитамъ и католическая—къ Нагорной проповѣди. „Анатэму“ весьма одобрило бы въ Іерусалимѣ аристократическое священство третьяго храма, и съ удовольствіемъ прочелъ бы „Великій Инквизиторъ“ Ивана Ѳедоровича Карамазова. Это — невольная капитуляція предъ его идеей, это—смиренное признаніе, что противу фатальнаго рожна не попрешь, а, слѣдовательно, и согласіе покорствовать власти, сплетенной изъ искушеній чуда и сытости. И слѣпой замѣтитъ, что пресловутая дѣлежная копейка Давида Лейзера взята изъ жалкаго архаическаго арсенала буржуазныхъ наивностей, которыми защищался европейскій капиталъ отъ первыхъ теоретическихъ натисковъ соціализма. Старички до сихъ поръ считаютъ безсиліе дѣлежной копейки аргументомъ неопровержимой силы. Еще недавно кн. Мещерскій убѣждалъ крестьянство русское отказаться отъ мечты о земельномъ все-раздѣлѣ тѣмъ расчетомъ, что если бы, молъ,

ЭР03159

таковой даже и осуществился, то прибавилъ бы на крестьянскую душу только ½ десятины земли. Стало быть,—овчинка не стоитъ выдѣлки. „Разочти впередъ свои депансы и не садися даромъ въ дилижансы!“ Везетъ г. Андрееву на единомышленниковъ—нечего сказать!

И—какъ надоѣло все это уже, по совѣсти говоря! Міръ живетъ, движется, достигаетъ. Каждый день оглашаетъ какую-либо новую культурную побѣду человѣчества. Сегодня—открытъ сѣверный полюсъ, завтра—завоеванъ воздухъ, въ Персіи — конституція, Испанія кипитъ, какъ котелъ. Земля и люди, наука и жизнь, политика и общество, государства и народы, въ бореніи прогресса, полны страстными трепетами взаимныхъ насущныхъ интересовъ. А у насъ—все плаксивый монотонный вой лѣнивой скуки, настолько необразованной и близорукой, что, кромѣ себя самой, она ничего и разсмотрѣть то не въ состояніи, но настолько самодовольной, что невѣжество и слѣпоту свою принимаетъ за философскій пессимизмъ. И вотъ—сегодня: загасимъ огни и полѣземъ въ „Тьму“! завтра: не стоитъ жить, потому что нѣтъ свободной воли, а есть Нѣкто въ сѣромъ! послѣзавтра: дѣлежная копейка безсильна, стало быть, соціалистическая утопія—ерунда!..

Въ послѣднее время Леонида Андреева въ печати часто называютъ нигилистомъ. Нѣтъ, эта кличка не по шерсти, такъ какъ даетъ поводъ къ историческому смѣшенію. Русскій нигилистъ, начиная Базаровымъ и кончая Чеховымъ, былъ научнымъ и строго логическимъ отрицателемъ вѣковыхъ апріорностей. Тщательнымъ научнымъ анализомъ изучалъ онъ и то, что онъ отрицаетъ, и то, ради чего отрицаетъ. Изъ „нѣтъ“ нигилистовъ выростали возможности новыхъ „да“, въ разрушеніи возникало творчество. Сила разрушающая была силою творящею. Какой-нибудь Писаревъ былъ не только по инстинкту и невольнымъ строителемъ слѣдующаго поколѣнія, но очень хорошо понималъ, что минусъ на минусъ даютъ плюсъ, и что онъ, ни-

ЭР03159

гилистъ, работаетъ на положительную культуру. Что же въ этомъ похожаго на творчество г. Леонида Андреева, апріорное отъ аза своего до ѵжицы,—отрицающее „что-то во имя чего-то“, безъ знанія, безъ изслѣдованія, внѣ конкретныхъ условій, безъ новаго идеала, безъ живой цѣли, а такъ—куда-то въ пространство и „вообще“? Не въ обиду будь сказано, но—чѣмъ дальше пишетъ г. Андреевъ, тѣмъ больше обозначается въ немъ родственное сходство съ „Мыслителемъ“, но не Родэна, а Антона Павловича Чехова. Съ тѣмъ тюремнымъ смотрителемъ Яшкинымъ, который начиналъ процессъ мышленія отрицаніемъ знаковъ препинанія, а кончалъ:

— Все на этомъ свѣтѣ лишнее... И науки, и люди... и тюремныя заведенія, и мухи, и каша... И вы лишній... Хоть вы и хорошій человѣкъ, и въ Бога вѣруете, но и вы лишній...

Андреевъ-Яшкинъ отрицаетъ, а читатель-Пимфовъ, въ тактъ, покрякиваетъ, съ любопытствомъ выжидая, дойдетъ ли тотъ сегодня „до сотворенія міра и іерархіи“. Но уже безъ прежняго огорченія и страха, потому что привыкъ и хорошо знаетъ, что:

— Я вѣдь это такъ только... для разговора!..

Нѣтъ, нѣтъ! Какой нигилистъ г. Андреевъ! Совсѣмъ другой закалъ, иная порода... Нигилизмъ выростилъ и воспиталъ могучую гордость „человѣкобога“, такъ тонко, хотя и полемически, понятую Достоевскимъ. Г. Андреевъ идетъ совершенно обратнымъ путемъ. Поэму за поэмою пишетъ онъ—въ развѣнчаніе свободной воли, какъ основной силы и божественной искры въ разумѣ человѣческомъ,—поэму за поэмой, слагаетъ, въ суевѣрномъ страхѣ, во славу непобѣдимому могуществу Предопредѣленія. Онъ не нигилистъ, а провиденціалистъ, и, какъ ни дико прозвучатъ мои слова, я не удивился бы, узнавъ, въ одинъ странный день, что Андреевъ, вдругъ, напримѣръ, взялъ, да принялъ католичество. Его Нѣкто въ сѣромъ, завершенный теперь Стражемъ Желѣзныхъ вратъ уже въ оконча-

ЭР03159

тельную деревянность,—пугало совершенно ксендзовскаго ритуала. Очень ужъ боится г. Андреевъ, а, боясь, пробуетъ стращать и другихъ: авось, молъ, за компанію то дрожать веселѣе...

А, впрочемъ, можетъ-быть, и тутъ тоже по яшкински:

— Ну, ну! Я вѣдь это только такъ... для разговора...

Только это было бы ужъ очень стыдно. Такъ стыдно, что о подобной возможности даже и думать не хочется...

II.

Нашелъ въ „Од. Нов.“ перепечатку изъ интервью, въ которомъ г. Леонидъ Андреевъ выражаетъ свое недовольство мною:

„Съ нѣкотораго времени Амфитеатровъ сталъ неодобрительно и зло (?) отзываться обо мнѣ, причемъ въ этихъ отзывахъ я не могу не усмотрѣть извѣстной предвзятости“.

Первая половина жалобы вѣрна. Я могу даже опредѣлить время, съ котораго сталъ отзываться объ Андреевѣ „неодобрительно и зло“.

1. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ писать, а началъ мазать, къ одному торопясь, чтобы завалить неразборчивый и взбаломученный русскій художественный рынокъ возможно большимъ количествомъ названій.

2. Съ тѣхъ поръ, какъ, въ спѣшномъ и неряшливомъ мазаньи этомъ, печальная послѣдовательность отвратительной „Тьмы“, фразерскихъ „Черныхъ Масокъ“ и скучнѣйше риторскаго, азбучно резонерскаго „Анатэмы“ обнаружила, что за голымъ „пессимизмомъ“ г. Андреева не стоитъ рѣшительно никакой идеи, кромѣ рабскаго животнаго страха предъ смертью, того первобытнаго страха, который создаетъ попятныя движенія цивилизаціи—суевѣріе и боговъ. Послѣднія произведенія г. Андреева—школа унизительной реакціи

ЭР03159

человѣческаго духа, „клубъ самоубійства“... впрочемъ, безъ самоубійцъ.

Я не вижу за границею правыхъ листковъ, на которые, между прочимъ, жалуется своему интервьюеру г. Андреевъ. Если они поносятъ его, то—развѣ что по совершенной глупости своихъ руководителей. Система правой печати — активное запугиванье общества противъ культурно-соціальной самостоятельности и политической работы. Труды г. Андреева, посвященные пассивному запугиванью того же общества въ тѣхъ же областяхъ, сѣянію соціальныхъ самосомнѣній и отчаянія, разрушенію энергіи, проповѣдямъ фатализма, исканію исходовъ почти (чтобы не сказать — совершенно) провиденціальныхъ, безсознательно (будемъ надѣяться!) идутъ къ той же цѣли, которую сознательно преслѣдуютъ правые органы. Если бы г. Андрееву пришло въ голову испробовать свою „Тьму“— послать ее, до напечатанія подъ чужимъ именемъ, въ „Новое Время“, я глубоко увѣренъ: помѣстили бы съ радостью. Потому что — вода на ту мельницу. Человѣкъ не только констатировалъ полное нравственное безсиліе революціоннаго сопротивленія, но еще и возвелъ его въ идеалъ. А написано литературно. И—не поносили бы теперь правые листки автора „Тьмы“, но восхваляли бы: знай нашихъ! Въ „Тьмѣ“ спасло г. Андреева имя, заработанное первыми прекрасными произведеніями его въ сотрудничествѣ и товариществѣ съ литераторами освободительнаго движенія. Не будь г. Андреевъ слишкомъ хорошо зарекомендованъ смолоду, „Тьма“ сдѣлалась бы для него тѣмъ же, чѣмъ было „Некуда“ для Лѣскова. Но—„въ каретѣ прошлаго никуда не поѣдешь“, и плюсы первыхъ репутацій легко погашаются накопленіемъ послѣдующихъ минусовъ. А Леонидъ Андреевъ о накопленіи этомъ въ послѣднее время органически старается. Если онъ пишетъ такъ нарочно,—очень скверно: значитъ, онъ льстиво играетъ на самыхъ темныхъ и грубыхъ нотахъ общественнаго большинства, всегда ищущаго кра-

ЭР03159

сивой фразы въ оправданіе своей трусости и покладистаго оппортунизма. Если онъ пишетъ такъ нечаянно, по безсознательному творчеству,—опять скверно: значитъ, онъ совсѣмъ не то свѣтлое явленіе, за которое его смолоду ошибочно приняли. Темпераментъ юности, зажигавшій пламя внутри первыхъ разсказовъ Андреева, преждевременно отлетѣлъ отъ автора, и остался холодный, расчетливый, потрафляющій на спросъ, мастеръ эффектеръ, ловкій техникъ и декораторъ, съ богато развитою, неистощимо вьющеюся, фразою, которая должна выручать мало образованный и лѣнивый къ наблюденію, сухой, схематическій, суевѣрно-апріорный умъ. Всегда—литературный Мейербэръ и никогда—Вагнеръ, Бетховенъ, Моцартъ, Глинка, Бизе, Мусоргскій.

Съ нѣкотораго времени"... За это нѣкоторое время г. Андреевъ „однимъ махомъ побивахомъ" чуть ли не всѣ основные вопросы всего міра и еще нѣсколько мѣстъ. Потрафляя на спросъ спутанной, потому что слишкомъ быстро жившей, мысли въ новой, не успѣвшей запастись образованіемъ, публикѣ, Леонидъ Андреевъ, самъ мало образованный, ломился отсебятинами въ открытыя двери съ наивностью, которая была мила, покуда казалась искреннею, дѣтскою, выходила изъ г. Андреева непосредственно, сама собою, по геніальному невѣжеству. Общество съ радушіемъ, достойнымъ лучшей участи, приняло, какъ философское (!) произведеніе, „Жизнь Человѣка"—первый опытъ г. Леонида Андреева въ сочиненіи „Фаустовъ для малограмотныхъ". И, въ самомъ дѣлѣ, въ этой вещи, при всей ея азбучности и конспектности по части вторично открываемыхъ Америкъ, санкціи „великихъ истинъ" и пересмотра таблицы умноженія, есть что-то смутно-милое, чувствуется свѣжее дыханіе нѣкоторыхъ обобщеній полудѣтскихъ, но живыхъ и реальныхъ. Я помню, что писалъ о „Жизни Человѣка" съ удовольствіемъ и много. Не могу сказать того же ни объ одной изъ послѣдующихъ вещей г. Андреева. Ни одна изъ нихъ

ЭР03159

не шевельнула во мнѣ мыслей, понуждающихъ къ перу и бумагѣ. И когда критика и часть идолопоклонствующей публики надсажалась спорами о „Царѣ-Голодѣ“ или „Черныхъ Маскахъ“, о „Проклятіи Звѣря“ или „Записках“, я лишь удивлялся, что за охота людямъ поднимать много шума изъ ничего и искать чего-то тамъ, гдѣ ничего не положено? Удалось мастеру потрафить на заказчика фасономъ „Жизни Человѣка“, оказалось въ обществѣ достаточно малограмотныхъ, чтобы принять ее за „Фауста“, — ну, мастеръ и пошелъ валять товаръ свой на ту же успѣшную колодку, забывая, что—non bis in idem! Все, что писалъ г. Андреевъ послѣ „Жизни Человѣка“, несносно манерно, умышленно и расчитано, какъ поставка вѣрнаго предложенія, на спросъ вполнѣ опредѣленнаго рынка, который къ сожалѣнію, не выше культуры текущаго вѣка, но значительно ниже его. Кто читалъ за эти годы мою „Записную книжку“, тотъ знаетъ, что я почти ни словомъ не обмолвился въ ней о только что названныхъ произведеніяхъ Андреева. Относительно „Черныхъ Масокъ“ я могъ указать только новую странность въ андреевскомъ письмѣ—обиліе заимствованій у другихъ авторовъ, развившееся теперь въ „Анатэмѣ“ до размѣровъ чудовищныхъ. „О „Тьмѣ“ я писалъ довольно много—и самъ, и по вызовамъ изъ публики, но съ большою печалью и лишь по публицистическому долгу. Очень радъ, если хоть въ нѣсколькихъ умахъ строки мои явились противовѣсомъ обаянію этой гадкой вещи, подписанной авторитетнымъ именемъ большого, но заблудившагося, заметавшагося таланта.

Относительно предвзятости г. Андреевъ ошибается глубоко. Съ чего? Кажется, дѣлить намъ нечего. А вонъ „Свѣтъ“ насъ обоихъ даже соразбойниками величаетъ. Какая тамъ предвзятость! Наоборотъ, рѣдко къ какому-либо молодому таланту влеклась душа моя съ болѣе горячею и готовою на выжиданія любовью, чѣмъ къ автору „Василія Ѳивейскаго“. Счи-

ЭР03159

таю не лишнимъ повторить здѣсь свой тогдашній отзывъ о „Василіи Ѳивейскомъ“. Изъ него читатель увидитъ, что плюсы и минусы въ возможностяхъ андреевскаго творчества, для меня уже тогда обозначались ясно Но всѣ данныя были за плюсовой перевѣсъ, и хотѣлось вѣрить, что за нимъ останется побѣда.

* * *

Послѣ долгаго молчанія, г. Леонидъ Андреевъ выступилъ съ повѣстью о „Жизни Василія Ѳивейскаго“. Враги молодого писателя, оклеветавшіе его живую и безпощадную искренность порнографіей для порнографіи, на этотъ разъ не получили ни малѣйшей пищи для нападокъ. „Жизнь Василія Ѳивейскаго“—исторія сельскаго священника-неудачника, русскаго Іова, съ насильною вѣрою въ Того, чьему Провидѣнію не вѣрить убѣждаетъ его ежечасно и ежеминутно слагающаяся въ несправедливыя бѣдствія отчаянная жизнь. Ни съ того, ни съ сего теряетъ горемычный попъ сына-малютку, попадья съ горя спивается, дочь-поповна вырастаетъ злобнымъ волченкомъ, проба вернуть потеряннаго сына новымъ ребенкомъ разрѣшается появленіемъ на свѣтъ чудовища-идіота, который весь—звѣрское тѣло, какъ будто безъ искры духа, и становится, какъ нѣкій символическій Молохъ, конечнымъ, смертнымъ ужасомъ несчастной семьи. Бѣдствіе за бѣдствіемъ, разореніе за разореніемъ, пожаръ, гибель попадьи, рядъ униженій, гнетъ человѣческаго предубѣжденія къ—невѣсть за что—рокомъ караемому, несчастливцу. И—главный, внутренній ужасъ жизни: попъ, который весь—мысль и духъ, остается лицомъ къ лицу, вдвоемъ, съ сыномъ-идіотомъ, который весь—злая безсмысленная плоть. Ко времени этого одиночества вдвоемъ, этой роковой оброшенности, попъ уже пережилъ періодъ броженія въ вѣрѣ, когда подъ ударами судьбы, онъ потерялъ было даже волю быть въ церкви и рѣшился уже снять съ себя санъ. Послѣ искушенія пожаромъ и смертью попадьи, онъ, мощ-

ЭР03159

нымъ и внезапнымъ поворотомъ души, вдругъ—весь потрясенный—догадался: „На невѣдомый подвигъ и невѣдомую жертву избранъ онъ, Василій Ѳивейскій, тотъ, что святотатственно (N. B. кощунственно?) и безумно жаловался на судьбу свою. Онъ избранъ. Пусть подъ ногами его разверзнется земля, и адъ взглянетъ на него своими лукавыми-красными очами — онъ не повѣрить самому аду. Онъ избранъ". На что избранъ, о. Василій не знаетъ и не смѣетъ знать. „*Онъ* знаетъ. Онъ далъ мнѣ много. Онъ далъ мнѣ видѣть жизнь и испытать страданіе, и остреемъ моего горя проникнуть въ страданіе людей. Онъ далъ мнѣ почувствовать ихъ великое ожиданіе и любовь къ нимъ далъ. Развѣ они не ждутъ и развѣ я не люблю? Милые братья! Пожалѣлъ насъ Господь, насталъ для насъ часъ милости Божіей!" Эти монологи воскресающаго вѣрою священника, когда онъ стоитъ въ яблонномъ саду, съ пушистымъ цыпленкомъ въ рукахъ, въ которомъ видитъ онъ подобіе себя самого въ рукѣ Божіей,— по моему, лучшее и самое глубокое мѣсто повѣсти. Сильный темпераментъ Леонида Андреева ярко всколыхнулъ здѣсь волны и разума, огненно обостреннаго передъ тѣмъ, какъ ему совсѣмъ угаснуть, и наступающаго сумасшествія,—и съ поразительною наглядностью, мастерскимъ рельефомъ выдѣлилъ изъ міра сего *новаго* о. Василія: чающаго чудесъ, аскета въ личной жизни, неутомимаго молитвенника, всего—въ Богѣ, котораго онъ, однако,—вѣруя, подозрительно испытуетъ своею желѣзною вѣрою, почти враждебною, мрачно ждущею... Подъ вой зимнихъ метелей, о. Василій читаетъ изъ Евангелія о чудесахъ Христовыхъ, о слѣпорожденномъ. И дико расхолаживаетъ и пугаетъ его нелѣпо насмѣшливый хохотъ сына-идіота, предостерегающаго безобразною маскою своею, что ни чудесъ, ни избранниковъ уже не бываетъ. Но поздно: душа полусумасшедшаго уже попа теперь застрахована отъ сомнѣній; какъ раньше одолѣвало его безуміе ропота, такъ теперь обуяло непоколебимое безуміе вѣры.

ЭР03159

— Вѣрую, Господи! вѣрую!—вопитъ онъ.

А идіотъ смѣется:

— Гу-гу! Гу-гу!

И вотъ—новое искушеніе предъ глазами людскими: любимецъ о. Василія, веселый мужикъ, голый бѣднякъ Семенъ Мосягинъ,—едва священникъ устроилъ его на хорошее мѣсто,—погибъ подъ Троицынъ день, засыпанный пескомъ въ ямѣ. Воскресъ старый страхъ къ мрачному попу съ дурнымъ глазомъ,—къ jettatore, какъ зовутъ итальянцы.

— Уходи!—истерически кричитъ о. Василію въ алтарѣ, напуганный смертнымъ страхомъ—непостижимою близостью сверхъестественнаго,—представитель формальной, внѣшней, буржуазной вѣры, староста Иванъ Порфирычъ.—Ты зачѣмъ каждое утро тутъ выкидываешь? „Молюсь, молюсь...“ Такъ не молятся. Ты жди, ты терпи, а то „я молюсь“. Поганецъ ты, своеволецъ; по своему гнуть хочешь. Анъ вотъ тебя и загнуло: гдѣ Семенъ? Говори, гдѣ Семенъ? За что погубилъ мужика? Гдѣ Семенъ, говори!

— Пойди вонъ изъ алтаря, нечестивецъ!

„Пунцовый отъ гнѣва, Иванъ Порфирычъ сверху взглянулъ на попа—и застылъ съ раскрытымъ ртомъ. На него смотрѣли бездонно глубокіе глаза, черные и страшные, какъ вода болота, и чья-то грозная воля выходила оттуда, какъ заостренный мечъ...“ То были глаза человѣка, уже выростившаго вѣру свою до непреклоннаго совершенства, до непремѣннаго чаянія чуда, до сознанія своей способности произвести своею вѣрою чудо и необходимости его произвести. И вотъ—когда Семена принесли въ церковь отпѣвать,—о. Василій простираетъ руку къ гробу:

— Тебѣ говорю, встань!

Паника охватила народъ, церковь опустѣла, а безумный священникъ остался одинъ—предъ гнилымъ трупомъ и съ галлюцинаціями,—вновь, единымъ моментомъ сокрушенной,—вѣры... И бредится ему, что въ гробу—не Семенъ, а врагъ его, сынъ его,—торжествую-

ЭР03159

щее, издѣвающееся надъ жаждущимъ вѣры духомъ,— грязное, подлое тѣло, страшный полузвѣрь, идіотъ. И въ паническомъ ужасѣ бѣжитъ о. Василій изъ опустѣлой церкви по опустѣлому селу, подъ раскатами страшной грозы,—бѣжитъ, бѣжитъ,—и, когда потомъ нашли его мертвымъ, то и, закостенѣлый, „въ своей позѣ сохранилъ онъ стремительность бѣга“, какъ тѣ помпейскіе несчастливцы, которыхъ обличаетъ намъ теперь гипсъ убѣгавшими отъ пламенной лавы и пепла изъ жерла Везувія.

Думаю, что уже этого пересказа достаточно, чтобы видѣть, насколько сильною темою задался Леонидъ Андреевъ, и какъ сурово и смѣло онъ за нее взялся. Въ выполненіи темы онъ неровенъ: разсказъ идетъ зигзагомъ, талантъ автора то поднимается на острыя, прекрасныя высоты, то падаетъ въ низменности протяженно-сложенныхъ длиннотъ. Къ сожалѣнію, черезчуръ длинно разсказана и самая знаменательная по замыслу сцена повѣсти—попытка воскресить мертваго. Фактъ глубоко значителенъ и страшенъ самъ по себѣ и, чѣмъ короче будутъ тутъ слова, тѣмъ грознѣе выступитъ впередъ суть содержанія: угрюмые контрасты вѣры и дѣйствительности. А г. Андрееву какъ-будто не вѣрится, что онъ простыми средствами напугаетъ читающую публику такъ же, какъ напугалась мужицкая толпа въ селѣ Знаменскомъ отъ одной мысли, что воскреснетъ мертвецъ. И вотъ онъ громоздитъ ужасы, страхи, инфернальную обстановку до тропически-театральной грозы включительно. Признаюсь, что гроза эта значительно испортила мнѣ впечатлѣніе прекрасной повѣсти молодого московскаго писателя. Что за бутафорія? Къ чему „Робертъ-Дьяволъ“ и „Замокъ Красной смерти“ въ селѣ Знаменскомъ? Театральный громъ, позирующая паника, свистъ шелковаго вѣтра и оркестръ tutti:

Demoni fatali,
Famtasmi d' orror,
Del regno infernale
Plaudite al signor!

ЭР03159

Право же, можно было и проще, много проще, безъ оперы. И, разъ безъ оперы,—тѣмъ болѣе безъ „Роберта Дьявола“, котораго такъ ненавидитъ Ф. И. Шаляпинъ,—а ему-то вѣдь и посвящена „Жизнь Василія Ѳивейскаго“!

Зато психологическое движеніе повѣсти не оставляетъ требовать отъ автора ничего лучшаго. Всѣ дѣйствующія лица его—о. Василій, попадья, дочь Настя, староста Иванъ Порфирычъ, старуха-исповѣдница, радостный бытіемъ своимъ Семенъ Мосягинъ—дышатъ жизнью и неизмѣнно понятны всякому послѣдовательно въ каждомъ душевномъ переливѣ своемъ: лѣпкія ясныя фигуры, чувствуемыя читателемъ, словно онъ ихъ осязаетъ руками. Описательное дарованіе Андреева очень велико. Краски, рисунокъ, духъ жизни, объединяющей человѣка съ природою, онъ передаетъ съ чуткостью художника-пантеиста, какъ талантъ-зеркало для таинствъ единой міровой души. Во мракѣ безумія, охватившаго „жизнь Василія Ѳивейскаго“, плывутъ яркія пятна сторонняго свѣта—отблески внѣшней жизни „не мудря“, — простодушной и незлобливой. Какъ хорошъ вышелъ весь Семенъ Мосягинъ — начиная съ кроткой, покорной его исповѣди, и до самаго того момента, когда—лежитъ онъ, и „широко открытый ротъ съ чистыми и ровными, точно по ниткѣ обрѣзанными зубами, былъ туго набитъ золотистымъ пескомъ; и по всему лицу, по впадинамъ глазъ среди бѣлыхъ рѣсницъ, въ русыхъ волосахъ и огненно-рыжей бородѣ желтѣлъ тотъ же красивый золотистый песокъ“. Какъ хороши таинственныя утреннія службы о. Василія въ зимней церкви, когда онъ и старый псаломщикъ стоятъ предстателями за міръ — одни, лицомъ къ лицу съ Богомъ!

Идіотъ, какъ условный, придуманный символъ-контрастъ, воплощенное разрушеніе духа тѣломъ, отзывается мелодраматическою выдумкою, что особенно сказывается въ сценѣ, когда онъ подаетъ безсмысленныя реплики отцу, читающему вслухъ исторію слѣпо-

ЭР03159

рожденнаго. Но—на заднемъ планѣ этой мелодрамы—г. Андреевъ бросилъ такую эффектную и правдою проникнутую декорацію зимней деревенской ночи, съ глумливымъ безобразіемъ метели, вьющейся надъ измученною землею, что перо не поднимается судить его строго. Все вѣдь живетъ тутъ—вокругъ о. Василія и его идіота — сѣрый глазъ ночи, тесовыя стѣны, пузатый бѣлый колпакъ лампы... и звуки, звуки! Со времени „звуковъ набата“ — старой и буйной картины Маньяна—не чувствовалъ я въ искусствѣ болѣе сильной передачи звукового впечатлѣнія живыми образами, чѣмъ въ той борьбѣ колокола съ метелью, которую разсказалъ теперь Леонидъ Андреевъ... И тяжелъ заключительный аккордъ этой звуковой симфоніи о безпомощной борьбѣ человѣческаго добра съ вихрями стихійной злобы:

— Зоветъ блуждающихъ колоколъ и въ безсиліи плачетъ его старый, надорванный голосъ. И она качается на его черныхъ слѣпыхъ звукахъ и поетъ: ихъ двое, двое! И къ дому мчится, колотится въ его двери и окна и воетъ: ихъ двое, ихъ двое!

Двое: одинъ человѣкъ-духъ, устремившійся вѣрою быть мощнымъ ангеломъ, другой — дикая плоть, опущенная животностью ниже чорта. И они—двое: лицомъ къ лицу. И они не могутъ остаться другъ безъ друга: органически связаны и дышатъ, другъ на друга смертью... И это страшно!

* * *

Когда я перечитывалъ эту старую (1903) рецензію, мое вниманіе привлекли слова „*Послѣ долгаго молчанія* г. Андреевъ и т. д.“ Вотъ что совершенно утратилъ съ тѣхъ поръ молодой художникъ: способность къ долгому молчанію, подготовительно вынашивающему художественную зрѣлость. И, быть-можетъ, изъ всѣхъ обезцѣнивающихъ потерь, которое потерпѣло андреевское творчество, эта — самая значительная и опасная.

ЭР03159

Чудесно я читалъ Андреева въ первый разъ, одинокій, во второй вологодской ссылкѣ. Годами г. Андреевъ оставался для меня, убѣжденнаго реалиста въ искусствѣ, для котораго въ творчествѣ есть только то, что есть, единственнымъ писателемъ, въ комъ талантъ искупалъ ирреальность письма. Нѣтъ, г. Андрееву на дурное мое отношеніе къ нему не за что жаловаться. Конечно, если только онъ не закуренъ восторгами своихъ идолопоклонниковъ до той степени, когда „геній“ понимаетъ лишь одно къ себѣ отношеніе:

— Critique—jamais, ourrah—toujours!

А, при всякомъ иномъ, визжитъ, подобно Ѳомѣ Опискину:

— Обидѣли!

Но мнѣ всегда казалось, что г. Андреевъ (лично его я не знаю) человѣкъ не только талантливый, но и умный,—слѣдовательно, въ Ѳомахъ Опискиныхъ ему быть невмѣстно.

Къ сожалѣнію, я не читалъ и не видалъ „Дней нашей жизни“—вещи, которая, судя по всему, что о ней пишутъ, стоитъ въ сочиненіяхъ Андреева особнякомъ и въ сторонѣ. Моей „предвзятости“ было бы очень любопытно съ нею познакомиться. Не могу не отмѣтить, что моя „предвзятость“, лишь на-дняхъ узнавшая разсказъ г. Леонида Андреева: „Сынъ Человѣческій“, весьма твердо выстаиваетъ противъ неодобрительной критики, (печатной, письменной и словесной), обрушившейся на г. Андреева за это произведеніе, и считаетъ повѣствованіе о попѣ съ граммофономъ—превосходнымъ, изъ лучшихъ вещей андреевскихъ и—что подъ перомъ моимъ почти высшее выраженіе реалистической удовлетворенности, — Чехова достойнымъ. Неуспѣхъ „Сына Человѣческаго“ я приписываю исключительно тому обстоятельству, что г. Андреевъ такъ пріучилъ своего читателя озадачиваться реторическимъ воплемъ, что ему „не повѣрили“, когда онъ попробовалъ заговорить сравнительно просто и по человѣчески. Онъ настолько испортилъ желудокъ

ЭР03159

своей публики анархическими пряностями пессимистическаго рева, что обыкновенная пища безъ соуса съ кайэнной уже не пошла ей въ ротъ. Напиши эту вещь Чеховъ, и она имѣла бы огромный успѣхъ. Но Андрееву „не повѣрили“. Помилуйте! Какой же Андреевъ, если нѣтъ Желѣзныхъ Вратъ, Кого-то въ сѣромъ, Времени, Стража вѣчности и сарабанды прочихъ многозначительно танцующихъ и играющихъ на шарманкахъ фантомовъ, о коихъ никто ничего не знаетъ, а г. Андреевъ, кажется, даже немножко меньше, чѣмъ другіе? Если попъ или дьяконъ—это, извѣстно, Гусева-Оренбургскаго дѣло писать, если граммофонъ и психологія щенка—это оставь Куприну или Борису Зайцеву, а Леонидъ Андреевъ—подавай ряженыхъ чертей, воскресшихъ покойниковъ, Смерть, Голодъ, Старухъ.

Demoni fatali,
Fantasmi d'orror,
Del mondo infernale
Plaudite al signor!

Хорошій реалистическій талантъ забилъ въ себѣ г. Леонидъ Андреевъ „дансами макабрами“ своими, и жаль мнѣ его смертельно—жаль на всей высотѣ славы его. Всѣ Фаусты для малограмотныхъ, имъ производимые, — шпаргалки-однодневки, живущія лишь до повышенія малограмотности въ грамотность, и до знакомства съ Фаустами, Каинами, Манфредами, Гамлетами и пр. настоящими. А вотъ „Большой шлемъ“ г. Андреева будетъ жить долго—навѣрное, переживетъ и самую игру то карточную, изъ которой „большой шлемъ“ вылетѣлъ въ жизнь скептическимъ символомъ насмѣшливаго счастья. А вотъ „Христіане“, „Губернаторъ“ живутъ.

Провѣряя свою „предвзятость“, остановлюсь еще на „Семи повѣшенныхъ“, о которыхъ я тоже не писалъ, признаюсь, именно потому, что боялся предвзятости. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ этомъ замѣчательномъ раз-

ЭР03159

сказѣ у г. Андреева есть чудныя, захватывающія страницы, силы потрясающей, полныя догадки поразительной, Толстого достойной. Но, когда знаешь, о комъ идетъ рѣчь, дѣйствительность становится портретами между тобою и воображеннымъ творчествомъ автора и расхолаживаетъ тебя своею простотою, отсутствіемъ „литературы“, которой въ „Семи повѣшенныхъ“, какъ и во всякомъ воображенномъ обобщеніи, не можетъ не быть и имѣется достаточно. Г. А. Лопатинъ, который самъ былъ приговоренъ къ смертной казни и получилъ ея замѣну Шлиссельбургомъ вопреки не только своему ожиданію, но и своему желанію, высказалъ, по прочтеніи „Семи повѣшенныхъ“, замѣчательно глубокую оцѣнку, что тутъ прекрасно написано, какъ разные люди боятся казни, готовятся къ казни, принимаютъ казнь, но—между людьми этими онъ не видитъ ни одного революціонера. А, между тѣмъ, Андреевъ увѣряетъ, и, надо думать, самъ вполнѣ увѣренъ, что трое изъ пяти казнимыхъ мужчинъ—истинные и непремѣнные революціонные типы. Наблюдать Леонидъ Андреевъ вообще лѣнивъ и давно забросилъ это дѣло, а воображеніе его, чуть вступитъ на площадь революціи, всегда спотыкается. Нѣсколько дней тому назадъ посѣтилъ меня человѣкъ, изъ разсказа котораго о вынужденной ночевкѣ въ публичномъ домѣ г. Андреевъ взялъ фабулу своей „Тьмы“, немного описавъ въ ней и его наружность. Говорилъ я съ этимъ крѣпкимъ, грознымъ, послѣдовательнымъ человѣкомъ и только изумлялся, какимъ процессомъ мысли могъ онъ переродиться для Андреева въ того крикливаго и глупаго неврастеника, который въ „Тьмѣ“ пляшетъ съ проститутками танецъ разбитой вазы, оретъ пошлые невѣгласи о плохихъ и хорошихъ и приглашаетъ человѣчество затушить огни и лѣзть въ тьму.

Въ интервью своемъ г. Андреевъ жалуется:

— Моя „Анатэма“ еще не увидала свѣта, а ее раздѣлываютъ подъ орѣхъ.

„Од. Нов.“ сдѣлали къ фразѣ этой такое примѣчаніе:

ЭР03159

„Что касается г. Амфитеатрова, то къ нему упрекъ въ „раздѣлываніи подъ орѣхъ“ до ознакомленія съ пьесой не можетъ, конечно, относиться. Вся статья его объ „Анатэмѣ“ вылилась подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что прочитанной драматической новинки“.

Прибавлю, что — художественно прочитанной, такъ какъ читалъ мнѣ „Анатэму“ не „кто-нибудь“, а П. В. Самойловъ.

Тѣмъ не менѣе я сомнѣвался, слѣдуетъ ли мнѣ печатать строки, занесенныя въ „Записную Книжку“ послѣ этого чтенія, прежде чѣмъ „Анатэма“ будетъ поставлена на сценѣ и увидитъ свѣтъ въ „Шиповникѣ“. Я тогда еще не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что въ это время „Анатема“ уже вышелъ въ свѣтъ театральнымъ изданіемъ „Театра и Искуства“ и, слѣдовательно за мною было уже нормальное право критики, о наличности котораго я только еще не зналъ. Но, по нѣкоторомъ размышленіи, я рѣшилъ, что слѣдуетъ, потому что „Анатэму“, въ теченіе чуть ли не цѣлаго года усердно трепавшуюся пестрѣйшею гласностью, отнюдь нельзя уже считать авторскою тайною, да и вообще г. Андреевъ изъ писаній своихъ тайнъ не дѣлаетъ. Съ того момента, какъ садится онъ къ письменному столу и кладетъ предъ собою чистый листъ бумаги, до того момента, какъ листъ этотъ превращается въ листъ печатный и поступаетъ въ магазинъ для продажи, каждый штрихъ андреевскаго пера оповѣщается почтеннѣйшей публикѣ послѣдовательностью рекламныхъ замѣтокъ, интервью, цитатъ изъ „будущаго“ и т. д. Содержаніе „Анатэмы“ было разсказано чуть не десять разъ не только въ спеціально театральной, но и въ общей печати, детально, съ выписками, съ характеристиками дѣйствующихъ лицъ, проходящихъ идей и настроеній. Даже хмурая кадетская „Рѣчь“ не жалѣла въ теченіе лѣта мѣста для замѣтокъ объ „Анатэмѣ“ и еще вчера видѣлъ я въ ней (отъ 14 сентября) преогромные куски пролога и эпи-

ЭР03159

лога, перепечатанные, конечно, не безъ вѣдома владѣльца рукописи и, во всякомъ случаѣ, безъ его протеста. Словомъ, предварительное освѣдомленіе объ авторскихъ работахъ теперь въ новой сборничной литературѣ—мода всеобщая, а г. Андреевъ былъ и есть ея—не знаю, начинатель ли—но безспорно всероссійскій чемпіонъ. Вотъ почему я не ощущаю ни малѣйшаго угрызенія совѣсти за то, что съ своей стороны освѣдомилъ моихъ читателей объ „Анатэмѣ“ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ самойловскаго чтенія. Когда же мнѣ было о немъ говорить, какъ не въ выгоднѣйшихъ для него условіяхъ, при которыхъ только я могъ съ „Анатэмою“ познакомиться? Русскаго спектакля я не увижу, а, можетъ-быть, и печатнаго текста „Анатэмы“,—не попали же мнѣ до сихъ поръ въ руки „Дни нашей жизни“! Артисты русскіе, да еще такого калибра, какъ П. В. Самойловъ, въ нашу итальянскую глушь забредаютъ не часто. Стало быть, единственное огорченіе, которое могъ вынести г. Андреевъ изъ моей замѣтки, это—что пьеса мнѣ не понравилась, и—

Когда вы, полные восторженной хвалою,
Поднявши очи къ небесамъ,
Акафисты свои поете фистулою,
Я къ звонкимъ вашимъ дискантамъ—
Фундаментальный басъ...

Но въ басовомъ диссонансѣ вина уже не моя. Даю слово, что былъ бы счастливъ, если бы г. Леонидъ Андреевъ далъ мнѣ поводъ запѣть въ честь его радостный гимнъ самымъ высокимъ и пронзительнымъ фальцетомъ—не только по симпатіи и уваженію къ его прекрасному природному таланту, но и для того, чтобы умный человѣкъ не конфузилъ себя, говоря интервьюерамъ глупости. Ну—что такое? Развѣ можно не уважать себя настолько, чтобы позволять первому встрѣчному вытаскивать въ публику такую, напримѣръ, интимную ламентацію:

— Не могу не припомнить тутъ словъ Чехова, го-

ЭР03159

ворившаго мнѣ: — Вотъ при жизни меня бранятъ всѣ, а когда умру—пожалѣютъ.

Кто это хныкаетъ? Тридцатипятилѣтній взрослый писатель, или одиннадцатилѣтній мальчикъ въ капризахъ? И—что ссылаться на Чехова! То Антонъ Чеховъ, а то Леонидъ Андреевъ. Откровенно говоря, и Антонъ-то Павловичъ имѣлъ мало дѣйствительныхъ основаній къ подобнымъ словеснымъ стонамъ: никогда этого не было, чтобы его „бранили всѣ“, и лютыхъ критическихъ оскорбленій, наводящихъ даже на мысль, что ужъ лучше въ могилу, тогда, по крайней мѣрѣ, пожалѣютъ,—Чеховъ не получалъ. Но когда человѣка, притомъ врача, самоотчетно грызетъ туберкулезъ, и сознаніе отравлено хроническою меланхоліей предъ неизбѣжнымъ лицомъ надвигающейся смерти, — такія ли еще горькія мнительности родятся и печальныя слова вырываются у безнадежно больныхъ!.. Въ примѣненіи же къ Андрееву,—этому Sonntagskind'у, удачнику изъ удачниковъ, залюбленному, воспѣтому, захваленному, затрубленному, можно сказать, заваленному лаврами славы, успѣха, денегъ, наиболѣе читаемому писателю, любимцу молодежи, первому послѣ Льва Толстого русскому кормильцу интервьюеровъ, а теперь вонъ даже (первый дебютъ русской литературы на новомъ поприщѣ!) граммофонщиковъ и кинематографщиковъ, — ноющая чеховская фраза звучитъ убійственною насмѣшкою... Даже не изъ „Жизни Человѣка“, но просто изъ „Лѣса“:

Гурмыжская.

Въ послѣднее время, господа, меня томитъ какое-то страшное предчувствіе: мысль о близкой смерти ни на минуту не покидаетъ меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милоновъ.

Что вы! Что вы! Живите! Живите!

ЭР03159

Гурмыжская.

Нѣтъ, нѣтъ, и не просите!

Милоновъ.

Вѣдь, это будутъ слезы, горькія слезы...

Съ Гурмыжскою, послѣ такого трогательнаго изъясненія, какъ извѣстно, вышла маленькая неожиданность: собралась она писать завѣщаніе, а вмѣсто того, вышла замужъ за гимназиста. Съ Л. Н. Андреевымъ этой внезапности быть не можетъ, да онъ же и женатъ, но будемъ надѣяться, что и его меланхолія, подобно предчувствіямъ госпожи Гурмыжской,—какъ говорится, — не къ смерти, но къ славѣ Божіей. Отъ души желаю Леониду Николаевичу прожить, въ удовольствіе собственное и на пользу отечества, сто лѣтъ съ годомъ и даже готовъ былъ бы просить его о томъ, какъ Милоновъ Гурмыжскую, если бы не былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ—и такъ, безъ просьбъ, согласенъ.

III.

Нашелъ въ „Од. Нов.“ письмо г. Читателя, гнѣвающагося на меня за Леонида Андреева, и приглашеніе редакціи вернуться къ „затронутой любопытной темѣ“.

Долженъ сознаться: возвращаюсь съ полнымъ неудовольствіемъ. То, что я считаю слабыми и темными сторонами въ большомъ и яркомъ талантѣ Леонида Андреева, то, что мнѣ антипатично въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности, мною высказано уже—по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ—до конца. Повторять эти непріятныя указанія еще разъ совсѣмъ не весело, особенно, когда знаешь, что авторъ, о которомъ идетъ рѣчь, обидчивъ и настолько избалованъ идолопоклонствомъ, что, если вы не въ восторгѣ, то уже—пристрастный судья съ предвзятымъ

ЭР03159

мнѣніемъ. Такъ что предупреждаю и читателей, и г. Андреева: если мнѣ приходится опять разсматривать отрицательныя стороны послѣдняго, то не моя въ томъ вина. Я только отвѣчаю на вызовъ, на предъявленное мнѣ г. Читателемъ обвиненіе въ оскорбленіи литературнаго величества.

Съ г. Читателемъ спорить и легко, и трудно. Логически легко, но я не знаю, нужна ли ему логика. Теперь въ Россіи много людей, которымъ не нужна логика. Леонидъ Андреевъ ея тоже не любитъ и говоритъ о ней почти съ ненавистью („Защита"), хотя лучшія произведенія его — строго логическіе опыты („Сергѣй Петровичъ", напр.). Г. Читатель такой страстный обожатель Леонида Андреева, что я имѣю право предполагать въ немъ единство съ поклоняемымъ и славимымъ писателемъ и во взглядахъ на потребность логики. Тѣмъ болѣе, что на лицо — письмо г. Читателя. Это письмо — своего рода — credo quia absurdum: исповѣданіе и присяга вѣры разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, и даже именно за то вѣры, что разсудокъ посрамляется и записывается въ лабетъ, а стихіи оставляются при пиковомъ интересѣ. Такая вѣра стоитъ предъ логическимъ доказательствомъ съ закрытыми ушами.

Затѣмъ,—мы съ г. Читателемъ люди, что называется, разныхъ планетъ: разнаго міросозерцанія. Я понимаю настроеніе, привычки и способъ литературныхъ воспріятій г. Читателя, но они мнѣ чужды. Я могу наблюдать ихъ, изучать, продумать, прочувствовать въ объективномъ анализѣ, но влѣзть въ нихъ субъективно — да избавитъ голову мою отъ сего фатумъ, столь чтимый г. Андреевымъ.

Выше я назвалъ письмо г. Читателя обвинительнымъ актомъ, предъявленнымъ мнѣ, какъ подсудимому по дѣлу объ оскорбленіи литературнаго величества. Изъ чтенія акта мы послѣдовательно узнаемъ, что г. Андреевъ:

а) Великанъ-художникъ.

ЭР03159

б) Чудесный посредникъ между нами и манящей Т(т)айной В(в)ѣчности.

в) Художникъ-пробудитель, художникъ-миссіонеръ.

г) Царь-преобразователь русской литературы.

И — конечный выводъ „на основаніи вышесказаннаго“:

— Такіе таланты даже бранить надо колѣнопреклонно!

Я думаю, что такихъ талантовъ, которые человѣкъ долженъ разсматривать не иначе, какъ колѣнопреклонно, не было, нѣтъ и, авось, не будетъ. Превращеніе человѣка въ кумиръ, „любленіе твари паче Бога“ — не почва для сужденія, идолопоклонничество — отрицаніе анализа, жречество — утвержденіе условнаго авторитета. Критическая позиція на колѣняхъ, зависѣвшая не отъ величія талантовъ, но отъ робости критиковъ, осталась въ прошлыхъ вѣкахъ. Въ Россіи — по ту сторону Бѣлинскаго, на Западѣ — еще дальше, въ темнотахъ католицизма и легитимизма. Французская революція завѣщала человѣчеству хорошій совѣтъ:

— Встаньте! Ваши противники кажутся вамъ большими лишь потому, что вы стоите предъ ними на колѣняхъ.

Слова эти не только для политики и соціальной борьбы справедливы.

Если нелѣпо и унизительно человѣку преклонять колѣни, благоговѣя и славословя, то колѣнопреклоненіе „даже браня“ — нѣчто уже столь несуразное, что — какъ-будто изъ „Первобытной культуры“ Тэйлора. Даже не кумиротворство, но просто — фетишизмъ. Анекдотъ изъ быта сенегальскихъ негровъ или русскихъ самоѣдовъ. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, не могу уразумѣть, зачѣмъ человѣку, стоящему на ступени культурнаго самоотчета, надо заводить въ обиходѣ своемъ какого-то „тмутараканскаго болвана“ — непогрѣшимый фетишъ, безъ права апелляціи на волю и мысль его. Да нѣтъ: самоѣды болѣе

ЭР03159

критики. При полезномъ поведеніи фетиша, они мажутъ его тюленьимъ жиромъ, а когда фетишъ проштрафился и не помогаетъ, выставляютъ его изъ теплаго чума на морозъ. Предлагаемый же г. Читателемъ институтъ „болвановъ тмутараканскихъ“ отнимаетъ у обыкновенныхъ смертныхъ право даже столь первобытнаго протеста, удушая, такимъ образомъ, „богоборчество“ уже въ самомъ эмбріонѣ его. Ибо, по г. Читателю, творитъ ли фетишъ что-либо путное или благуетъ и шкодитъ,—все равно, стой предъ нимъ на колѣняхъ. Занятіе, что называется, на охотника, а вкусъ и проповѣдь—нѣсколько странные въ славословіи „богоборцу“ и за „богоборчество“.

Кстати, чтобы ужъ устранить изъ дальнѣйшаго слово это. Моимъ читателямъ въ „Од. Нов.“ извѣстно, что ни въ „Жизни Человѣка“, ни въ послѣдующихъ произведеніяхъ Леонида Андреева я не нахожу богоборческой идеи, хотя въ нихъ звучитъ много богоборческихъ словъ. Напротивъ, торжествуетъ въ нихъ неизмѣнно исконная трагическая идея рока, какъ неотвратимо побѣдной механики міра, предъ которою безсиленъ и напрасенъ, даже глуповатъ какъ-будто богоборческій Прометеевъ вопль. Андреевъ — унылый и мрачный фаталистъ, — провиденціалистъ наголо. Но я много писалъ объ этомъ, и мнѣ неудобно повторяться предъ тѣми же читателями, начиная съ азовъ. Если г. Читателю угодно, онъ можетъ найти эти мои статьи въ моемъ сборникѣ „Современники“. Основная же моя точка въ вопросѣ такова. Я позитивистъ, а потому—какъ богоборство, такъ и богостроительство, богоискательство, для меня, равно остаются позади утверждаемаго и движущагося соціальнаго строя. Спеціально же о богоборствѣ думаю такъ. Если „Нѣкто въ сѣромъ“ для васъ — еще наличность, то борьба напрасна и придется вамъ приткнуть себя гдѣнибудь на огромной дугѣ между папою Піемъ X и Львомъ Толстымъ. Если же „Нѣкто въ сѣромъ“ для васъ уже миѳъ, то излишне тратить свою энергію на

ЭР03159

крикъ и хвастовство предъ пустымъ мѣстомъ. Истинная борьба за „первовопросы“ кипитъ и горитъ въ анатомическихъ театрахъ, физическихъ кабинетахъ, химическихъ лабораторіяхъ, на обсерваторіяхъ астрономовъ, съ каѳедръ соціологовъ. Ступайте туда и принесите оттуда новыя средства, опыты и системы борьбы,—человѣчество скажетъ вамъ спасибо. А въ реторическихъ проклятіяхъ, хотя бы и красивыми словами, срывающимися съ языка, движимаго, хотя бы и блестящимъ умомъ, толка немного. Время, когда это называлось и было борьбою, давно уже сдѣлало все, что могло, умерло и могила его поросла травой забвенья. Теперь все это риторство—немножко пережитокъ дѣтства, немножко Демосѳеново упражненіе съ камешкомъ во рту и очень много—неврастенія.

Г. Читатель въ письмѣ своемъ ни разу не становится на почву доказательствъ, замѣняя ихъ окриками:

— Такъ нельзя!

Дважды — „такъ нельзя!“ Дважды — заявленія, что мои сужденія объ его кумирахъ для него, Читателя, „невыносимы“.

Если невыносимы, что за охота г. Читателю ихъ выносить? Вѣдь читать меня по суду и слѣдствію онъ не приговоренъ,—слѣдовательно, подвергаетъ себя невыносимости добровольно и можетъ избавить себя отъ нея въ любой данный моментъ, себѣ въ успокоеніе и мнѣ безъ ущерба. Что касается окрика — „такъ нельзя“ — онъ странно звучитъ въ устахъ попрекающихъ меня „портфелемъ“ и мнимою покорностью либеральной цензурѣ. Какъ нельзя? Почему нельзя? Когда я вижу идолъ, мое естественное право изслѣдовать матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, и опредѣлить золото—золотомъ, мраморъ—мраморомъ, мѣдь — мѣдью. А если меня при этомъ еще силятся увѣрить, что идолъ творитъ чудеса, то право мое превращается въ обязанность—либо раскрыть источникъ чудесъ, которыхъ золото, мраморъ, мѣдь и человѣческое тѣло производить не могутъ, либо доказать ихъ симуляцію. Жре-

ЭР03159

намъ идольскимъ и фанатикамъ культа ихъ подобныя скептическія повѣрки всегда непріятны, и вотъ тутъ-то гнѣвный страхъ ихъ начинаетъ вопить навстрѣчу изслѣдованію:

— Нельзя! Нельзя! Табу! Святыня! Никакъ нельзя!

Я очень хорошо знаю, что самое вѣрное средство стяжать себѣ непопулярность въ извѣстной средѣ— нарушить какое-нибудь этакое массовое „табу". Но вопросъ личной популярности всегда былъ для меня послѣднимъ въ литературномъ моемъ исканіи.

Нельзя! Что такое „нельзя"? Volere—potere. Ни въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ, ни въ наукѣ и искусствѣ, ни въ строгой механикѣ мышленія, ни въ фантастической грезѣ—нѣтъ недоступностей для логическаго изслѣдованія. Если изслѣдованіе утверждаетъ изслѣдуемое, тѣмъ лучше и для послѣдняго, и для изслѣдователя. Если изслѣдованіе приходитъ къ отрицанію изслѣдуемаго, то либо надо признать его выводъ, какъ бы печаленъ онъ ни былъ, либо указать ошибки отправныхъ его посылокъ и строенія силлогизмовъ. Воплемъ же—„такъ нельзя"!—„табу" не укрѣпляются и анализы не опровергаются. Кричи, пожалуй, хоть день и ночь:

— Велика Діана Эфесская!—

но красивому камню, носящему имя Діаны Эфесской, уже не бывать божествомъ. Не только для разрушителей миѳа, Павла, Гаія и Аристарха, но и, втайнѣ, для его охранителей, для тѣхъ Александра и Димитрія-художника, которые подняли шумъ въ защиту отрицаемаго идола. Крика много, но доказательствъ нѣтъ, и вотъ — фанатическое „такъ нельзя" мало-по-малу гаснетъ въ спокойномъ логическомъ опытѣ — „нѣтъ, очень можно".

Г. Читатель „и самъ скорбитъ" о томъ, что г. Андреевъ свои произведенія рѣшающія „первовопросы", печетъ, какъ блины. — „но могу ли я, читатель, (да и можетъ ли критикъ?) останавливаться на этой сторонѣ вопроса о Л. Андреевѣ? Почтительно прохожу мимо

ЭР03159

завѣсы, опущенной здѣсь надъ нѣкоей тайной писателя, и, не спрашивая „почему“, разсматриваю „что“.

Да извинитъ меня г. Читатель, мнѣ не хотѣлось бы говорить ему непріятности, но, вѣдь, это же—прозаическое переложеніе знаменитаго діалога изъ „Горя отъ ума“:

— Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть. Не сочинитель я...
— И по всему замѣтно.
— Не смѣю моего сужденья произнесть...
— Зачѣмъ же такъ секретно?

Пусть г. Леонидъ Андреевъ—„великанъ-художникъ“, „чудесный посредникъ“, „царь преобразователь“ и пр., и пр., пусть, словомъ, онъ кумиръ для охотниковъ „жрать идоламъ“, отъ нихъ же г. Читатель первый есть, но—не Саисскій же онъ истуканъ, чтобы стыдливо оставлять его подъ покрываломъ столь незатѣйливыхъ тайнъ?

Странно и совсѣмъ непослѣдовательно. Г. Читатель обожаетъ Андреева за „какой-то послѣдній мятежъ вѣчно-человѣческаго „я“ противъ всѣхъ лагерно—временно—и программно установленныхъ сутей“. Но, вотъ, у г. Читателя является потребность сказать божеству своему:

— Милое божество! Не летѣло бы ты въ мятежъ вѣчно-человѣческаго „я“, какъ въ автомобильной гонкѣ, но попробовало бы „воплощать свою творческую мысль въ тѣ совершенныя формы, какія, несомнѣнно доступны твоему мощному таланту при спокойной обстановкѣ писательскаго труда“.

Совѣтъ совершенно справедливый, резонный, дѣльный. Подъ словами г. Читателя, взятыми въ лапки, отъ души подпишется каждый истинный доброжелатель Л. Андреева, начиная съ меня. Вѣдь собственно то говоря, только о томъ и рѣчь идетъ, что г. Андреевъ сталъ въ послѣдніе годы не писать, но валять и мазать, не мыслить, но мечтать и декламировать, и къ „первовопросамъ“, требующимъ огромной образова-

ЭР03159

тельной подготовки, подступаетъ, въ спѣхѣ производства, съ арсеналомъ отсебятины, весьма часто свидѣтельствующей о большомъ природномъ умѣ, но еще чаще о полномъ невѣдѣніи автора, подъ какимъ градусомъ культуры онъ родился и какой багажъ завѣщала ему культура эта, чтобы избавить его отъ вторичнаго открытія Америки и перерѣшенія таблицы умноженія.

Является потребность сказать, но—что же? У „мятежника противъ всѣхъ уставленныхъ сутей“ прилипаетъ языкъ къ гортани въ трепетномъ благоговѣніи предъ установленной сутью своего кумира, и онъ не только „почтительно проходитъ мимо тайны писателя“ самъ, но еще и свирѣпо гнѣвается на тѣхъ другихъ, кто дерзаетъ бродить въ храмѣ идола подъ покрываломъ не на цыпочкахъ, но ступая на всю ногу. Я не скажу г. Читателю его любимаго: „такъ нельзя!“—потому что уже наличность факта показываетъ, что и такъ можно. Но логика тутъ, по обыкновенію, „влѣвѣ осталась“. Тѣмъ болѣе, что, правду то говоря, вовсе никакой тайны нѣтъ. Андреевскій секретъ—„секретъ Полишинеля“, и покрывало надъ нимъ не опущено, но скорѣе распущено черезчуръ уже широко. Распущено интервьюерски, граммофонически, кинематографически. И не повиненъ въ распущенности этой рѣшительно никто, кромѣ самого Леонида Андреева. Кто избралъ своею любовницею толпу, а идоломъ — шумъ популярности, la gloriole, тотъ уже не хозяинъ своего труда и своего времени. Я съ профессіональнымъ, писательскимъ ужасомъ прочиталъ признаніе г. Андреева, что онъ ежедневно просматриваетъ отзывовъ о себѣ на сумму отъ 70 копеекъ до 3—4 рублей. Вѣдь, это, значитъ, отъ 14 до 80 газетъ! Каждый день талантливый человѣкъ тратитъ часъ или два и больше на самосозерцаніе въ критическихъ зеркалахъ, каждый день засариваетъ мозги свои самимъ собою, въ эмоціяхъ, повидимому, для него весьма не безразличныхъ, а, слѣдовательно, берущихъ опять-таки время, время и

ЭР03159

время, нервы, нервы и нервы, мысли, мысли и мысли. Любовнику толпы некогда наблюдать, некогда учиться, некогда образовываться. Перечитайте первые томы разсказовъ Андреева—почти сплошь прекрасныхъ: какая жила въ нихъ наблюдательная сила, какое тянулось глубокое, проникновенное вниманіе! Въ этой драгоцѣннѣйшей способности писательской, авторъ „Жизни Человѣка“, „Царя - Голода“, „Тьмы“, „Записокъ“, „Черныхъ масокъ“, „Анатэмы“, пошелъ назадъ самымъ горестнымъ и быстрымъ шагомъ. И понятно. Запасъ молодого наблюденія истощился, а зрѣлый возрастъ сложился такъ насмѣшливо, что приходится наблюдать не жизнь, но собственную свою показность, самого себя такъ и этакъ и еще вотъ такъ. И вотъ — на мѣсто наблюденія властно становится воображеніе, почвою андреевскаго творчества дѣлаются фантастическія зыбкости и условности, уклоняющіяся отъ реалистической повѣрки, дѣйствующими лицами — призраки, коихъ, какъ ни поверни, всегда можно извинить тѣмъ, что имъ законы человѣческой логики не писаны и опоры непосредственнаго наблюденія не нужны.

Г. Читатель сердится, что я говорю о скудости образованія г. Андреева. Но какъ же быть-то? Кошку надо называть кошкою. Что образованіе г. Андреева неизмѣримо ниже темъ, за которыя онъ берется, это прискорбное обстоятельство выяснялось десятки разъ—и не однимъ мною. А—гдѣ нѣтъ знанія, но обсуждаются „первовопросы“, требующіе знанія, тамъ судьба ихъ—единственно возможная: превратиться въ догадки отсебятины со всѣми ея трагикомическими послѣдствіями. Что и видимъ!

Между прочимъ, забавная частность. Андреевъ очень любитъ изображать верхи цивилизаціи. Его герои — ученые, писатели, спеціалисты и т. д. Всѣ они являются на сцену, снабженные кое-какими ярлыками, примѣтами своего званія и своего знанія. И вотъ тутъ-то—„кажинный разъ на эфтомъ мѣстѣ!“ — неиз-

ЭР03159

мѣнно оказывается, что ученые г. Андреева не знаютъ собственной науки, а спеціалисты — невѣжды по своей спеціальности.

Великій астрономъ плачетъ отъ радости, увидѣвъ „комету Беллу, предсказанную Галлеемъ".

Геніальный психопатъ, докторъ Керженцовъ, только что изучавшій будто бы душевные недуги въ цѣляхъ симуляціи, увѣряетъ, будто его болѣзнь „на языкѣ экспертовъ получила бы страшное названіе мономаніи". Это въ 1902 году-то, когда написана „Мысль"? Хороши „господа эксперты", разсуждающіе по Эскиролю и Пинелю послѣ Крафтъ-Эбинга!

Изображаетъ г. Андреевъ библіофила — библіофилъ спасаетъ изъ пламени „маленькое in quarto".

И такъ далѣе. Это у Андреева — роковое. Его пирожникъ всегда тачаетъ сапоги, а пироги печетъ сапожникъ.

Мелочь? Можетъ-быть. Но—обличительная постоянствомъ своимъ. И въ читателѣ, не лишенномъ образованія, она крѣпко бьетъ по впечатлѣнію андреевскихъ героевъ и подрываетъ довѣріе къ ихъ психологіи. Когда ученый изъ ученыхъ—Фаустъ оплакиваетъ крушеніе своего знанія, мы его скорби легко вѣримъ и охотно слѣдуемъ за его сомнѣніями, какъ типическими, потому что не только знаемъ біографически, но и чувствуемъ въ каждомъ стихѣ Фауста, что этого ученаго изъ ученыхъ превращаетъ въ живое слово тоже ученый изъ ученыхъ — послѣдній энциклопедическій геній Европы, тотъ, кому была „звѣздная книга ясна, и съ кѣмъ говорила морская волна". Но какъ я повѣрю въ великаго астронома, если онъ не знаетъ названія извѣстнѣйшей кометы, въ великаго психіатра, если онъ отсталъ отъ своей науки чуть не на цѣлое столѣтіе, въ страстнаго библіофила, если онъ не смыслитъ азбуки книжнаго дѣла? Эти смѣшныя обмолвки— лишь одинъ изъ примѣровъ досадныхъ условностей, которыми завалены всѣ безъ исключенія Фаусты, созданные г. Андреевымъ. Хороши Фаусты, которыхъ

ЭР03159

мало-мальски образованный человѣкъ можетъ поправлять въ глубинахъ ихъ премудрости, даже не заглядывая въ энциклопедическій словарь! Мириться съ подобными условностями—почему же нѣтъ? Многіе не только мирятся, но и восторгаются. И именно потому, что у мало-образованныхъ Фаустовъ Андреева есть публика, наивно изумляющаяся ихъ глубокомыслію, я и опредѣляю ихъ — „Фаустами для малограмотныхъ". Г. Читатель обѣщаетъ, что если я скажу это, онъ мнѣ не повѣритъ. Это его добрая воля. Но, къ сожалѣнію, вѣра тутъ не доказательство и, какъ доводъ, гроша мѣднаго не стоитъ. Когда дѣло идетъ о такихъ точностяхъ, какъ грамотность, образованіе, наука, тутъ надо не вѣрить, а знать.

Г. Читатель считаетъ мое отвращеніе къ „Тьмѣ" несовмѣстимымъ съ моимъ свободолюбіемъ. Изъ того, что я свободолюбивъ, слѣдуетъ для меня, я полагаю, прямая гражданская и человѣческая обязанность—защищать дѣло и движеніе свободы всѣми средствами, которыя согласны съ понятіемъ свободы и ей естественны. Если бы при мнѣ насиліе зажимало ротъ проповѣдующему не только „соразбойнику" Андрееву, но даже противнѣйшему Меньшикову, либо дикому Иліодору, я возмутился бы за свободу слова и боролся бы противъ насилія за насилуемое. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что мы не должны противопоставлять чужой проповѣди слова своего убѣжденія? Разумѣется, нѣтъ. На то и дано писателю слово, чтобы онъ бился имъ, какъ шпагою, „въ честномъ бою за свою правду до послѣдняго". Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что лично г. Андреевъ—человѣкъ свободы, но литературная дѣятельность его въ послѣдніе годы ушла съ тѣхъ путей, которыми завоевывается и укрѣпляется свобода. Сознательно или безсознательно, онъ своимъ искусствомъ насаждаетъ силу, противъ которой свободный умъ возстаетъ вѣка, съ первой искры Прометеева огня. Я не могу помѣшать г. Андрееву быть „эмиссаромъ смерти", какъ назвалъ его кто-то изъ крити-

ЭР03159

ковъ, и проповѣдывать провиденціализмъ, въ который онъ уперся,—плачевное послѣднее слово пессимистическихъ ужасовъ „Тьмы“, „Жизни Человѣка“, „Черныхъ масокъ“, „Анатэмы“. Но мой прямой долгъ, какъ публициста, сказать въ разрѣзъ этой краснорѣчивой реторикѣ запугиванія и отчаянія:

— Ты, вѣчная пѣснь смерти, не то, за что выдаютъ тебя твои красивыя богохульства и трескучія разрушеніемъ фразы. Ты—не борьба, но страхъ съ подвижнымъ клапаномъ словеснаго ропота: самая удобная арена для реакціи, когда она не слѣпа, но себѣ на умѣ, и дѣйствуетъ не нахрапомъ, но желѣзною рукою въ бархатной перчаткѣ. Ты—тотъ самый испугъ невѣдѣнія, что, въ дрожахъ и корчахъ предъ „первовопросами“ смерти и небытія, сочинилъ первыхъ боговъ (primus deos fecit timor) и провозгласилъ своею госпожею желѣзную механику фатума. Ты зовешь не храбрыхъ къ свободѣ, но трусовъ къ ругающемуся рабству. Въ лѣни или антипатіи постичь завоеванія человѣческаго разума на свѣтлыхъ путяхъ положительнаго знанія, ты капризно ломаешь лучшее оружіе свободы, ты топчешь то, чего не изучалъ, не знаешь и не понимаешь, ты романтически кокетничаешь суевѣріемъ—пережиткомъ страховъ первобытной темноты. Твои наружныя богохульства приведутъ въ ужасъ католическаго патера, но, внутри вѣры своей, вы — единомышленники: оба вы — провиденціалисты и слуги смерти. А жизнь хочетъ жизни и должна и будетъ жить. Оставимъ же мертвецовъ мертвымъ, а живые да дѣлаютъ живое!

Кстати: моя недавняя шутка, что я не удивлюсь, если Леонидъ Андреевъ приметъ католичество, нашла непредвидѣнное единомыслiе съ отзывами германской печати о „Саввѣ“. Одна изъ причинъ его провала — полное недоумѣніе предъ нимъ умовъ, воспитанныхъ протестантскою культурою. По мнѣнію нѣмцевъ, „Савва“—плодъ католическаго настроенія, психологіи „Лурда“. Второй разъ совпадаю съ нѣмцами. Когда

ЭР03159

я первый въ русской печати, заговорилъ о шиллеровскомъ элементѣ въ Максимѣ Горькомъ, критики-соотечественники подняли меня на смѣхъ. Но—узнали Горькаго нѣмцы, и теперь его духовное родство съ Шиллеромъ—въ германской критикѣ — общее мѣсто. Такъ вотъ и опять. У насъ кричали, что „Савва“ — чуть-ли не анархическая пьеса, но протестантское обоняніе разнюхало таки въ ней истинный ея духъ,— мистическій запахъ побѣдителя-провиденціализма.

IV.

Я не критикъ. Если моя „Записная книжка“, содержитъ, по большей части, замѣтки о литературѣ, причина тому—цензурная невозможность сказать въ Россіи то публицистическое, что я желалъ бы сказать и что слѣдовало бы говорить. У меня нѣтъ своего изданія, которымъ я могъ бы рисковать, и я не считаю себя въ правѣ требовать, чтобы за меня терпѣли рискъ и платились изданія чужія. Довольно мнѣ опытовъ, пережитыхъ въ этомъ направленіи! Шептать же вмѣсто разговора и вертѣться въ условныхъ обинякахъ, вмѣсто прямой обличительной рѣчи,—„ахъ, баринъ, голова у меня сѣдая!“ Ужъ лучше не говорить о полой водѣ, чѣмъ указывать перстомъ на лужу во время потопа. Поэтому политическую и соціальную часть „Записной книжки“ я оставляю дома: покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!—а въ русскую публику отправляю только товарищескія мысли, приходящія мнѣ при чтеніи книгъ и статей, выпускаемыхъ въ свѣтъ братьями-писателями. Естественно, что, какъ публицистъ прежде всего, я встрѣчаю каждое литературное произведеніе, также прежде всего, оцѣнкою его общественной полезности. Первое мое любопытство: ведетъ ли то, что я читаю, къ накопленію культуры въ кругу своего вліянія или къ ея умаленію и расточенію? движетъ ли оно прогрессъ человѣческаго общенія и единства или

ЭР03159

тянетъ назадъ? даетъ ли оно силы борьбѣ, въ которой человѣкъ обрѣтаетъ право свое, или ихъ ослабляетъ? словомъ, чего намъ ждать отъ него—живота или смерти?

Если это—„портфель“, то да будетъ такъ, но отъ этого „портфеля“ я отказаться не могу, потому что въ немъ—вѣрю и знаю!—жизнь, свобода и смыслъ всякаго человѣка, имѣющаго счастье быть писателемъ. Творчество—не бирюльки, талантъ—не игрушка. Салтыковъ опредѣлялъ когда-то русскій талантъ, какъ пустое мѣсто, на коемъ, глядя по обстоятельствамъ, возрастаютъ съ одинаковымъ удобствомъ—хочешь, пшеница, а хочешь, чертополохъ. Горькое слово это въ наши горькіе дни особенно тягостно. Нигдѣ, какъ въ Россіи, не встрѣчаешь „талантъ“ такъ часто, а, слѣдовательно, съ меньшимъ изумленіемъ и съ большимъ скептицизмомъ. Талантовъ—пропасть, а прикладного толка въ нихъ нѣтъ. Живетъ талантъ—въ свой талантъ. Дѣла нѣтъ, цѣли нѣтъ, задачъ нѣтъ, энергіи нѣтъ, линіи нѣтъ, выдержки нѣтъ, знанія нѣтъ, дисциплины нѣтъ, цѣльности нѣтъ. И, въ концѣ-концовъ, чуть не поголовная характеристика, грустная, какъ эпитафія:

— Талантъ то талантъ, да—чортъ ли въ немъ?

Исключеній мало. Хотѣлось бы очень считать между ними громадное природное дарованіе Л. Н. Андреева. Великолѣпно расцвѣло смолоду прекрасное древо его таланта, и жалостно смотрѣть, какъ въ 35 лѣтъ оно осыпается весьма эффектнымъ и яркимъ пустоцвѣтомъ „Фаустовъ для малограмотныхъ“. И повторяю: пустоцвѣтъ „Тьмы“ и пр.—такого сорта, что еще приходится радоваться, если онъ только пустоцвѣтъ, то-есть литературная ошибка безъ послѣдствій, а не носитъ въ себѣ завязи, потому что иначе должно было бы прямо отнести его къ разряду противообщественныхъ, противокультурныхъ, — слѣдовательно, регрессивныхъ, — слѣдовательно, вредныхъ. Для г. Читателя невыносимы мои слова, что „Тьма“—вода на мельницу

ЭР03159

„Новаго Времени“. Что дѣлать! Придется перенести. Совѣтую г. Читателю достать и прочитать покойнаго Жителя. Большой былъ талантъ въ своемъ родѣ и тоже спутанный, испуганный, озлившійся, изнервленный, да еще и неудачникъ. Въ мрачномъ задорѣ воплей Жителя г. Читатель не разъ услышитъ мнимо „анархическія“ ноты будущаго воя и рева „Тьмы“ И—очутись на мѣстѣ героя „Тьмы“ Житель—онъ, вѣроятно, велъ бы себя именно такъ, какъ воображаетъ своего „революціонера-террориста“ г. Андреевъ.

Г. Читателю кажется „смѣшною и вмѣстѣ раздражающей самая постановка вопроса о „лагерѣ“ Л. Андреева въ настоящій политическій моментъ“. Смѣшною и раздражающей... „Что-то смѣхъ твой не смѣшонъ выходитъ!“— говоритъ Безсудный въ комедіи Островскаго „На бойкомъ мѣстѣ“. Если постановка вопроса смѣшна, то— что же ею раздражаться? Если она раздражаетъ, то, значитъ, смѣхомъ отъ нея не отдѣлаешься, и смѣхъ будетъ, какъ французы говорятъ, желтый. И о какомъ же „лагерѣ“ Л. Андреева можетъ возбуждаться вопросъ, какъ не „въ настоящій политическій моментъ?“ О прошломъ? Да мы его знаемъ и помнимъ съ любовью и благодарностью, онъ создалъ и опредѣлилъ г. Андреева, онъ поставилъ его въ немногочисленный разрядъ писателей-символовъ, чьи имена неразрывно связаны съ освободительнымъ движеніемъ русскаго духа. Что же спрашивать о томъ, что знаешь—можетъ-быть, лучше самого г. Андреева знаешь? О будущемъ? Да въ состояніи ли, по нынѣшнимъ качаніямъ г. Андреева, предполагать его не только мы, но и самъ-то г. Андреевъ? Въ каретѣ прошлаго никуда не уѣдешь, а будущее—темная вода во облацѣхъ небесныхъ. Въ настоящемъ же моментѣ, авторъ „Саввы“, „Тьмы“, „Записокъ“, „Проклятія Звѣря“, „Черныхъ Масокъ“, „Царя-Голода“, „Анатэмы“, является вопленникомъ отчаяній, понижающихъ политическую энергію эпохи. Въ рабскомъ ужасѣ передъ смертью, онъ самъ не замѣчаетъ (надѣюсь), какъ сдѣлался очагомъ заразы пани-

ЭР03159

ческаго страха, какъ заработалъ на общественный испугъ и реакцію. Савва, раздавленный однорукимъ стихійнымъ Иродомъ, ничтожный герой клеветы подъ названіемъ „Тьма“ съ пощечиною проститутки на лицѣ, „Царь-Голодъ“ и „Анатэма“, два противо-соціалистическіе трактата для сцены,—вотъ творческія вдохновенія г. Андреева въ его настоящемъ моментѣ. Никто не препятствуетъ г. Андрееву творить „во внѣлагерномъ, внѣвременномъ, внѣпрограммномъ“ все, что ему угодно и какъ угодно. Но лагери, время и программы не только имѣютъ право, но обязаны разсматривать это „внѣлагерное, внѣвременное и внѣпрограммное“ съ точекъ зрѣнія насущной цѣлесообразности и реальной правды и, когда послѣднія нарушаются, лагери, время и программы должны протестовать и бороться.

Почему г. Читатель думаетъ, что Ницше, для меня, непреложный авторитетъ? „Завзятымъ погромщикомъ“ я никакъ не могу считать его, потому что, сколько мнѣ извѣстно, Ницше никакихъ погромовъ ни устраивалъ, ни проповѣдовалъ. Но склоняться предъ его „трактованіемъ права сильнаго“ я никогда не чувствовалъ ни желанья, ни надобности, ни возможности. Ницше,—очень большой діалектическій талантъ и философъ-поэтъ, дающій много эстетическаго наслажденія и матеріала для логической гимнастики,—для меня любопытенъ, главнымъ образомъ, какъ „человѣческій документъ“: наглядный историческій результатъ побѣдъ германскаго единства, типическій фокусъ гордаго генія, могучей расы, съ не менѣе типической аберраціей. Ницше очень интересно изучать, какъ сложный и мощный организмъ-оригиналъ и талантъ-уникумъ, но подчинять свою мысль Ницше мнѣ не случалось. А очень часто — хотя бы именно въ области „права сильнаго“—этотъ „систематическій безумецъ“ представляется мнѣ весьма лукавымъ и антипатичнымъ софистомъ, философомъ-провокаторомъ (не въ политическомъ смыслѣ слова, конечно), Мефистофе-

ЭР03159

лемъ первой части „Фауста“, когда чортъ дурачитъ ученика, и второй части, когда онъ пожинаетъ плоды посѣва, внимая тому же ученику, но уже въ самодовольной метаморфозѣ баккалавра. И, слушая русскихъ ницшеанцевъ, не разъ случалось мнѣ вспоминать заключительное двустишіе этой оскорбительно-насмѣшливой сцены-пародіи:

Bedenkt: der Teufel der ist alt,—
So werdet alt, ihn zu verstehen!

Кромѣ того, ницшеанство Ницше и русское обывательское ницшеанство, вырощенное, въ огромномъ большинствѣ, скверными переводами этого блестящаго писателя и рыночными о немъ брошюрами, имѣютъ между собою весьма мало общаго. Но объ этомъ я уже довольно писалъ (см. мои сборники „Современники“ и „Противъ теченія“) и не стоитъ снова уклоняться въ ту же сторону. Къ слову отмѣтить: никто глубже и сильнѣе не понялъ трагикомедіи русскаго доморощеннаго ницшеанства, воспитаннаго по подстрочникамъ съ полною вѣрою въ словарь Макарова и опечатки, чѣмъ именно Л. Н. Андреевъ, въ великолѣпномъ разсказѣ своемъ о „Сергѣѣ Петровичѣ“.

Щедростью, съ которою г. Читатель расплачивается памятниками классической литературы, въ обмѣнъ на произведенія г. Андреева, онъ заставилъ меня перечитать многія изъ нихъ и, въ томъ числѣ, „Мысль“. Я читалъ эту вещь при выходѣ ея въ свѣтъ, въ 1902 году, и, хотя сохранилъ о ней очень отчетливое и пріятное воспоминаніе, но теперь, семь лѣтъ спустя, рѣшительно не могъ вспомнить глубинъ, коими г. Андреевъ посрамилъ тамъ Фауста, Манфреда, Гамлета и Каина. Перечиталъ съ вниманіемъ и опять съ большимъ удовольствіемъ. Это хорошій и сильный психологическій этюдъ, сдѣланный молодо и эффектно, и съ единственнымъ недостаткомъ всѣхъ молодо-эффектныхъ психологическихъ этюдовъ: отсутствіемъ внутренней оригинальности. Это превосходныя, вдохновенныя варіаціи,

ЭР03159

которыя изобрѣсти и разыграть могъ только большой и крупный талантъ, но—не темы, а варіаціи. Думаю, что совсѣмъ излишне тревожить, изъ-за доктора Керженцова, тѣни столь старыхъ стариковъ, какъ Фаустъ, Гамлетъ, Манфредъ и Каинъ. Родственники ему найдутся гораздо ближе. Докторъ Керженцовъ—герой „Записокъ изъ подполья", поучившійся у Ивана Карамазова вседозволенности съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ Смердяковъ,—слыхавшій о теоріи доктора Крупова, внимательно прочитавшій уголовные разсказы Эдгара По и фантастическіе разсказы Мопассана. До Андреева у насъ былъ искусный и довольно сильный художникъ, большой мастеръ на подобныя смѣси-варіаціи, по канвѣ уголовныхъ темъ, Д. П. Ахшарумовъ. Наканунѣ Андреева, маленькій, угасшій въ огромной тѣни Чехова, ученикъ и подражатель его, но несомнѣнно талантливый и съ оттѣнкомъ оригинальности, художникъ—г. Будищевъ. Симуляція сумасшествія, дѣйствительно, сумасшедшимъ преступникомъ—общее мѣсто съ Гамлетовыхъ временъ. Негодяйство и нравственное разложеніе, скрывающія въ себѣ, какъ жемчужину въ комкѣ грязи, большую идею, геніально освѣщены Альфредомъ де-Мюссе въ „Лоренззаччіо". Но Лоренцо Медичи, дѣйствительно носилъ въ себѣ большую идею, и Альфредъ де-Мюссе показалъ намъ ее, тогда какъ г. Андреевъ отпустилъ свою публику съ невыполненнымъ обѣщаніемъ—„на посулѣ, какъ на стулѣ". Нельзя же считать за „мысль" методическую злость сумасшедшаго; не „мысль"—и смерть, которая, въ концѣ разсказа глядитъ на судей изъ глазъ Керженцова; не „мысль"—декламаціи о взрывчатомъ веществѣ, которымъ надо разрушить землю за многобожіе, при незнаніи истиннаго Бога. Слыхано, переслыхано все это и ужъ куда какъ не ново! Не токмо на иностранныхъ языкахъ, но даже и по-русски разговаривали еще жесточе.

— Ахъ! Какъ охотно вдругъ обрушилъ бы я все, разорвалъ эту стройную цѣпь творенія, ниспровергнулъ

ЭР03159

бы всѣ міры! Міръ человѣческій я вдавилъ бы, вискалъ въ волосяную трубку реомюрова снаряда и потомъ преспокойно сталъ бы любоваться картиной всеобщаго хаоса...

1838-й годъ-съ! „Письма Энскаго“, повѣсть П. Каменскаго.

Угодно еще?

— Силою воли я выбросилъ себя на безвредную дистанцію отъ планеты всевозможныхъ прозъ, предварительно начинивъ ея прозаическую, пустую внутренность всѣми убійственными газами, всѣми воспалительными горючими веществами, и потомъ сдавливалъ ее между двухъ полюсовъ, ежеминутно усиливая давленіе, и съ хохотомъ любовался, какъ волновался міръ, какъ волновалась проза; прыгалъ въ бѣшеной радости, кричалъ и бѣсновался отъ восторга и наслажденія, когда, наконецъ, лопался міръ.

1838-й годъ-съ! „Повѣсти и разсказы“ Платона Смирновскаго.

А вотъ—со сцены („когда главою помавалъ, какъ нѣкій древній магикъ и дикимъ звѣремъ завывалъ широкоплечій трагикъ“):

О, страшное свершится нынѣ дѣло!
Я міръ весь обращу въ одинъ воинскій станъ
И Амалафриды безчувственное тѣло
Низвергну со скалы въ кровавый океанъ!

Впрочемъ, это уже изъ пародіи Панаева на мнимую трагедію Кукольника „Навуходоносоръ“. Да, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, краснорѣчивые ревы уничтожителей всего міра и еще нѣсколькихъ мѣстъ уже высмѣивались люто...

Кстати: помнится, г. Андреевымъ тоже объявлялась къ выходу, но почему-то не вышла трагедія „Навуходоносоръ“?

Остановлюсь еще на томъ моментѣ письма г. Читателя, когда онъ закалаетъ на алтарѣ всесожженій предъ идоломъ своимъ Фауста, Каина, Манфреда и

ЭР03159

Гамлета. „Да смѣете ли вы сравнивать“?—грозно допроситъ насъ какой-либо голосъ изъ портфеля,—а мы, не испугавшись, отвѣтимъ: „смѣемъ“. Мнѣ кажется, что для отвѣта надо дождаться вопроса. Послѣдній же г. Читатель предполагаетъ настолько дикимъ, что я очень сомнѣваюсь въ существованіи портфеля, достаточно глупаго, чтобы задать подобный вопросъ. О правѣ смѣть не допрашиваютъ. Смѣетъ смѣлый, и смѣлость города беретъ. Всѣ портфели, столь ненавистные г. Читателю, сложены смѣлостью, разрушившею какой-либо старый отжившій городъ, и отрицать право смѣлыхъ сравненій для портфелей значило бы отрицать законность и естественность своего собственнаго происхожденія. Такъ что г. Читатель, по обыкновенію, ломится въ открытыя ворота. Смѣть онъ можетъ все, на что достанетъ смѣлости. А людямъ портфелей, въ числѣ прочаго человѣчества, остается только наблюдать, какъ смѣлость г. Читателя возьметъ свой городъ, и, въ случаѣ успѣха, его поздравить, а, въ случаѣ провала, о немъ пожалѣть, какъ о жертвѣ непосильнаго напряженія. Смѣлость сравненія произведеній г. Андреева съ Фаустомъ, Гамлетомъ и пр. далеко не такая ужъ смѣлая, какъ представляется г. Читателю. Но, такъ какъ онъ ею только замахнулся, а сравненій никакихъ не дѣлаетъ, то вопросъ о взятіи города стоитъ подъ большимъ сомнѣніемъ, а похвальба остается похвальбою. Если обѣщаешь зажечь море, то и зажги оное. Конечно, море г. Читателя лежитъ въ берегахъ своихъ невозмутимо несгораемымъ, и вотъ, не надѣясь на сравнительную атаку, онъ рубитъ по собственному вопросу каменнымъ топоромъ:

„И Каина, и Манфреда отдадимъ, только бы намъ оставили доктора Керженцова изъ „Мысли“ и откажемся отъ торжественно-трагическихъ сомнѣній Фауста и Гамлета, только бы намъ позволили въ своемъ будничномъ углу сомнѣваться съ героями „Василія Ѳивейскаго“ и „Тьмы“.

Тутъ опять-таки неожиданны и возбуждаютъ не-

ЭР03159

доумѣніе глаголы „оставили“ и „позволили“. У кого спрашиваетъ позволенія г. Читатель, и кто можетъ оставить ему или отнять у него доктора Керженцова? Это дѣло его культурнаго уровня и художественнаго воспріятія. Если докторъ Керженцовъ засѣлъ въ г. Читателѣ столь глубоко, то вытравить его изъ г. Читателя, покуда послѣдній находится во всеоружіи своихъ умственныхъ способностей, не властна никакая сила, кромѣ гипнотической. Да и кому, собственно, надо лишать его привычныхъ наслажденій?! Такъ что опять г. Читатель штурмуетъ незащищаемую крѣпость и чрезмѣрно шумною энергіей напраснаго натиска даже заставляетъ любезную редакцію „Одесскихъ Новостей“ усумниться:

— Не слишкомъ ли,—батюшка?

Тѣмъ грустнымъ обстоятельствомъ, что г. Читатель отдаетъ (кому?) Манфреда, Каина, Гамлета, Фауста и прочихъ, врядъ ли ему принадлежащихъ, крѣпостныхъ, за доктора Керженцова и героя „Тьмы“, я не изумленъ нисколько, такъ какъ читывалъ про подобные обмѣны въ исторіи завоеванія Мексики испанцами, въ путешествіяхъ Кука, Дюмонъ-Дюрвиля и до Стэнли включительно. Въ странѣ, гдѣ много слоновъ, туземцы отдаютъ клыки драгоцѣнной слоновой кости за стеклянную пуговицу, а въ Желтухѣ отсыпали по лоту золотого песку за шкаликъ спирту. На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ, и, если я задерживаю вниманіе читателя на щедрости мѣнового рынка, предлагаемаго г. Читателемъ, то совсѣмъ не въ убѣжденіе послѣдняго къ переоцѣнкѣ его цѣнностей, но единственно ради слѣдующей фактической поправки.

Г. Читатель, отказываясь отъ сомнѣній Фауста и Гамлета, опредѣляетъ ихъ, какъ „торжественно-трагическія“, влагая въ слова эти очевидный упрекъ. „Торжественно-трагическія сомнѣнія Фауста и Гамлета“ противопоставляются сомнѣніямъ „въ будничномъ углу“ героевъ „Василія Ѳивейскаго“ и „Тьмы“. Такъ какъ рѣшительно ничего будничнаго, то-есть зауряднаго,

ЭР03159

обыкновеннаго, бывающаго шесть день на недѣлѣ, Андреевъ въ названныхъ разсказахъ не показывалъ, а, напротивъ, разсказывалъ обстоятельства рѣдкостно-странныя и рисовалъ фигуры изысканно-исключительныя, то противопоставленіе г. Читателя врядъ ли окажется въ пользу г. Андреева и по существу, и по формѣ. „Гамлетъ", „Фаустъ", „Донъ-Кихотъ" — всемірно-нарицательныя имена не только потому, что они давно вошли въ культурный обиходъ человѣчества, но и потому, главнымъ образомъ, что ихъ философія— какъ разъ, именно, огромный будничный коллективъ. Нѣтъ такого времени, такого народа, такого общественнаго слоя, которымъ Шекспиръ, Гёте и Сервантесъ не подставили бы своего зеркала. Для однихъ оно— прямое, для другихъ—выпуклое, для третьихъ—вогнутое, здѣсь годится цѣликомъ, тамъ—осколкомъ, но такъ или иначе отражаетъ всѣхъ, вездѣ и всегда. Отличительная черта литературныхъ коллективовъ— отсутствіе анекдота. „Гамлетъ"-ли, „Фаустъ"-ли,— широчайшая психологическая и философская общность въ рамкахъ простой и естественной (считаясь съ эпохою творцовъ и дѣйствія) вообразимости. Если бы г. Читатель поставилъ въ компанію къ „Фаусту„ и „Гамлету" купца и дьякона изъ „Жили-были", гимназиста изъ „Въ туманѣ", душевно-больныхъ, врача и сидѣлку изъ „Призраковъ", „Сергѣя Петровича" и т. п., то, конечно, и это было бы хвачено черезъ край, но, по крайней мѣрѣ, натяжка восторженнаго энтузіазма была бы только количественною, но не качественною: всѣ перечисленные типы—меньшаго калибра и захвата, но—коллективы. „Василія Ѳивейскаго" я очень люблю, кромѣ опернаго конца. Но онъ, все-таки, только великолѣпно разсказанный, и именно „торжественно-трагическій", анекдотъ о рѣдкостномъ психозѣ священника, какого въ дѣйствительности, увы, несравненно мудренѣе встрѣтить, чѣмъ „Гамлета" и „Фауста", хотя принцевъ (тѣмъ паче философствующихъ) и великихъ ученыхъ на свѣтѣ въ сотни тысячъ разъ мень-

ЭР03159

ше, чѣмъ поповъ. О „Тьмѣ“ въ такомъ сосѣдствѣ просто неловко говорить. Это—мало, что анекдотъ, но еще и перевранный.

Что касается формы, то долженъ оговориться: по-англійски я читаю, но не могу считать себя знатокомъ, способнымъ тонко разбираться въ пестрыхъ тонахъ этого богатѣйшаго языка, колеблющихъ рѣчь Шекспира отъ дна „подлаго“ до вершинъ „высокаго штиля“. Но нѣмецкій поэтическій языкъ я знаю не дурно, а „Фауста“ самъ переводилъ смолоду, и врядъ ли г. Читатель въ состояніи указать мнѣ хоть одну страницу въ первой части трагедіи, которая подходила бы подъ опредѣленіе торжественно-трагическаго шума и не была бы написана самымъ простымъ и естественнымъ языкомъ—языкомъ того, кто ясно мыслитъ, а потому и ясно выражается. И даже во второй части „Фауста“, философско-символическомъ трудѣ для немногихъ, педантизмъ научныхъ аллегорій, невольно мертвящій поэтическую рѣчь, то и дѣло смѣняется чудными оазисами прекрасныхъ простотъ. Достаточно напомнить весь эпизодъ Елены. На русскомъ языкѣ нѣтъ оригинальной трагедіи мірового сомнѣнія, значеніемъ равной „Фаусту“, но красивою простотою языка многіе изъ нашихъ классиковъ ушли далеко впередъ Гете, который, какъ ни великъ, а все же обломокъ восемнадцатаго вѣка. Однако, русскихъ ровесниковъ и побѣдителей гетевской простоты приходится искать не въ современности съ умышленно дутымъ стихомъ и искусственно растрепанною, передъ зеркаломъ, „торжественно-трагически“ гримированною, расчетливо неврастеническою прозою, но среди давнихъ стариковъ, изъ которыхъ послѣднимъ вживѣ остается Левъ Толстой. Изъ младшихъ, близкихъ намъ, поколѣній эту тайну простоты въ полнотѣ зналъ Чеховъ. Сейчасъ многіе пытаются найти ее и иногда удачно—кто искусственною нарочною стилизаціей, какъ талантливый Борисъ Зайцевъ, и еще болѣе талантливый и сильный А. И. Купринъ; кто—давъ широкую сво-

ЭР03159

боду естественному голосу глубоко народной души своей, пѣвучему и простому, какъ волжская пѣсня. Почти совершенствомъ въ этомъ отношеніи является удивительное „Лѣто“ Максима Горькаго, всѣмъ складомъ своимъ примыкающее непосредственно къ „Капитанской дочкѣ“ Пушкина, С. Т. Аксакову и пѣснямъ Кольцова.

Рѣзкое буйство г. Читателя въ протестѣ его не смущаетъ меня, но скорѣе мнѣ нравится. Надо, чтобы „ангелъ церкви“ былъ горячъ или холоденъ, а что—въ немъ, тепломъ! Когда г. Читатель сердится на меня за г. Андреева, онъ сердится хорошо, то-есть искренно меня не любитъ, а г. Андреева любитъ со страданіемъ—самозабвенно и даже какъ бы до отчаянія. „Ваалъ! Ваалъ! услыши насъ!“ Такъ шесть лѣтъ тому назадъ бросилась царапать мнѣ глаза—буквально!—іоаннитка, которой я доказывалъ текстами, что о. Іоаннъ Кронштадтскій никакъ не можетъ быть Іисусомъ Христомъ во второмъ пришествіи. Но, во-первыхъ, въ такихъ гнѣвныхъ нелюбвяхъ всегда больше убѣжденія, чѣмъ убѣдительности (пословицу о сердящемся Юпитерѣ можно и не повторять), а, во-вторыхъ, и на этотъ счетъ имѣется у меня утѣшительная литературная справка.

„Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году... и привели въ восхищеніе *все* общество, *всѣхъ* литераторовъ, критиковъ—*всю* молодежь. *И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями*, зналъ многія наизусть, восторгался „Утесомъ“, „Горами“ и даже „Матильдой“... Вотъ въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кондитерской Беранжэ появился № „Телескопа“ со статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ „критиканъ“ осмѣливается заносить руку на *нашъ общій идолъ*, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски и, *разумѣется*, также *воспылалъ негодованіемъ*. Но — странное дѣло!—и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изу-

ЭР03159

мленію и даже досадѣ, что то во мнѣ невольно соглашалось съ „критиканомъ“... Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго, впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; *въ кругу пріятелей я съ большей уже рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ, но...* Прошло нѣсколько времени, *и я уже не читалъ Бенедиктова!*“

„Я“ этой цитаты—не кто иной, какъ И. С. Тургеневъ!

Я не Бѣлинскій, г. Читатель — не Тургеневъ, но и г. Андреевъ—не Бенедиктовъ, такъ что пропасть между моимъ и г. Читателя о немъ сужденіемъ заполняется даже гораздо легче, чѣмъ въ тургеневскомъ примѣрѣ. Не менѣе всѣхъ читателей, какъ съ малой, такъ и съ прописной буквы, уважаю и чту огромный талантъ, создавшій десятки превосходныхъ поэмъ живой дѣйствительности, цѣню и люблю искренняго и вдумчиваго художника въ проникновеніяхъ „Большого шлема“, „Воли“, „Жили-были“, „Въ темную даль“, „Вора“, „Губернатора“, „Христіанъ“, „Призраковъ“, „Въ туманѣ“, „Сергѣя Петровича“, „Василія Ѳивейскаго“. Но—съ грустью отхожу отъ „литературнаго Мейербэра“: очень умнаго, ловкаго режиссера-механика и художника-купца, въ неразборчивой смышленности потрафляющаго сильнымъ талантомъ на спросъ слабыхъ людей, на рынокъ малокультурный, съ задержаннымъ развитіемъ, но самовлюбленный, а потому и искренно счастливый всякою встрѣчею съ авторитетно-громкою фразою, которая даетъ эффектное толкованіе его себялюбивой бездѣятельности, подсказываетъ крикливыя извиненія его вырожденію и громозвучныя увертки его попятности. Г. Андреевъ, начавъ литературную жизнь свою удачнымъ подражателемъ Чехова, теперь разрушаетъ чеховское разрушеніе, внушая призрачныя сомнѣнія и строя красивыя лазейки, чтобы отлынивать отъ общественности, тѣмъ самымъ слабнякамъ, трусамъ и импотентамъ, которыхъ безволіе, безсиліе, органическую недвижимость и нехотѣніе Чеховъ

ЭР03159

страшнымъ словомъ своимъ растопталъ въ навозѣ пошлости. Безсиліе пошлости, раздавленной и даже не барахтающейся, было мучительно жалко. Безсиліе пошлости, обучившейся, извините за выраженіе, „шебаршить“ словами и лукаво маскироваться въ трагическій ревъ запугивающихъ безвыходностей,—мелодраматическій апоѳеозъ рожна, противъ коего не можно прати,—театральное возведеніе въ идеалъ ругающагося и удирающаго отъ жизни слабняка,—пассивная присяга смерти, какъ царицѣ міра,—прославленіе мнимыхъ побѣдъ безсознательнаго надъ разумомъ человѣческимъ и механики фатума надъ расширеніемъ прогресса,—весь этотъ арсеналъ г. Андреева, какъ творца „философскихъ“ драмъ, какъ сочинителя „Фаустовъ для малограмотныхъ“, слагаетъ собою явленіе глубоко печальное, а иногда („Тьма“, „Записки“) и препротивное.

„Послѣдній мятежъ противъ всѣхъ установленныхъ „сутей“, какъ называетъ творчество г. Андреева г. Читатель, имѣетъ смыслъ, когда онъ начинается съ ближняго и осязательнаго конца. „Тьма“—наглядное тому свидѣтельство. Что воевать съ отвлеченіями внѣ времени и пространства „установленныхъ сутей“, которыя, къ тому же, давнымъ-давно завоеваны, и, что бы ни говорилъ г. Читатель, только малое и лѣнивое образованіе можетъ считать войны эти новостью, а вѣчное пережевываніе причинъ къ онымъ занятіемъ важнымъ, многозначительнымъ, философскимъ! Съ „установленными сутями“ не отъ міра сего и „высшаго порядка“—дѣло ясное: во что вѣришь, то и есть, во что не вѣришь, того нѣту. А вотъ на углу стоитъ установленная реальная суть съ озвѣрѣлымъ сердцемъ въ груди, съ тесакомъ у бедра и револьверомъ у пояса. И—увы!—предъ этою-то, казалось бы маленькою, но весьма установленною житейскою сутью—„послѣдній мятежъ“ „Тьмы“, типическій мятежъ Леонида Андреева, спасовалъ столь жалостно, что даже сама суть смутилась предъ лицомъ неожиданнаго торжества своего и—устами пристава—сказала „послѣднему мятежу“:

ЭР03159

— Стыдно-съ! Что о васъ товарищи подумаютъ? Нехорошо съ.

Если „Тьма“ — мятежъ, то развѣ въ родѣ „лежачаго бунта“, какъ онъ описанъ въ „Лѣтѣ“ Максима Горькаго.

„Выведутъ мужика-то въ поле, поставятъ къ сохѣ— айда, работай такой-сякой сынъ! А народъ падаетъ ничкомъ на землю и лежитъ недвижно... Подымутъ мужика, поставятъ на ноги, а онъ опять валится. Такъ и отлежались“.

Но, послѣ мужицкаго лежачаго бунта,—„днями лѣтними люди жили, какъ зимнею ночью: всѣ до крови битые и кровно обиженные, прятались другъ отъ друга, зазорно было видѣть скорбные человѣчьи глаза-то!“

Интеллигентскій же лежачій бунтъ, какъ извѣстно изъ „Тьмы“, остался величественно сидѣть въ спальнѣ проститутки, безъ штановъ и надъ опрокинутымъ ночнымъ горшкомъ, но съ гордо поднятою главою,—въ таинственномъ безмолвіи... Suum cuique! Ну... и тутъ опять много надо сказать, чего не скажешь, многое назвать своими словами, для которыхъ у русской газеты языка нѣтъ. Съ Зевесомъ-то и даже съ Фатумомъ — кто не гораздъ воевать? Ты повоюй съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ, Скалозубомъ, Загорѣцкимъ, Свистуновымъ, Держимордою...

Давнымъ-давно ни о комъ не писалъ я такъ много, какъ о г. Андреевѣ — по вызову г. Читателя. Разставаясь съ темою, питаю надежду, что—надолго, такъ какъ о прошломъ и настоящемъ г. Андреева я сказалъ, кажется, все, что могъ и почиталъ долгомъ сказать, а будущаго еще не накопилось. Г. Андреевъ успѣлъ уже послѣ „Анатэмы“ сочинить какую-то „Анѳису“, о которой петербургскія газеты пишутъ кисло, но я „Анѳисы“ не читалъ, а газетнымъ кислотамъ вѣрю столь же мало, какъ и сладостямъ. А затѣмъ—конецъ и точка.

ЭР03159

Замѣтки о Чеховѣ.

I.

17 января 1860 года.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 17 января 1860 года, родился Антонъ Павловичъ Чеховъ. Вдумайтесь въ эту дату: какъ далеко-давно, какъ допотопно-старо звучитъ ея прошедшее время въ изъявительномъ наклоненіи! Хотите помолодить ее? Возьмите ту-же самую дату въ условномъ оборотѣ:

— Если бы Антонъ Павловичъ Чеховъ не былъ отнятъ у Россіи раннею смертью шесть лѣтъ тому назадъ, ему сегодня исполнилось бы всего лишь пятьдесятъ лѣтъ.

Пятьдесятъ лѣтъ—огромная даль въ исторіи литературы, но весьма куцый срокъ для жизни человѣческой. Даже у насъ, на Руси, гдѣ люди рано старѣютъ, и исторія общества дѣлается юношами или почти юношами, литераторъ дерзаетъ думать, что къ 50 годамъ онъ прошелъ приблизительно только двѣ трети пути, ему сужденнаго. Кто назоветъ старымъ писателемъ—писателемъ прошлаго—57-лѣтняго Короленко? Во Франціи, Англіи, Италіи пятьдесятъ лѣтъ для дѣятеля—политическаго, литературнаго, общественнаго—едва конецъ молодости и первая зрѣлость.

Собственно говоря, какъ обманчиво суровое старообразіе русской литературы и, въ сущности, какъ она, страдалица, изможденная въ разнообразіи тюремъ и мукъ своихъ, еще молода и нова!

Возьмемъ въ примѣръ эту дату—17 января 1860 года. Она очень важна и, до извѣстной степени, центральна въ новѣйшей исторіи русской литературы, ибо она возвѣщаетъ появленіе на свѣтъ великаго писателя, на долю котораго выпала огромная и грустная задача—поставить художественную концовку къ эволюціи дво-

ЭР03159

рянско-буржуазной культуры и литературно ликвидировать русскій XIX вѣкъ.

Годъ рожденія Чехова—расцвѣтъ русскаго романа. „Рудину“ исполнилось тогда всего четыре года, „Асѣ“, „Тысячѣ душъ“ и „Обломову“—по два, „Наканунѣ“ и знаменитый нѣкогда „Подводный камень“ Авдѣева—ровесники Антону Павловичу, дѣти 60-таго года, „Отцы и дѣти“, съ типомъ Базарова, родоначальника художественно-матеріалистическаго анализа, который впослѣдствіи Чеховъ доведетъ до глубинъ неописуемыхъ, до подробностей атомистическихъ, уже пишутся. Гончаровъ медленно выдумываетъ „Обрывъ“. Писемскій уже кончается. Достоевскій весь еще впереди, равно какъ и Левъ Толстой. Русскому роману предстоитъ быть властителемъ думъ русскихъ еще 20 лѣтъ—аккуратъ до времени, когда А. П. Чеховъ, студентомъ, начнетъ пробовать свои силы въ писательствѣ. Но мы знаемъ: его литературные дебюты застали русскую жизнь въ состояніи уже такой сложной и пестрой дифференціаціи, что даже его глубокій „атомистическій“ геній не успѣлъ охватить синтеза этой распыленной громады. Антонъ Павловичъ умеръ, не написавъ романа, о которомъ всю свою жизнь мечталъ онъ самъ и котораго страстно просило и ждало отъ него общество. Между тѣмъ, когда раздался первый младенческій крикъ Антона Чехова, еще не вовсе вымерли или только очень недавно умерли первые русскіе литераторы, дерзнувшіе и сумѣвшіе быть романистами на европейскій ладъ. Всего за восемь лѣтъ до рожденія Чехова умеръ Загоскинъ (1852), за годъ—Ѳаддей Булгаринъ, авторъ „Выжигиныхъ“, за два—Сеньковскій, за четыре—Бѣгичевъ. Еще живы были Лажечниковъ, Несторъ Кукольникъ, хотя перваго изъ нихъ уже Аполлонъ Григорьевъ называлъ „допотопнымъ“!

Восемнадцатый вѣкъ и—Чеховъ! Казалось бы, вотъ антиподы, вотъ дистанція огромнаго размѣра! Но—что же? Рожденіе Антона Павловича Чехова, ликвидатора литературы XIX вѣка, отдѣлено всего шестнадцатью

ЭР03159

годами отъ кончины баснописца И. А. Крылова (1844), которою завершилась литературная ликвидація вѣка восемнадцатаго! Крыловъ и Чеховъ — почти сосѣди! Сопоставьте-ка это. Попробуйте счастья въ западной параллели, вообразите смежными Лафонтена и Октава Мирбо, Аддисона или Попа и Бернарда Шоу. Больше того. Державинъ—для насъ—имя чуть не пещерное. Однако, поэтъ Тютчевъ, который родился въ 1803 г., а умеръ въ 1873 г., могъ бы еще, если бы случай привелъ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ видѣть и хорошо запомнить престарѣлаго пѣвца Фелицы (ум. 1816), а семидесятилѣтнимъ старикомъ погладить по головкѣ тринадцатилѣтняго же гимназиста Антошу Чехова. А Ѳедоръ Глинка (1788—1880) даже успѣлъ бы уже прочитать въ „Стрекозѣ“ первые опыты Антоши Чехонте. У насъ теперь все придумываютъ фантастическіе символы разныхъ вѣчныхъ двигателей и роковыхъ повторностей въ человѣчествѣ. Увы! дѣйствительность, какъ всегда, обгоняетъ литературные вымыслы. Что можно изобрѣсти символичнѣе жизни, одинъ конецъ которой сознательно упирается въ Державина, а другой—въ Антона Чехова? Между тѣмъ, Ѳедоръ Глинка, литераторъ карамзинской эпохи, и Тютчевъ, почти пушкинскій ровесникъ, далеко не единственные примѣры столь странныхъ живыхъ мостовъ въ литературной хронологіи, хотя Глинка, разумѣется, самый изъ нихъ выразительный. Учиться грамотѣ въ царствованіе Екатерины и читать Антошу Чехонте, родиться въ послѣдніе дни творца „Недоросля“ (ум. 1792) и умереть въ юные дни творца „Вишневаго сада“—вотъ историческое чудо глубокаго и прекраснаго значенія, выразительно и красиво говорящее человѣчеству объ условности эпохъ, о безсиліи дѣленій времени, о непрерывности и единствѣ въ живомъ прогрессѣ, о постоянной наслояемости въ ростѣ культуры, о преемствѣ исторіи съ рукъ на руки, отъ поколѣнія къ поколѣнію, о вѣчно зеленыхъ росткахъ, поднимающихся изъ тука механически смѣняемыхъ могилъ. Въ

ЭР03159

самомъ дѣлѣ, попробуйте вообразить себѣ такую лѣстрицу:

Юноша, которому сейчасъ 21 годъ, въ пятнадцать лѣтъ сознательно засталъ Антона Чехова, умершаго въ 1904 году.

Антонъ Чеховъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею засталъ—ну, хоть, историка Погодина (ум. 1875), что ли, весьма замѣчательнаго и центральнаго человѣка, изъ біографіи котораго историкъ Барсуковъ ухитрился сдѣлать 24-томную превосходную лѣтопись русскаго девятнадцатаго вѣка.

Погодинъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею, застаетъ Державина (1816).

Державинъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею, застаетъ Ломоносова (1765).

Ломоносовъ, пятнадцатилѣтнимъ юношею, застаетъ смерть Петра Великаго (1725).

Итого, всего четыре жизни человѣческихъ—совсѣмъ не сверхестественно долгихъ, а чеховская даже чрезмѣрно коротка,—отдѣляетъ 1910 г. отъ преобразованія старой Руси,—всего четыре пересказа изъ устъ въ уста должно было пройти ея живое преданіе. Поколѣнію, вступающему сейчасъ въ жизнь, допотопный Державинъ — четвертая восходящая ступень — оказывается культурнымъ всего лишь прадѣдомъ, Ломоносовъ пра-прадѣдомъ, а затѣмъ—упираемся въ петрову реформу, и некуда дальше итти. Кажется такъ длинно, а на самомъ дѣлѣ—такъ коротко!

Не только пушкинская литература, но и предпушкинская не успѣла вымереть къ рожденію Чехова, или могилы ея были еще совсѣмъ свѣжи:

Всего 8 лѣтъ, какъ умеръ, въ лицѣ В. А. Жуковскаго (1852), старый русскій романтизмъ. И въ тотъ же самый годъ — Гоголь, начало той литературной школы, которой Чеховъ былъ уже конецъ.

Всего 5 лѣтъ—создатель русскаго стиха, послѣдній лирикъ XVIII и первый XIX вѣка, вдохновенный Батюшковъ (1855).

ЭР03159

Всего годъ—С. Т. Аксаковъ (1791—1859), смолоду боецъ противъ Карамзина въ станѣ славяноруссовъ, на старости — ученикъ и идолопоклонникъ Гоголя и одинъ изъ геніальнѣйшихъ творцовъ русскаго литературнаго языка, на которомъ Чеховъ опять-таки былъ послѣднимъ мастеромъ-виртуозомъ.

Живъ былъ и справлялъ свой пятидесятилѣтній юбилей кн. П. А. Вяземскій. Живъ былъ П. А. Плетневъ. Чаадаевъ умеръ четыре года назадъ. Живы были многіе декабристы и участники наполеоновскихъ войнъ.

Что касается пушкинскаго поколѣнія, то-есть литераторовъ, родившихся къ концѣ послѣдняго десятилѣтія XVIII и въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, до отечественной войны, оно, какъ извѣстно, было жестоко опустошено насильственными и преждевременными смертями. Самъ А. С. Пушкинъ, кн. А И. Одоевскій, А. А. Бестужевъ-Марлинскій, А. С. Грибоѣдовъ, Д. В. Веневитиновъ, А. И. Полежаевъ, Е. А. Баратынскій, Н. В. Гоголь, Н. М. Языковъ, А. В. Кольцовъ, В. Г. Бѣлинскій—никто изъ нихъ не прошелъ за переломъ пятаго десятка. Самая долгая изъ этихъ жизней—Баратынскаго (1800 — 1844): сорокъ четыре года, чеховскій возрастъ. Самая короткая—Веневитинова (1806—1827): двадцать два года. Но, если бы не дуэли, не казни и ссылки, не кавказская война, не персидскіе кинжалы, не ранняя чахотка, то—въ нормальныхъ условіяхъ—всѣ названные могли бы видѣть младенца Чехова далеко еще не дряхлыми старцами, даже самые старшіе — лѣтъ шестидесяти (Пушкинъ), шестидесяти пяти (Грибоѣдовъ). Изъ этого литературнаго поколѣнія Чеховъ успѣлъ быть современникомъ—правда, на кончикѣ, но все же современникомъ: Ѳ. И. Тютчеву (1803—1873), В. Г. Бенедиктову (1807—1873), Н. В. Кукольнику (1809 — 1868), Н. Ф. Павлову (1805—1864), А. К. Жуковскому-Бернету (1810—1864), В. И. Далю (1802—1872), А. Ѳ. Вельтману, П. В. Анненкову (1812—1887), Н. И. Пирогову (1810—1881) и др. Помпей Батюшковъ (р. 1810 г.), братъ поэта,

ЭР03159

историкъ и издатель, умеръ только въ 1892 г.,—значитъ, былъ современникомъ Чехова 32 года! Лицейскій товарищъ Пушкина, канцлеръ кн. А. М. Горчаковъ, двумя годами старшій поэта, умеръ въ 1883 году.

Поколѣніе Герцена и Лермонтова, зачатое въ волненіяхъ отечественной войны и парижскаго похода, было въ полной силѣ. Это лучшая пора А. И. Герцена (1812 — 1870) и Н. П. Огарева (1813 — 1877). Бакунинъ (1814 — 1876) только что вырвался изъ ссылки. Шевченко (1814 — 1861) умираетъ годомъ позже, И. И. Панаевъ (1812—1862) двумя годами позже чеховскаго рожденія. И. А. Гончаровъ (1812—1891) переживаетъ полученіе Чеховымъ пушкинской преміи. Гр. В. А. Соллогубъ (1814—1889), авторъ „Тарантаса“, ровесникъ Лермонтова, Бакунина и Шевченко, принимавшій участіе въ дуэли Пушкина и написавшій пасквильный романъ о Лермонтовѣ, успѣлъ передъ смертью прочитать и „Степь“ и „Скучную исторію“.

Дальше—въ тургеневскій періодъ, къ людямъ сороковыхъ годовъ,—эти хронологическія сопоставленія не стоитъ продолжать: они очевидны сами собою. Достаточно указать, что въ 1860 году императора Александра Второго, ровесника Тургеневу (1818 г.), пресса заграничная звала еще молодымъ государемъ, а самъ Тургеневъ весьма кокетничалъ не только съ дамами, но и съ друзьями своею преждевременною сѣдиною и мнимою старостью. Ему было тогда 42 года; возрастъ—сейчасъ, хотя бы, напримѣръ,—Бальмонта (1867), котораго, конечно, никто въ русской публикѣ не почитаетъ еще не только пожилымъ, но даже окончательно завершеннымъ, остановившимся писателемъ. Возрастъ Вересаева (1867), Мякотина, Пѣшехонова, Горнфельда, а такіе, несомнѣнно еще „молодые“ писатели, какъ Чириковъ, Танъ, Фофановъ, Дорошевичъ,—уже старше.

Любопытно, что люди сороковыхъ годовъ, сверстники Тургенева, за весьма немногими исключеніями, сошли

ЭР03159

въ могилу какъ-то, въ общемъ, быстрѣе предшествующихъ поколѣній, хотя между ними не свирѣпствовали ни насильственныя смерти, уничтожавшія ихъ отцовъ и старшихъ братьевъ—пушкинское и лермонтовское поколѣнія,—ни недуги скудной жизни и дурного питанія, сократившіе жизненные сроки ихъ наслѣдниковъ, литераторовъ-разночинцевъ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ, семидесятыхъ годовъ, и почти не знали они (исключая группу петрашевцевъ) политическихъ гоненій, тюремъ, ссылокъ, бича ихъ литературныхъ внуковъ. Поколѣніе, казалось бы, было здоровое, сытое, выкормленное дворянскимъ привольемъ и хлѣбами еще даже не дрогнувшаго крѣпостного рабства, — и жили они какъ-будто подолгу,—а, въ общемъ, исчезли съ лица земли поразительно скоро. Началось вымираніе уже въ семидесятыхъ годахъ (Авдѣевъ, Алексѣй Толстой, Некрасовъ). Знаменитый пушкинскій праздникъ 1880 года словно устроилъ имъ роковой предсмертный смотръ, а тамъ и пошли валиться великіе дубы: Достоевскій, Писемскій, Тургеневъ, Мельниковъ-Печерскій, Катковъ, Островскій, Юрьевъ, Салтыковъ, Хвощинская были ликвидированы на протяженіи одного десятилѣтія. Девяностые годы добили остальныхъ: Григоровича, Плещеева, Майкова, Полонскаго, Фета, Лаврова. Въ двадцатый вѣкъ перебрались лишь трое: Жемчужниковъ, Стасюлевичъ и—великій, какъ бы внѣисторическій особникъ русской литературы—Левъ Николаевичъ Толстой. Да и то они скорѣе уже „пятидесятники“. Современниковъ Пушкина было не трудно найти пятьдесятъ и даже шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Пушкина. Современниковъ Тургенева считаемъ по пальцамъ уже сейчасъ, хотя всего лишь 27 лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ его кончины, и лишь девяносто два года отъ рожденія. Мы, чеховскіе ровесники, восьмидесятники, уже съ ними, въ литературный нашъ періодъ, не жили, а только писали имъ смолоду некрологи и эпитафіи. Если порыться хотя бы въ „Будильникѣ“ восьмидесятыхъ годовъ, не мало тамъ найдется литературно-погребальной

ЭР03159

чеховской прозы: словесныя литіи по отходившимъ изъ міра авторитетамъ „золотого вѣка“—людямъ сороковыхъ годовъ.

Въ театрѣ Чеховъ—ровесникъ „Грозы“: опять-таки поворотный пунктъ въ драматическомъ искусствѣ къ психологической эволюціи, которая разрѣшилась выводами и подвела итоги свои въ „Ивановѣ“, „Дядѣ Ванѣ“, „Чайкѣ“, „Трехъ сестрахъ“, „Вишневомъ садѣ“. Ровесникъ Чехову—литературный фондъ: первый русскій опытъ—къ сожалѣнію, неудачный, ибо застуженный правительствомъ на скромной точкѣ профессіональной взаимопомощи — сложить литературное сословіе въ самостоятельную правовую единицу, обособленность котораго была продиктована насущною потребностью: паденіемъ обезпеченной дворянской литературы и демократическимъ торжествомъ писателя-разночинца, больного, какъ Добролюбовъ, нищаго, какъ Рѣшетниковъ, Левитовъ, Николай Успенскій. Чеховъ родился тѣломъ, когда эта литература рождалась духомъ. Ему—величайшему изъ писателей-разночинцевъ, художнику обывательщины и мѣщанства — суждено было извлечь изъ-подъ грубыхъ, скорбныхъ оболочекъ и показать внутреннее изящество ея, надломленныхъ въ тѣсной жизни, душъ, просвѣтлить ее грустною красотою, повѣдать міру ее предсмертную исповѣдь („Ивановъ“, „Дядя Ваня“, „Чайка“, „Три сестры“), и—въ общей отходной—помирить ее, общею же безнадежностью, и съ прошлымъ, которое она сломала (дворянское поколѣніе „Вишневаго сада“), и съ будущимъ, которое шло ее сломать (молодежь „Вишневаго сада“). Ровесница Чехову „Искра“ (1859) В. С. Курочкина и Н. А. Степанова: могучая сатирическая жаръ-птица, изъ пепла которой со временемъ возникли тѣ, гораздо болѣе скромные, фениксы — „Стрекоза“, „Будильникъ“, „Осколки“—что дали первый пріютъ юмористическому лепету Антоши Чехонте. Развѣ, опять-таки, не знаменательно это почти совпаденіе возобновленія русской сатирической журналистики, послѣ чуть не столѣтней

ЭР03159

спячки, съ рожденіемъ на свѣтъ лучшаго русскаго юмориста? Духъ времени требуетъ, чтобы явился талантъ, и родился талантъ, который нуженъ времени, а покуда онъ растетъ, духъ времени готовитъ ему школу и арену.

II.

О письмахъ Антона Чехова.

Въ Москвѣ началось изданіе „Чеховской Библіотеки“: вышелъ въ свѣтъ первый томъ систематическаго свода переписки Антона Павловича, подъ редакціей и съ примѣчаніями Владиміра Брендера и съ маленькою вступительною статьею Ю. Айхенвальда.

Трудъ этотъ, конечно, не безъ недостатковъ. Главнѣйшій изъ нихъ—спѣшность, выразившаяся даже въ техническомъ исполненіи красиваго изданія: много опечатокъ, и нѣкоторыя непріятны. Но, во всякомъ случаѣ, это—первое собраніе 168 писемъ А. П. Чехова, которое пробуетъ освѣтить въ хронологической системѣ всю его жизнь, и попытка В. А. Брендера заслуживаетъ полнаго сочувствія. Хаосъ чеховской переписки, нагроможденной г. Бочкаревымъ и др., начинаетъ раздвигаться. Несомнѣнно, что, когда выйдутъ въ свѣтъ всѣ томы писемъ А. П. Чехова, изданіе придется переработать заново—для общаго хронологическаго порядка и текста ne varietur. Тѣмъ болѣе пріятно видѣть, что подготовительный трудъ творится съ добросовѣстностью и благоговѣніемъ къ своему предмету. 41 письмо печатается впервые. Возстановлено множество именъ и пропусковъ въ текстѣ. Даны любопытнѣйшіе факсимиле юмористическихъ рисунковъ Антона Павловича. Перепечатаны его первыя статейки изъ „Стрекозы“. Вообще, томикъ—хоть куда, и для изученія Чехова отнынѣ будетъ необходимъ. Плохъ портретъ А. П. на обложкѣ, но, такъ какъ „Чехов-

ЭР03159

ская Библіотека“ обѣщаетъ дать спеціальный альбомъ чеховскихъ портретовъ, то временно съ этимъ пробѣломъ помириться возможно.

Чеховъ въ послѣднее время что-то не въ милости у обывателей. Сперва г. Ежовъ пытался его развѣнчать, потомъ какой-то г. Фидель. Тѣмъ болѣе своевременно,—въ пору праздной болтовни и бабьихъ сплетенъ о Чеховѣ,—чтобы Антонъ Павловичъ самъ заговорилъ о себѣ изъ-за гробовой доски, возстановляя правду—ясную и нелицепріятную.

* * *

Даты надъ нѣкоторыми письмами сомнительны.

Напримѣръ: Ф. О. Шехтелю, 4 октября 1891 года.

— Былъ я въ Львовѣ (Лембергѣ) на польской выставкѣ и видѣлъ тамъ патріотическую, но очень жидкую живопись.

Польская выставка во Львовѣ была не въ 1891, но въ 1894 году. Знаю твердо, потому что во время ея жилъ во Львовѣ довольно долго, хворая послѣ маленькой операціи, произведенной мнѣ въ Вѣнѣ.

* * *

В. А. Брендеръ, согласно воспоминаніямъ М. П. Чехова, полагаетъ, что оригиналомъ для графа Шабельскаго („Ивановъ“) и Гаева („Вишневый садъ“) послужилъ Вл. Петр. Бѣгичевъ. Врядъ ли это такъ. Развѣ, что знаменитый московскій левъ и Донъ-Жуанъ пятидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ на старости лѣтъ развалился настолько, что сталъ неузнаваемъ. Во всякомъ случаѣ, во Вл. Петр. Бѣгичевѣ, конецъ блеска котораго я еще засталъ немножко, входя юношей въ московскій свѣтъ, не было ни капли свойствъ, полагающихъ „недотепу“. Напротивъ, управляя конторою Императорскихъ театровъ, онъ вертѣлъ и дѣлами ея и капиталами, какъ хотѣлъ, и оставилъ по себѣ память человѣка, правда, барски усерднаго въ расточеніи денегъ, но и чрезвычайно практическаго и безцеремоннаго въ

ЭР03159

пріобрѣтеніи. В. П. Бѣгичевъ былъ лютымъ врагомъ русской музыки, съ откровеннымъ цинизмомъ сознаваясь вслухъ, что „русская опера ему невыгодна“, и, покуда онъ стоялъ во главѣ московскихъ театровъ,—а продолжалось это очень долго,—успѣлъ превратить ввѣренную ему русскую труппу въ курьезнѣйшую богадѣльню, которую держали чуть ли не исключительно для того, чтобы было кому все-таки пѣть „Жизнь за Царя“ по царскимъ днямъ. На ряду съ этимъ безобразіемъ процвѣтала блистательнѣйшая итальянская опера, организованная по системѣ do ut des, и потому кончавшая каждый сезонъ чудовищными дефицитами. Держался въ театрѣ Бѣгичевъ крѣпко—главнымъ образомъ, женскими протекціями, ибо смолоду и до старости прожилъ неотразимымъ красавцемъ и всесвѣтнымъ побѣдителемъ слабаго пола, подымаясь по лѣстницѣ амуровъ до принцессъ крови и снисходя до горничныхъ. Болеславъ Маркевичъ,—портретно и съ лакейскимъ энтузіазмомъ пошлѣйшаго Лепорелло,—дважды написалъ Бѣгичева, подъ фамиліей Ашанина, молодымъ человѣкомъ (въ романѣ „Четверть вѣка назадъ“) и на склонѣ лѣтъ (въ „Переломѣ“), при чемъ изобразилъ нѣкоторыя похожденія россійскаго Фоблаза фотографически и съ колѣнопреклоненіемъ предъ половымъ его геніемъ. Одинъ изъ этихъ эпизодовъ далъ сюжетъ мелодрамѣ „Чадъ жизни“ („Ольга Ранцева“), долго державшейся на сценѣ, благодаря превосходной игрѣ М. Г. Савиной. Интриганъ Бѣгичевъ былъ великій, но баринъ вѣжливый и любезный и — чѣмъ вѣжливѣе и любезнѣе, тѣмъ опаснѣе. Я живо помню В. П. Бѣгичева въ концѣ семидесятыхъ годовъ уже весьма немолодымъ, но еще эффектнымъ и необычайно изящно одѣтымъ мужчиною типа некрасовскаго „Папаши“. Такихъ великолѣпныхъ бакенбардъ и у самого Кречинскаго не было! Обладалъ всевозможными полуталантами, былъ блестящій causeur и злой острякъ. За исключеніемъ послѣдняго свойства, что же общаго между Шабельскимъ и Бѣгичевымъ? О Гаевѣ, который,

ЭР03159

кабы не Фирсъ, вѣчно безъ носового платка ходилъ бы, нечего и говорить. Гаевъ весь—несчастный баринъ-джентльмэнъ. Бѣгичевъ былъ весь – счастливый баринъ-авантюристъ, лермонтовскій „Сашка“, достигшій зрѣлыхъ лѣтъ и полнаго типическаго развитія, „послѣдній русскій эпикуреецъ“ крѣпостнической закваски. Гаевъ—крушеніе русскаго Шиллера, Бѣгичевъ—послѣднее слово россійскаго Парни, да едва ли и не безъ Баркова. Онъ самъ хвастался, что одну свѣтскую даму взялъ... на крышкѣ гроба новопреставленнаго мужа ея, лежавшаго на столѣ въ сосѣдней комнатѣ. Много изъза этого барина лилось слезъ! Не только женскихъ, но и мужскихъ вдоволь. Нѣтъ, какой же онъ Гаевъ! Куда Шабельскому до него! Прототипъ Шабельскаго—въ „Мѣщанахъ“ Писемскаго—графъ Хвостиковъ.

* * *

Поразительно ярка и вѣрна характеристика А. С. Суворина въ письмѣ къ И. Л. Щеглову изъ Ѳеодосіи отъ 18 іюля 1888 года, а сосѣднее письмо къ М. П. Чехову, собственно говоря, даже не письмо, но маленькій художественный разсказъ—о ночномъ переходѣ по Черному морю отъ Сухума къ Поти... Любопытно, что Антонъ Павловичъ напророчилъ гибель пароходу „Диръ“, на которомъ совершилъ онъ это плаваніе: въ ту же осень „Диръ“ затонулъ у береговъ Алупки.

О Суворинѣ:

— Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя тоже самое, что сеттеръ въ охотѣ на бекасовъ, т. е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ, многаго онъ не знаетъ, во всемъ онъ самоучка—отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богатонадѣлила его природа,

ЭР03159

поневолѣ онъ развилъ свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ.

Если къ этой фотографической картинѣ прибавить нѣсколько увлекательныхъ чертъ, какъ—глубочайшее уваженіе ко всякому литератору уже въ силу, что онъ литераторъ; совершенное отсутствіе профессіональной зависти и страсти къ злословію; способность безумно, почти по-стасовски, влюбляться въ писательскій или актерскій талантъ (и не скажу, чтобы слишкомъ быстро къ нему затѣмъ остывать); и трагикомическую ревность своихъ симпатій ко всякому иному на нихъ вліянію или съ ними сближенію, иногда смѣшную, часто досадную, но въ громадномъ большинствѣ глубоко-трогательную,—будетъ совершенно понятно, почему Чеховъ, какъ и многіе другіе, разорвавъ съ Суворинымъ связь въ области соціально-политическихъ идей, навсегда сохраняли къ этому высокоталантливому молодому старику личныя дружескія чувства и долгіе годы потомъ переживали—по чеховскому же выраженію—„Суворинъ-шмерцъ“.

* *
*

М. П. Чеховъ вспоминаетъ о домашнихъ спектакляхъ въ семьѣ Чеховыхъ, въ которыхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой.

— Играли на малороссійскомъ языкѣ про какого-то Чупруна и Чупруниху, гдѣ роль Чупруна исполнялъ все тотъ же Антоша.

По всей вѣроятности,—„Москаль-Чаривнікъ“?

* *
*

Знаменитый эпизодъ въ письмѣ къ Плещееву, отъ 28-го іюня 1888 года.

— Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, между окномъ и

ЭР03159

ставней, соловей свилъ себѣ гнѣздо и при мнѣ вывелись изъ яицъ маленькіе соловейчики.

Недавно на Капри говорили объ этомъ при случаѣ. Максимъ Горькій, которому и книги въ руки, такъ какъ онъ страстный птичникъ, да и вообще знаетъ русскую природу, какъ, можетъ-быть, ни одинъ русскій литераторъ послѣ С. Т. Аксакова, утверждаетъ, что Антонъ Павловичъ ошибся: соловей никогда не гнѣздится и не размножается въ такихъ условіяхъ. Классическая книга Мензбира о птицахъ Россіи стоитъ въ этомъ случаѣ на сторонѣ Горькаго. Пресловутые „соловейчики“, вѣроятно, повышены въ чинѣ изъ обыкновенныхъ воробьевъ.

* *
*

Недавно, какъ образецъ чеховской, якобы „надменности“ по отношенію къ бывшимъ товарищамъ по мелкой прессѣ, приводился его рѣзкій отзывъ о водевиляхъ В. В. Билибина.

Я тогда возражалъ по этому поводу слѣдующее:

„Да, если даже и серьезно Чеховъ сказалъ Билибину рѣзкое слово свое, то онъ былъ и правъ, и въ правѣ сказать. *В. В. Билибинъ былъ человѣкъ талантливый*, съ живою искрою мягкаго юмора, рѣдко изящнаго, *съ джентльменскою способностью* говорить неожиданно смѣшное, сохраняя строгое спокойствіе на лицѣ и въ тонѣ. *Ждали отъ него, что выйдетъ хорошій, большой юмористъ. Но Билибина потянуло къ авторству для сцены — и на самую убійственную для таланта отрасль ея: въ водевиль.* И. конечно, *для товарищей, уважавшихъ талантъ В. В. Билибина, совсѣмъ нерадостное зрѣлище было*—наблюдать, какъ даровитый человѣкъ насилуетъ и растрачиваетъ юморъ свой, безконечно изобрѣтая „щекочущія подъ мышками“ положенія въ угоду райку Александринскаго театра. *Чего же, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ какой-нибудь „Цитварный Ребенокъ“, какъ не быть брошеннымъ за бортъ по прочтеніи?* Такъ что въ фразахъ Чехова, которыя г. Ежовъ пытается изобра-

ЭР03159

зить какимъ-то надменнымъ генеральскимъ злопыхательствомъ, не звучало рѣшительно ничего, кромѣ дружескаго, товарищескаго предупрежденія: бросилъ бы ты, милый человѣкъ, заниматься глупостями,—ничего хорошаго изъ того не будетъ. И, дѣйствительно, ничего хорошаго не вышло. *В. В Билибинъ, сосредоточась на грубой фарсовой работѣ, размѣнялъ свой тонкій юморъ—и потерялъ талантъ фельетониста.* Стариннаго И. Грэка изъ „Осколковъ“ нельзя было узнать въ вяломъ и нудномъ Діогенѣ изъ „Новостей“.

Въ новомъ собраніи писемъ А. П. Чехова явилось письмо къ И. Л Щеглову, отъ 12 апрѣля 1888 года, почти дословно сходящее съ вышеприведеннымъ моимъ взглядомъ на В. В. Билибина и на характеръ отношеній дружескихъ и литературныхъ, между нимъ и Чеховымъ. Вотъ эти строки:

„Билибинъ писалъ мнѣ, что вы часто видаетесь съ нимъ. *Онъ милый человѣкъ*, но немножко сухарь и немножко чиновникъ. *Онъ очень порядоченъ и, въ чемъ я убѣжденъ уже давно, талантливъ. Талантъ у него большой*, но знанія жизни ни на грошъ, а гдѣ нѣтъ знанія, тамъ нѣтъ и смѣлости. Держу пари на бутылку шампанскаго, что вы уже пророчили ему, что изъ него выйдетъ первый русскій водевилистъ. Вы очень добрый и щедрый человѣкъ, но не желайте ему этого и своимъ театрально-писательскимъ авторитетомъ *не укрѣпляйте въ немъ его водевильныхъ надеждъ. Онъ хорошій фельетонистъ;* его слабость — французисто-водевильный, иногда даже б. .й тонъ. *Если же онъ примется родить цитварныхъ ребятъ, то ужъ ему вовѣки вѣковъ не отдѣлаться отъ этого тона, и фельетонисту придется пѣть вѣчную память.* Внушайте ему стиль строгій и чувства возвышенныя, а водевиль не уйдетъ“.

Я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ Чехова къ И. Л. Щеглову, — однако, подчеркнутыя строки свидѣтельствуютъ, что мотивы его рѣзкости я угадалъ совершенно точно—даже до негодованія на „Цитварнаго Ребенка“ включительно. Отсюда слѣдуетъ, что такъ ду

ЭР03159

малъ объ уклонѣ Билибина въ водевилизмъ не одинъ А. П. Чеховъ, но и большинство литературныхъ сверстниковъ Чехова, и память моя механически сохранила отчетливую схему тогдашнихъ разговоровъ на этотъ счетъ,—можетъ-быть, какого-нибудь даже и съ самимъ Антономъ Павловичемъ разговора. О Билибинѣ Чеховъ оказался печальнымъ, но безусловно точнымъ пророкомъ. И если онъ считалъ нужнымъ сказать пріятелю въ глаза предостерегающую правду, то именно потому, что считалъ его „человѣкомъ милымъ", „большимъ талантомъ", „очень порядочнымъ" и „фельетонистомъ" чистокровнымъ. Къ людямъ, которые были для него безразличны, Чеховъ подобныхъ опекающихъ укоровъ не обращалъ.

* * *

Ставили Чехову въ упрекъ неуваженіе къ „Фрегату Палладѣ" Гончарова,—онъ-де назвалъ эту вещь „скучною штукою". Грѣхъ Чехова тѣмъ ужаснѣе, что — оказывается теперь — онъ, вдобавокъ, такъ сказать, измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, ибо ранѣе, когда не былъ знаменитымъ, рекомендовалъ брату Михаилу Павловичу:

— Если желаешь прочесть нескучное путешествіе, прочти „Фрегатъ Палладу" Гончарова...

Каковъ? Самъ же расписался чернымъ по бѣлому, что нескучно, а потомъ, вдругъ, взялъ да и обругалъ?

Одна бѣда: въ годъ этого совѣта Антону Павловичу было 17 лѣтъ и учился онъ въ шестомъ классѣ гимназіи, а Михаилъ Павловичъ — во второмъ. Неужели поклонникамъ Гончарова хотѣлось бы, чтобы Антонъ Павловичъ всю жизнь сохранялъ литературные взгляды шестиклассника и вкусы второклассника? Для второклассниковъ „Фрегатъ Палладу", вѣроятно, и въ дни славы своей Чеховъ продолжалъ считать пригодною.

* * *

ЭР03159

Отношеніе Чехова къ Л. Н. Толстому.

1. Письмо къ Плещееву, 1889 года.

— По-моему, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красотѣ исполненія „Крейцеровой сонатѣ“ (Толстого). Не говоря уже о художественныхъ достоинствахъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: „Это правда“! или „это нелѣпо!“... Одно, чего не хочется простить ея автору, а именно — смѣлость, съ какой Толстой трактуетъ о томъ, чего онъ не знаетъ и чего изъ упрямства не хочетъ понять. Такъ его сужденія о сифилисѣ, о воспитательныхъ домахъ, объ отвращеніи женщины къ совокупленію и проч. не только могутъ быть оспариваемы, но и прямо изобличаютъ человѣка, не потрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три книжки, написанныя спеціалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, какъ перья отъ вѣтра; въ виду достоинства повѣсти ихъ просто не замѣчаешь и т. д.

2. Письмо къ А. С. Суворину, 1894 года.

— Во мнѣ течетъ мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродѣтелями... Но толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6-7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса. Война зло и судъ зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ и его женой и проч., и проч.

3. Къ М. О. Меньшикову, 28 января 1900 года изъ Ялты:

ЭР03159

— Я боюсь смерти Толстого. Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Во-первыхъ, я ни одного человѣка не любилъ такъ, какъ его; я человѣкъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру. Во-вторыхъ, когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и пріятно быть литераторомъ; даже сознавать, что ничего не сдѣлалъ и не дѣлаешь,—не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ... Въ-третьихъ, Толстой стоитъ крѣпко, авторитетъ у него громадный, и, пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякія шершавыя, озлобленныя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни. Только одинъ его нравственный авторитетъ способенъ держать на извѣстной высотѣ, такъ называемыя, литературныя настроенія и теченія. Безъ него бы это было безпастушное стадо или каша, въ которой трудно было бы разобраться.

О „Воскресеніи“:

— Самое неинтересное—это все, что говорится объ отношеніяхъ Нехлюдова къ Катюшѣ, и самое интересное—князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрителя. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крѣпости, спирита, я читалъ съ замираніемъ духа—такъ хорошо!.. Конца у повѣсти нѣтъ, а то, что есть, нельзя назвать концомъ. Писать, писать, а потомъ взять и свалить все на текстъ изъ Евангелія—это ужъ очень по-богословски. Рѣшать все текстомъ изъ Евангелія — это такъ же произвольно, какъ дѣлить арестантовъ на пять разрядовъ. Почему на пять, а не на десять? Надо сначала заставить увѣровать въ Евангеліе, въ то, что именно оно истина, а потомъ ужъ рѣшать все текстами.

Опять-таки еще такъ недавно насъ хотѣли увѣрить, что—по мѣрѣ роста славы своей—Чеховъ сталъ относиться „не безъ надменности“ къ „самому“ Толстому. И опять-таки я убѣждаюсь, что былъ правъ въ своей по этому поводу гипотезѣ:

ЭР03159

— „Что мнѣ вашъ Толстой?!“

Надо знать, *какой* взглядъ Толстого вызвалъ такую отповѣдь Чехова. Антонъ Павловичъ, какъ всѣ мы, уважалъ въ Толстомъ художника, но въ немъ, истинномъ позитивистѣ, литературномъ наслѣдникѣ Базарова, блистательнѣйшемъ представителѣ и учителѣ матеріалистическаго анализа, не было даже слѣда способности къ идолопоклонству и покорству предъ авторитетомъ. И—если на этой почвѣ какой-нибудь благоговѣйный фанатикъ Ясной Поляны преподнесъ Чехову, въ спорѣ вмѣсто аргумента непреложенное verbum magistri, ipse dixit, то рѣшительно нѣтъ ничего ни къ удивленію, ни къ порицанію въ томъ, что Антонъ Павловичъ отвѣтилъ на возраженіе, какъ оно того заслуживало:

— А что мнѣ вашъ Толстой?

Уважать геній въ человѣкѣ—одно. Признавать его законодателемъ и папою непогрѣшимымъ—другое. Къ первому въ Чеховѣ была способность необычайно широкая. Но „любленіе твари паче Бога“ и безапелляціонное признаніе авторитетовъ было ему дико, и—не былъ бы Чеховъ великимъ „атомистомъ“, если бы можно было зажать ему въ спорѣ ротъ суевѣрнымъ воплемъ ужаса:

— „Толстой сказалъ! Вы возстаете на Толстого!“ *)

Любви къ Толстому, той настоящей уважающей любви, которой основы суть правда и анализъ, величину и смыслъ любимаго предмета опредѣляющій, въ Чеховѣ было несомнѣнно во сто разъ больше, чѣмъ въ толстовскихъ идолопоклонникахъ, слѣпо клянувшихся in verba magistri. Не говоря уже о ловкачахъ, выгодно потрафляющихъ на сказанныхъ идолопоклонниковъ сантиментальною печатною болтовнею, — о тѣхъ, кого Чеховъ опредѣляетъ рѣзкою, но безусловно справедливою фразою:

---

*) См. въ моихъ „Тризнахъ“ и „Замѣтахъ сердца“.

ЭР03159

— О Толстомъ пишутъ, какъ старухи объ юродивомъ, всякій елейный вздоръ.

* * *

Изъ письма къ С. П. Дягилеву—12 іюля 1903 г.—отказъ отъ предложенія редактировать „Міръ Искусства“:

— Какъ бы это я ужился подъ одной крышей съ Д. С. Мережковскимъ, который вѣруетъ опредѣленно, вѣруетъ учительски въ то время, какъ я давно растерялъ свою вѣру и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго. Я уважаю Д. С. и цѣню его и какъ человѣка и какъ литературнаго дѣятеля, но вѣдь возъ-то мы, если и повеземъ, то въ разныя стороны.

* * *

Чеховъ былъ человѣкъ въ высшей степени родственный. Нѣжный и хорошій другъ всей своей семьи. Однако, въ сантиментальность онъ и тутъ не впадалъ, и основная правда, пропитавшая насквозь его характеръ и всю жизнь его, ему и тутъ не измѣняла. Съ домашними своими, если судить по письмамъ новаго сборника, Антонъ Павловичъ умѣлъ иногда, въ случаѣ надобности, поговорить крутенько и съ авторитетомъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо его отъ 1885 года къ брату Николаю, художнику, котораго онъ очень любилъ. Конечно, наказуетъ любящая рука, но, какъ вспомнишь бѣднаго и милѣйшаго Николая Павловича (большой талантъ преждевременно угасъ въ этомъ человѣкѣ!), то, даже заднимъ числомъ, вчужѣ больно вообразить, каково было ему смотрѣться въ страшное зеркало, подставленное братомъ, въ неумолимомъ всеоружіи внимательнаго „атомизма“. Я зналъ Николая Павловича только по редакціоннымъ встрѣчамъ, да нѣсколько разъ посидѣли вмѣстѣ у Вельде, пиво пили, да однажды, „въ знакъ чувства“, обмѣнялись на память я—экспромтомъ (смолоду иногда могъ!), онъ—головкою какой-то красиво растрепанной

ЭР03159

дамы. Такъ какъ Антонъ Павловичъ читаетъ брату суровую нотацію, то, понятно, черныя краски характеристики сгущены, а бѣлыхъ, оправдывающихъ, умышленно нѣтъ вовсе. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ (особенно въ пунктѣ 6—„воспитанныхъ людей не занимаютъ такіе фальшивые брильянты, какъ знакомство съ знаменитостями, рукопожатіе полнаго Плеваки, восторгъ встрѣчнаго въ Salon'ѣ, извѣстность по портернымъ“ и пр., и пр.), Николай Чеховъ встаетъ какъ живой, даже для поверхностнаго воспоминанія. „Дѣлая на грошъ, они не носятся со своей папкой на сто рублей“... Эта злополучная папка Николая Чехова была кошмаромъ аккуратнѣйшаго А. Д. Курепина. Придешь, бывало, къ нему—сидитъ грустный.

— Что вы такой?

— Охъ, Николай Чеховъ былъ.

— Принесъ что-нибудь?

— Охъ, папку принесъ... большую папку!

— А рисунокъ?

— Рисунка, конечно, не принесъ. Когда же онъ рисунки въ папкѣ приноситъ? Если папка, то... А вы стихи принесли?

— Стихи?.. Н-н-не совсѣмъ... Н-нѣтъ...

— Охъ! То-то вы съ портфелемъ!

* * *

Отъ среды (?) 1887 года А. П. Чеховъ пишетъ Ф. О. Шехтелю:

— У насъ было затменіе. Въ 32 № „Осколковъ“ я заплатилъ дань этому величественному явленію.

Не описка-ли это? Не „Будильника“ ли? Разсказъ вспыльчиваго человѣка о затменіи 1887 года былъ, помнится, помѣщенъ въ „Будильникѣ“, да и врядъ ли могъ быть напечатанъ въ другомъ журналѣ, такъ какъ самую идею записокъ вспыльчиваго человѣка, который на дѣлѣ совсѣмъ не вспыльчивъ, напротивъ, мокрая курица, далъ Чехову, какъ редакціонную тему, В. Д. Левинскій.

ДВГНБ

QP03159

Впрочемъ, можетъ-быть, въ „Осколкахъ“ было что-нибудь другое? Я въ это время уже не пристально слѣдилъ за сатирическими журналами, такъ какъ временно „эволюціонировалъ“ изъ юмористики въ оперу и чуть ли не въ самый день затменія уѣхалъ изъ Москвы въ Тифлисъ пѣть царя Амонасро въ „Аидѣ“.

III.

Была у меня юношеская поэма „Демонъ“. Напечатать теперь подъ псевдонимомъ „начинающаго поэта“, — пожалуй, имѣла бы успѣхъ, потому что байроническаго богоборчества и треска міровой скорби, столь нынѣ опять модныхъ, напихано въ нее было—конца краю нѣтъ! Но въ восьмидесятыхъ годахъ стихи были еще не въ авантажѣ, и прослыть лирикомъ, а ужъ тѣмъ паче авторомъ поэмы—большой поэмы, въ серьезъ написанной поэмы — было какъ-то жутко и неловко. Поэтому „Демонъ“ мой лишь украдкою печатался въ провинціальныхъ изданіяхъ—отрывками и подъ разными названіями. Имени „Демонъ“ я такъ и не посмѣлъ ему дать: слишкомъ велика казалась претензія. Тѣмъ болѣе, что—былъ таки грѣхъ! — хотѣлось поправить Михаила Юрьевича и сдѣлать нечистаго болѣе стойкимъ и логическимъ революціонеромъ, чѣмъ лермонтовскій Демонъ, а его смертную пассію (она у меня итальянка была) болѣе духовною и идейно развитою дѣвицею, чѣмъ лермонтовская дикарка, грузинка Тамара. Отъ московскихъ товарищей, молодыхъ писателей, я „Демона“ скрывалъ, какъ нѣкій грѣхъ тайный. Но однажды Антонъ Павловичъ, въ то время уже извѣстность, послѣ „Степи“ и пушкинской преміи, встрѣчаетъ меня на Петровкѣ и, съ мѣста въ карьеръ, кажется, даже не поздоровавшись, говоритъ ироническимъ басомъ:

— Слушайте, Лермонтовъ, почему же вы Демоновъ пишете, а грамотнымъ людямъ не показываете?

ЭР03159

— О, чортъ! вотъ сюпризъ! Вы-то откуда узнали?

— Пріѣзжій армянинъ изъ Тифлиса разсказалъ. Для Тыплызъ пишешь, дюша мой? Послушайте же, Михаилъ Юрьевичъ, это съ вашей стороны таинственно и нехорошо...

Въ концѣ-концовъ отправились мы въ Татарскій ресторанъ (былъ такой въ Петровскихъ линіяхъ), и тамъ, за пивомъ, я долженъ былъ продекламировать Чехову „избранныя мѣста“. Онъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, воистину достойнымъ лучшей участи.

Потерпѣвъ полное любовное крушеніе, разбитый по всему фронту, мой Демонъ произносилъ надъ прахомъ своей погибшей возлюбленной весьма трогательный монологъ, въ которомъ, между прочимъ, имѣлась такая аттестація:

Была ты,
Какъ изумрудъ, душой свѣтла!

Чеховъ оживился:

— Какъ? что? какъ?

— „Какъ изумрудъ, душой свѣтла“...

— Послушайте, Байронъ: почему же вашъ Демонъ увѣренъ, что у нея душа—зеленая?

Разсмѣшилъ меня—и стихъ умеръ.

А послѣ сказалъ:

— Стихи красивые, а—что не печатаете, ей-ей, хорошо дѣлаете, право... Ни къ чему всѣ эти черти съ чувствами... И съ человѣками сущее горе, а еще черти страдать начнутъ.

— Такъ символъ же, Антонъ Павловичъ!

— Слушайте: что же—символъ? Человѣкъ долженъ писать человѣческую правду. Если черти существуютъ въ природѣ, то о чертяхъ пусть черти и пишутъ.

Каламбура своего насчетъ души Чеховъ не забылъ. Нѣсколько лѣтъ спустя засталъ я его въ лютомъ спорѣ съ издателемъ покойнаго „Артиста“, Ѳ. П. Куманинымъ, объ одной актрисѣ, до сихъ поръ не совершенно вы-

ЭР03159

шедшей изъ моды, а тогда только начинавшей дѣлать карьеру, съ большимъ рекламнымъ шумомъ и самохвальствомъ-модернъ, тоже еще необычнымъ и дикимъ въ тѣ смирныя времена. Куманинъ заступался за артистку. Антонъ Павловичъ жестоко надъ нею издѣвался:

— Послушай же, она, просто, отсырѣвшій фаготъ съ засоренными клапанами.

— Согласитесь, Антонъ Павловичъ, что (Куманинъ назвалъ роль) она играла съ душою? Александръ Валентиновичъ!—обратился онъ ко мнѣ, — поддержите меня: вѣдь слышна душа? вѣдь, не безъ души актриса?

— Нашли на кого ссылаться, — прогудѣлъ Антонъ Павловичъ.—Я ему не повѣрю: онъ думаетъ, что у женщинъ зеленыя души.

* * *

По возвращеніи Антона Павловича съ Сахалина, былъ я у него въ Москвѣ на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ, кажется, Фирганга. Я уже говорилъ объ этомъ визитѣ въ „Записной книжкѣ“ своей.*) При свиданіи нашемъ присутствовалъ свидѣтель—живой, но безмолвный, и преудивительный: звѣрекъ изъ породы виверъ,—кажется, мангусъ его названіе, — котораго Антонъ Павловичъ вывезъ изъ Сингапура. Болѣе красиваго и милаго домашняго звѣря вообразить себѣ нельзя; шкурка его была въ точномъ смыслѣ слова сизая—отливала по стальному общему фону оттѣнками радуги. Звѣрекъ этотъ—благодѣтель индусскихъ хозяйствъ, ибо неутомимо истребляетъ змѣй и всякую иную тропическую гадину. Онъ и самъ-то — какая-то полузмѣя или мохнатая, теплая ящерица, съ страннымъ гибкимъ тѣломъ, которое, сужаясь, переходитъ въ хвостъ, а не хвостъ къ тѣлу привѣшенъ, какъ у большинства звѣрей. Мускульная энергія мангуса по-

*) См. въ „Тризнахъ“.

ЭР03159

разительна, за его движеніями не успѣваешь слѣдить—живая молнія! И такъ какъ основная черта въ характерѣ мангуса—любопытство, то онъ ни минуты не посидитъ въ покоѣ, и радужная молнія сверкаетъ по комнатѣ непрерывно. Я не успѣлъ войти въ кабинетъ Антона Павловича, какъ мангусъ уже вскочилъ на меня, побывалъ рыльцемъ во всѣхъ карманахъ, уткнулся въ ухо, въ пуговицы, въ сапоги и, успокоившись, улетѣлъ на полку съ книгами. А, уходя отъ Чехова, я обрѣлъ это сокровище нѣжно спящимъ въ моей шляпѣ. Антонъ Павловичъ вывезъ изъ путешествія двухъ такихъ звѣрей. Одинъ скоро погибъ трагической смертью: его нечаянно завалили дровами въ печи, куда зябнущій мангусъ любилъ забираться на поиски тропическаго тепла. Съ другимъ мангусомъ — кажется, именно моимъ знакомымъ—вышелъ трагикомическій скандалъ такого рода. Отецъ Антона Павловича, стригъ однажды ногти. Мангусу, по роковому любопытству его, конечно, необходимо было изслѣдовать, чѣмъ старикъ занимается, и что за блестящая штука у него въ рукахъ. Прыгнулъ, старика перепугалъ, а самъ напоролся на ножницы и порѣзался. Съ этого дня онъ возненавидѣлъ старика, ибо рѣшилъ,—пояснялъ самъ Антонъ Павловичъ,—что старикъ его укусилъ. Въ домѣ объ этомъ случаѣ уже забыли,—помнилъ одинъ только мангусъ—и таилъ месть. Въ квартирѣ Чеховыхъ былъ темный коридоръ. И вотъ, однажды, когда Чеховъ-отецъ пробирался по немъ, ничего дурного не ожидая, вдругъ, откуда-то сверху обрушивается на старика нѣчто живое—царапающее, кусающее, неистовое. Старикъ, въ паническомъ ужасѣ совершенно забывъ о мангусѣ, не зная, что и думать о таинственномъ существѣ, на него напавшемъ, обезсилѣлъ, сѣлъ на полъ и завопилъ о помощи. Сбѣжались домашніе. Мангусъ, конечно, удралъ, а потрясеннаго старика долго пришлось успокаивать прежде, чѣмъ онъ, что называется, отдышался. Понявъ, что это были мангуса

ЭР03159

штуки, старикъ пришелъ въ ярость и заявилъ, что въ одномъ домѣ съ подобною свирѣпою дрянью онъ жить не согласенъ. Пришлось Антону Павловичу отдать любимца своего въ зоологическій садъ.

* *
*

О покойномъ А. П. Чеховѣ живая, остроумная М. М. Читау выразилась однажды:

— Онъ у меня всѣ стулья промолчалъ.

* *
*

Чеховъ очень рано познакомился съ товарищескою завистью. Редакторъ „Будильника", А. Д. Курепинъ дважды показывалъ мнѣ анонимныя письма, якобы читательскія, которыя получалъ онъ—съ упреками, зачѣмъ „Будильникъ" помѣщаетъ такъ много „бездарной" прозы „скучнаго" Антоши Чехонте и мало удѣляетъ мѣста высокоталантливымъ произведеніямъ нѣкотораго псевдонима, захватывающимъ читателя, привлекающимъ публику и дѣлающимъ честь журналу. Подобныхъ писемъ, по словамъ А. Д. Курепина, онъ получалъ много. Слогъ показался знакомымъ. Сравнилъ почерки: оказалось, пишетъ самъ высокоталантливый псевдонимъ!.. Любопытнѣе всего, что авторъ сихъ удивительныхъ продѣлокъ былъ не только не чужой Чехову, но даже довольно близкій человѣкъ.

* *
*

Я не умѣю кія взять въ руки, а А. Д. Курепинъ, Е. В. Пассекъ и А. П. Чеховъ были усердные бильярдисты. Я любилъ за кружкою пива сидѣть и смотрѣть, какъ они сражаются. Антонъ Павловичъ игралъ средне, Пассекъ хорошо, Курепинъ художественно. Играли страстно, съ увлеченіемъ. За дурные удары пикировались деликатно, но выразительно, иносказательно, но безпощадно, называя другъ друга фамиліями Пироне, Шальнова, Львова, Королева и прочихъ московскихъ знаменитостей по торговлѣ обувью.

РГБ

ЭР03159

Принесъ я однажды Курепину какіе-то заказанные „Будильникомъ“ стихи. Не вышло, совсѣмъ не вышло! Александръ Дмитріевичъ сдѣлалъ жалобное лицо, охнулъ по обыкновенію и говоритъ:

— Охъ, ну, это, знаете, совсѣмъ—какъ Антонъ Павловичъ на бильярдѣ играетъ!

Присутствующій Антонъ Павловичъ смолчалъ, но тѣмъ же вечеромъ отплатилъ сторицею. Были мы—всѣ вышеназванные, Н. М. Астыревъ, и, кажется, Н. П. Чеховъ—въ бильярдной Татарскаго ресторана. И вотъ, когда кто-то сдѣлалъ отчаянно скверный шаръ—„на себя“, Антонъ Павловичъ пробасилъ:

— Охъ! Ну, это, знаете, совсѣмъ, какъ Александръ Дмитріевичъ эпиграммы пишетъ.

Курепинъ,—человѣкъ, вообще-то, чрезвычайно покладистый и незлобивый, но съ уязвленнымъ втайнѣ писательскимъ самолюбіемъ и давно разбитыми литературными надеждами (у этого превосходнѣйшаго и порядочнѣйшаго человѣка были всѣ лучшія данныя для литератора—и умъ, и вкусъ, и образованіе, и цѣльное міровоззрѣніе, все, кромѣ... таланта!) — серьезно обидѣлся и, выпивъ затѣмъ пива немного больше, чѣмъ слѣдовало, наговорилъ Чехову много непріятныхъ словъ... Антонъ Павловичъ, не ожидавшій, что обмѣнъ пріятельской шутки за шутку поведетъ къ такимъ острымъ послѣдствіямъ, былъ очень огорченъ и извинился съ самой теплою искренностью. Конечно, потомъ никто и не вспомнилъ мимолетной ссоры этой. Однако, со времени ея между Курепинымъ и Чеховымъ что-то лопнуло. Дружескія отношенія внѣшне остались безукоризненными, но погасла или, по крайней мѣрѣ, притушилась внутренняя теплота.

* *
*

Какъ-то разъ въ 1895 или 96 году въ Москвѣ же устроился у меня маленькій литературный обѣдъ. Пріѣхалъ Антонъ Павловичъ. Онъ былъ нездоровъ и не въ духѣ, общество подобралось неудачно, какъ-то

ЭР03159

неожиданно и случайно согласованное, время шло вяло, разговоръ вязался плохо, поминутно прерываясь паузами... Было отчаянно скучно. И, вдругъ, въ одну изъ печальныхъ паузъ, раздается въ концѣ стола голосъ шестилѣтняго сына моего, Владиміра, уныло разсуждающій вслухъ:

— У всѣхъ гости—какъ гости, а у насъ—ну, ужъ и гости у насъ. Чеховъ всегда молчитъ, какъ рыба, Имярекъ, что ни скажетъ, то совретъ...

Залпъ хохота не далъ ужасному ребенку договорить свои обличенія. Какъ чувствовалъ себя я, хозяинъ и родитель, легко представить. Но—enfant terrible выручилъ-таки. Чеховъ разсмѣялся, развеселился, сдѣлался живъ, разговорчивъ и остроуменъ, какъ даже рѣдко я его видалъ.

* * *

Вообще, говорить съ Чеховымъ вдвоемъ, съ глаза на глазъ или въ тѣсномъ кружкѣ не литераторовъ, или, хотя литераторовъ, но не изъ большихъ, не изъ корифеевъ, а, лучше всего, изъ старыхъ товарищей-москвичей, было всегда гораздо интереснѣе, чѣмъ въ большомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе съ участіемъ знаменитостей. Чеховъ былъ человѣкъ глубоко интимный.

Одинъ изъ самыхъ скучныхъ вечеровъ въ жизни былъ проведенъ втроемъ—какъ это ни странно — въ обществѣ Антона Павловича Чехова и Василія Ивановича Немировича-Данченко: значитъ — самаго тонкаго русскаго юмориста и едва ли не самаго блестящаго русскаго разсказчика и разговорщика, съ которымъ вдобавокъ я связанъ тѣснѣйшею дружбою, и, слѣдовательно, поговорить намъ всегда есть о чемъ. Дѣло было въ Петербургѣ у Лейнера. Мы съ Чеховымъ уговорились съѣхаться заранѣе, а Немировичъ подъѣхалъ случайно. Покуда мы сидѣли вдвоемъ, Чеховъ былъ веселъ безконечно, острилъ, басилъ, но — съ пріѣздомъ Немировича—вдругъ, точно его въ воду опустили, сразу померкъ, угрюмо тянулъ пиво и мол-

ЭР03159

чалъ именно, какъ рыба. Когда онъ уѣхалъ, даже такой снисходительный и всякой живой человѣческой душѣ навстрѣчу идущій человѣкъ, какъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, не удержался, чтобы не замѣтить:

— А и скучный же вашъ Чеховъ! Онъ всегда такой?

Я съ досадою возразилъ:

— Ничего не скучный. Просто застѣнчивъ.

Добрѣйшій Василій Ивановичъ удовлетворился.

На другой день нарочно иду къ Антону Павловичу.

— Вы имѣете что-нибудь противъ Немировича?

— Помилуйте! Ровно ничего. Напротивъ, очень его почитаю. Интереснѣйшій, милѣйшій человѣкъ.

— Такъ зачѣмъ же вы вчера-то надулись?

— Я не дулся... Мнѣ—слушайте же—просто любопытно было... Вѣдь я съ братомъ его пріятель, а его совсѣмъ не знаю... Хотѣлъ послушать, посмотрѣть...

Къ этой манерѣ Антона Павловича—иногда среди общества уйти внутрь себя, заключиться въ наблюдательное вниманіе, скучное, почти суровое съ вида, надо было привыкнуть. Незнакомые люди легко принимали ее за угрюмость, нелюдимость, либо даже за недоброжелательство, и обижались. Еще въ некрологѣ Антона Павловича*) случилось мнѣ указать, что многіе, казалось бы, совсѣмъ неглупые и довольно чуткіе люди, которымъ было несчастье познакомиться съ Антономъ Павловичемъ въ этакомъ вотъ періодѣ молчальничества, когда изъ него каждое слово хоть клещами тяни,—выносили изъ свиданій съ нимъ впечатлѣнія весьма недоумѣлыя, и неоднократно въ девяностыхъ годахъ приходилось слышать даже такое, напримѣръ, милое разсужденіе:

— Умъ и дарованіе совсѣмъ не одно и то же... Вотъ, напримѣръ, Чеховъ. Талантъ, а глупъ. Пожалуйста, не защищайте! Я лично съ нимъ знакома и два раза обѣдала съ нимъ въ Ялтѣ. Оба раза онъ

*) См. 2-е изданіе моихъ „Кургановъ“.

ЭР03159

глубокомысленно промолчалъ три часа, не улыбнувшись, отвѣчалъ—да и нѣтъ, уклонялся отъ интереснѣйшихъ вопросовъ, и единственная самостоятельная фраза, которую мы отъ него слышали:—Если можно, то я попросилъ бы не кофе, но чаю...

Это изъ подлиннаго разговора съ женщиною, повторяю, далеко не глупою, развитою, причастною къ литературѣ. Да что—частные случаи! Замкнутость Антона Павловича сдѣлала, что о немъ установился почти общій предразсудокъ, будто онъ былъ человѣкъ, безразличный въ политическомъ и соціальномъ отношеніи,—„безъ образа мыслей". Это—Чеховъ-то! Лишь на пятомъ году послѣ смерти нѣкоторыя воспоминанія, (напр., Елпатьевскаго) и переписка разрушили эту неумную догадку крикливаго россійскаго легкомыслія, для котораго политичны только громкіе шумы пустыхъ бочекъ.

Глубоко интимный человѣкъ былъ Антонъ Павловичъ. Медленно и осторожно допускалъ онъ ближняго своего въ святыню своего генія. Вотъ ужъ въ чью душу никакъ нельзя было, что называется, влѣзть въ калошахъ. Осторожность, конечно, осложнялась еще боязнью утомленія людьми, обусловленною тяжелымъ хроническимъ недугомъ. Чуждый хвастовства и показности, безвывѣсочный и безвыставочный, Чеховъ—„живой домъ великаго таланта"—напоминалъ собою одинъ изъ тѣхъ странныхъ, скрытно-замкнутыхъ домовъ, что видишь въ слободахъ, населенныхъ сектантами, если даже не гонимыми, то и не весьма терпимыми. Домъ—какъ-будто обыкновенный, сѣрый, заурядъ обывательскій; ничего особеннаго — вотъ сѣни, вотъ горница, вотъ кухня, все, какъ у всѣхъ добрыхъ мѣщанъ. Но за стѣною гдѣ-то—тайна: моленная и въ ней радѣніе,—и вотъ туда-то, въ святыню-то хозяйскую, безъ воли хозяина, чужому ни за что не попасть, развѣ что весь домъ по бревну размечешь. А когда позоветъ хозяинъ, покажетъ, и войдешь,—хорошо тамъ, умиленно и свято, тепло и чисто на душѣ.

* * *

ЭР03159

Великій знатокъ женской души, психологъ-атомистъ, интимнѣйшій другъ русской женщины, Антонъ Павловичъ Чеховъ въ жизни многимъ казался грубымъ въ своихъ личныхъ откровенно-матеріальныхъ взглядахъ на женщину. Многимъ—Аркадіямъ Николаевичамъ Кирсановымъ, любителямъ „говорить красиво". Дѣйствительно, самъ Чеховъ по этой части иногда произносилъ слова весьма рѣзкія и совершенно лишенныя „условныхъ лжей". Медикъ и физіологъ, внукъ Базарова, сидѣлъ въ немъ крѣпко и не допускалъ самообмановъ. Человѣкъ вполнѣ достовѣрный, личный и литературный другъ А. П. Чехова, разсказывалъ мнѣ, что, однажды, въ его присутствіи, когда нѣкій несчастный мужъ жаловался Антону Павловичу на ссоры свои съ женою и спрашивалъ совѣта, какъ спасти готовый рухнуть бракъ,—Чеховъ долго и участливо допрашивалъ этого горемыку обо всѣхъ тайныхъ подробностяхъ его супружеской жизни, а потомъ, присѣвъ къ столу, написалъ рецептъ какого-то средства, укрѣпляющаго половую энергію:

— Попробуйте-ка вотъ это!

Поэтому искусственно изощренныя и утонченныя въ амурахъ души, болтающія вообразительницы любовныхъ отвлеченностей, флертистки съ головнымъ развратомъ, спеціалистки любовныхъ грезъ, иллюзіонистки пола, мнимыя идеалистки, съ разговорчивыми вожделѣніями безъ удовлетвореній, и прочія женскія чуда декаданса, качающіяся между мистицизмомъ и чувственностью, не имѣли надъ Чеховымъ никакой нравственной власти. Въ холостое время свое, Антонъ Павловичъ проходилъ сквозь кривляющійся міръ ихъ, лишь какъ внимательный врачъ-ординаторъ—сквозь палату № 6. Этотъ міръ полубезумныхъ, полушельмъ наслушался отъ него не мало горькихъ правдъ, острыхъ словечекъ и эпиграммъ въ прозѣ. И, крѣпко выстеганный Чеховымъ, не простилъ Чехову, что тотъ видѣлъ его насквозь. Именно оттуда выходили рои московскихъ сплетенъ о Чеховѣ, которыя до сихъ поръ не вполнѣ улеглись,

ЭР03159

судя по нѣкоторымъ эпизодамъ въ патологической статьѣ г. Ежова. Въ 1895 году московская сплетня усиленно увѣряла, будто Чеховъ — на укоръ нѣкой „утонченницы", почему онъ пересталъ у нея бывать,— отвѣтилъ якобы:—Потому что мнѣ скучно съ женщиной, которая не отдается...—Въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго не было. Я, все-таки, на всякій случай, позволилъ себѣ спросить Чехова, правда ли это. Онъ усмѣхнулся:

— Развѣ женщинамъ этакое говорятъ? Тѣмъ болѣе— подобнымъ. Скажи я ей, она еще, сохрани Богъ, въ самомъ дѣлѣ, отдалась бы! Вѣдь истеричка же...

Но никто серьезнѣе, глубже, умиленнѣе Чехова не умѣлъ ни понять, ни благословить прекраснымъ словомъ благоуханныя цѣломудрія натурно расцвѣтающей, великой и святой, родъ продолжающей, возвышенно тѣлесной, женской любви—будь-то цѣломудренная Вѣрочка, безпутная „Вѣдьма", тоскующія „Бабы", обездоленныя старыя дѣвы, брошенная Сара, униженныя проститутки, пѣвички, беременная помѣщица, красавица-армянка на постояломъ дворѣ.

Кто хочетъ понять Чехова въ его ясномъ и естественномъ взглядѣ на женщину, тотъ долженъ перечитать „Отцовъ и дѣтей" и серьезно вдуматься въ любовь Базарова къ Одинцовой. Тамъ, въ намекѣ тургеневскаго проникновенія, зарыты корни и исходныя точки прекрасной женской галлереи, которую завѣщалъ намъ великій художникъ Чеховъ.

Въ письмахъ Чехова нѣкоторые пропуски указываютъ, по содержанію, какъ-будто на то, что въ подлинникѣ тутъ были пущены въ ходъ циническія выраженія. Это меня очень удивило, потому что я никогда, за всѣ 22 года знакомства нашего, не слыхалъ, чтобы Чеховъ говорилъ нехорошія слова или велъ фривольный разговоръ на циническія темы. Однажды, помню, еще до поѣздки на Сахалинъ, приносилъ онъ Курепину на поглядѣнье японскія карикатуры весьма непристойнаго содержанія, изображавшія оргію моряковъ,

ЭР03159

заплывшихъ на островъ, населенный однѣми женщинами. Но эти листы были столь высокой художественной цѣнности, такого совершенства въ рисункѣ, краскахъ, во всей техникѣ исполненія, что, если видѣть въ нихъ „похабныя картинки“, то пришлось бы зачеркнуть для искусства всего Фелисьена Ропса и школу его послѣдователей. Вообще, „эротомана“ и „сладострастника“ не было въ мѣщанской крови Чехова ни капли. Онъ былъ больной человѣкъ, но — здоровая кровь. Больныя легкія, но здоровый мозгъ, здоровая кровь, здоровая нервная система,—а отсюда здоровая мысль и здоровое чувство.

Записная книжка.

Русскіе юмористы—скучный народъ. Большинство изъ нихъ смѣшно только тогда, когда сочиняетъ серьезныя книги.

Вотъ, напримѣръ, юмористъ В. Шулятиковъ, авторъ „Оправданія капитализма въ западно-европейской философіи“. Парню писать бы пародіи для „Сатирикона“, а онъ манкируетъ призваніемъ — растекается по мысленному древу отъ Декарта до Маха и обрѣтаетъ въ нихъ глубины неизвѣданныя.

— Имѣя дѣло съ философской системой того или другого мыслителя, мы имѣемъ дѣло съ картиной классоваго строенія общества, нарисованной помощью условныхъ знаковъ и воспроизводящей соціальное profession de foi извѣстной буржуазной группы.

Такъ что не вѣрьте,—ну, хоть, Владиміру Соловьеву, что ли, будто онъ Владиміръ Соловьевъ. Въ дѣйствительности, онъ просто условный знакъ ману-

ЭР03159

фактуры бр. Прохоровыхъ. Сквозь Лесевича просвѣчиваютъ Морозовы и Ясюнинскій. Я даже опасаюсь: если вывернуть съ лица наизнанку самого г. Шулятикова, не окажется ли, что и онъ—гіероглифъ Цинделя, либо Ярославской мануфактуры?

— Міръ въ системѣ Декарта организованъ по типу мануфактурнаго предпріятія.

Декартово cogito ergo sum (я мыслю, слѣдовательно, я существую) г. Шулятиковъ толкуетъ весьма замысловато:

„Я организаторъ и, какъ таковой, могу существовать, только выполняя организаторскія функціи, а не исполнительныя: вотъ что значитъ Декартово утвержденіе, если его перевести на языкъ классовыхъ отношеній".

Правильно. Есть у человѣка фабрика, онъ—человѣкъ. Нѣту,—и человѣка нѣтъ. Такъ,—внѣ-гильдейская тля, ничтожество, „одно воображеніе". Мыслить, значитъ, имѣть фабрику. Такъ думалъ Декартъ и открылъ Шулятиковъ.— Но, ахъ, Ты, Господи!—или нѣтъ, виноватъ: ахъ, Ты, Хозяинъ!—сколько же, оказывается, у насъ мыслителей въ Москвѣ, Лодзи, Орѣховѣ-Зуевѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ...

Говорятъ, будто Г. В. Плехановъ, прочитавъ удивительное сочиненіе г. Шулятикова, назвалъ его злобною пародіей на марксизмъ, которой и свирѣпѣйшему изъ враговъ не измыслить. Сбывается такимъ образомъ старое, вѣчное:

— Боже! Избави насъ отъ друзей, а съ врагами мы какъ-нибудь сами справимся.

* *
*

„Аполлонъ".

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На кремнистыя бразды,
Гдѣ Богдановъ взоры мещетъ
Къ высямъ „Красныя Звѣзды".

ЭР03159

Гдѣ живетъ, „богоискаясь“,
Горькій, мнимо исключенъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила „Аполлонъ“.

И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой „Аполлонъ“—
Со временъ Вассьяна Рыла
Краше всѣхъ изданій онъ.

„Отъ скандала, отъ дуэли,
Отъ критическихъ воронъ,
Ни въ вагонѣ, ни въ постели
Не спасетъ мой „Аполлонъ“.

„И поэтами Востока
Онъ тебя не изумитъ,
И картинами порока
Головы не утомитъ;

„И, когда придется туго
Заграничный твой полонъ,
Въ край родной, на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой „Аполлонъ“.

„Но, когда, въ безсонны ночи,
Лѣзетъ скука на тебя,
И на свѣтъ не смотрятъ очи,
И погода, просто, бя!—

„Милый другъ! во избавленье,
Пробѣги пять-шесть колоннъ,
И тебя въ одно мгновенье,
Усыпитъ мой „Аполлонъ“!

* * *

„Царь Природы“.

Прочиталъ „Царя Природы“ г. Евгенія Чирикова. Комедія—стараго, чисто театральнаго, „тихоновскаго“, типа,—подъ Островскаго 70-хъ годовъ и не безъ примѣси Виктора Крылова,—съ литературными самопожертвованіями въ пользу сцены. Однако, мнѣ понра-

ЭР03159

вилась. Можетъ-быть, въ особенности потому, что послѣднимъ моимъ драматическимъ чтеніемъ предъ „Царемъ Природы“ былъ утомительно-скучный „Анатэма“ г. Андреева. Послѣ чудовищно-длинной и неумолимо фразистой шумихи Желѣзныхъ Вратъ Вѣчности, Стражей съ пламенными мечами и прочаго жупела и металла, конечно, пріятно встрѣтить живыхъ людей и поговорить съ ними на живомъ человѣческомъ языкѣ. До смерти надоѣли всѣ эти „Фаусты“ для малограмотныхъ и „Каины“, разсказываемые своими словами по плохимъ русскимъ переводамъ. Крика много, толка мало, а цѣли вовсе нѣтъ, если не считать, конечно, блаженствъ гонорарныхъ. Когда П. В. Самойловъ читалъ мнѣ „Анатэму“ и читалъ, конечно, превосходно, у меня въ памяти все время вертѣлось классическое, въ своемъ родѣ, критическое опредѣленіе покойнаго Якова Антоновича Рубинштейна:

— Идея есть, но смысла никакого.

Онъ же, милый Яша, когда спросили его объ одномъ юмористѣ:

— Это-то и есть вашъ петербургскій Мефистофель?

Отвѣтствовалъ съ важностью:

— Не то, чтобы совсѣмъ Мефистофель, а такъ — Фистомефиль!

Пожалуй, то же подходитъ къ чорту изъ „Анатэмы“.

Сюжетъ „Царя Природы“. Сократъ Петровичъ Передрягинъ, податной инспекторъ въ небольшомъ городѣ, взирая на воздушные полеты, совершаемые дѣвицею Глюкъ, ощутилъ въ себѣ „безумство храбрыхъ“ и рѣшилъ тоже летѣть на воздушномъ шарѣ. Летѣть—принципіально, чтобы хоть на мгновеніе оторваться отъ пошлой своей жизни и почувствовать себя человѣкомъ, „Царемъ Природы“. Семья въ ужасѣ, городъ въ недоумѣніи, отцы отечества возмущены, исправникъ вмѣшивается... Ну, конечно, „рожденный ползать, летать не можетъ“ — Передрягинъ не полетѣлъ.

ЭР03159

Сюжетъ замысловатый, смѣшной и жалкій, грустно-юмористическій, но житейскій и не сложный—въ родѣ чеховскихъ разсказовъ первой манеры, гдѣ драма и фарсъ—въ общей возможности. Настроеніе тоже чеховское. Антонъ Павловичъ легко использовалъ бы матеріалъ „Царя Природы“ въ одномъ дѣйствіи и вышелъ бы chef d'oeuvre. Г. Чириковъ неосторожно растянулъ пьесу на 4 дѣйствія. Это—ея главный недостатокъ и, пожалуй, единственный органическій. Всѣ остальные уже изъ него истекаютъ, какъ естественное послѣдствіе необходимости для автора заполнить слишкомъ долгій спектакль болѣе или менѣе занимательнымъ движеніемъ и діалогомъ. Чирикову, какъ бытовику, отлично знающему провинцію, удается нагнать въ черезчуръ широкія рамки „Царя Природы“ такую массу любопытныхъ и вѣрныхъ типовъ, что, при хорошемъ исполненіи, пьеса не заставитъ скучать публику ни на минуту. Но въ чтеніи тяжеловато. Превосходна ехидная теща, но, чтобы выяснить до мелкаго дна ея злостный обывательскій пессимизмъ, опирающійся на сорокалѣтній опытъ неизмѣнной мѣщанской пошлости, достаточно одного явленія. Жена героя, плаксивая каторжница своей дѣтской, гораздо сложнѣе своей матери,—однако, г. Чириковъ сумѣлъ же нарисовать ее опять-таки чеховскимъ пріемомъ, въ два-три штриха, и затѣмъ справедливо оставилъ въ покоѣ, какъ фигуру использованную и болѣе не интересную. Между тѣмъ, теща ходитъ-ходитъ, бродитъ-бродитъ—и все одно и то же, все одно и то же. Да больше нечему и быть: ехидство, паскудное воображеніе и твердое, непоколебимое обывательское убѣжденіе, что—„сами мы навозъ, и отцы наши навозъ, и дѣти будутъ навозъ“, и что въ сей то неизмѣнимой навозности и спрятанъ секретъ невозмутимаго человѣческаго благополучія. Типъ высказался сразу, а торчитъ на сценѣ четыре часа, не будучи въ состояніи къ самому себѣ хотя бы черточку прибавить. Получается теща изъ „Стрекозы“. Слагается „роль“, да

ЭР03159

еще и опредѣленно подводимая подъ „амплуа“. Хорошая „комическая старуха“, вродѣ Шаровьевой, будетъ въ „Царѣ Природы“ смѣшить публику до упаду—и не только „раекъ“, потому что театрально сдѣлана она ловко. Но литературно г. Чириковъ свою Глафиру Андреевну загубилъ.

То же самое надо сказать о всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицахъ безъ исключенія: чѣмъ короче ихъ явленія, тѣмъ они ярче, нужнѣе, тѣмъ надежнѣе выручаютъ пьесу, то-есть скрадываютъ ея растянутость, искупаютъ злоупотребленіе цѣлымъ вечеромъ для диспута о выѣденномъ яйцѣ. Въ роляхъ же, такъ сказать, первыхъ—гдѣ-нибудь, либо въ началѣ, либо въ серединѣ, либо въ концѣ—г. Чириковъ непремѣнно даетъ двѣ-три фразы, а то и одну, которыя исчерпываютъ типъ съ такой завидною полнотою, что невольно сожалѣешь:

— Вотъ это бы одно и оставить, это—правда, это жизнь... А прочее—для актера!

Особенно жаль, съ этой точки зрѣнія, тестя Степана Никифоровича. Чудесная фигура законномѣрнѣйшаго и осторожнѣйшаго провинціальнаго разсуждальщика-либерала. Навѣрное, кадетъ—влюбленъ въ Милюкова и подастъ свой голосъ за г. Кутлера. Давыдовъ ли, Варламовъ ли, вообще сильный комикъ сдѣлаютъ изъ этого мудреца-резонера, что называется, конфетку. Но пьеса ничуть не проиграла бы, если бы вся роль Степана Никифоровича исчезла изъ нея, кромѣ тихаго ухода со стаканомъ пива, когда начинается семейная буря, и двухъ короткихъ діалоговъ:

— Летѣть не смѣете! Не имѣете права.

Степанъ Н. *старается всѣхъ успокоить*. Дѣло не въ правѣ... Надо уважать личность... Юридически онъ имѣетъ право... Надо уважать личность.

Глафира Антоновна. Такую личность нельзя уважать!

Степанъ Н. Всѣ имѣемъ право: и я, и ты, и онъ, и всѣ! Но, кромѣ формальнаго права, есть еще этика...

ЭР03159

Вотъ въ чемъ надо разобраться... А, конечно, всякій человѣкъ имѣетъ право летать... Что же объ этомъ говорить?

Глафира А. Этакъ всякій бы женился, наплодилъ дѣтей, а потомъ сѣлъ съ какой-нибудь Глюкъ на шаръ и—до свиданья!

Степанъ Н. (*тихо сердится*). Что же онъ, матушка, совсѣмъ, что ли, улетаетъ отъ насъ?

Глафира А. А расшибется? Развѣ это не все равно?

Степанъ Н. А—а, я вотъ и говорю, что это вопросъ этики!..

И еще—моментъ. Когда исправникъ не допустилъ полета, Передрягинъ волнуется, кричитъ:

— Не имѣютъ права! Каждый человѣкъ можетъ распоряжаться своей жизнью, какъ хочетъ.

Степанъ Н. Конечно. Противъ этого распоряженія можно спорить. И даже очень!.. Возьми хорошаго адвоката и... это совершенно новый прецедентъ, очень интересный для юриста...

Превосходно. Человѣкъ договоренъ до конца, сатирическій типъ выраженъ полностью. Остальное—увы! разжиженіе тѣхъ же щей повтореніями, либо условная канва для актерскихъ „кренделей“.

Великолѣпнаго исправника написалъ г. Чириковъ. Новаго, „конституціоннаго“, съ „закономъ“, съ аріей Ленскаго, даже съ вольнодумствомъ.

— Я отлично понимаю тотъ ужасъ положенія, въ которое Передрягинъ ставитъ свое семейство, но я обязанъ уважать законъ. А по закону я никому, къ сожалѣнію, не имѣю право мѣшать дѣлать глупости, пока, конечно, эти глупости не затрагиваютъ общественныхъ и государственныхъ интересовъ.

— Только престижъ служебнаго положенія! Только этотъ вопросъ можетъ быть въ данномъ случаѣ подвергнутъ моему разсмотрѣнію... Лично, какъ человѣкъ, я вполнѣ согласенъ со всѣми вашими доводами, но...

ЭР03159

И остановилъ онъ полетъ не какъ-нибудь этакъ по-бурбонски, по-старинному, въ стилѣ горбуновскаго анекдота о портномъ:—И какъ это безъ начальства летать возможно?.. Нѣтъ! Въ то время, какъ семья, общественное мнѣніе, служба, всѣ силы и оплоты обывательскаго благоразумія истощили средства свои, чтобы отрезвить „героя“, и—вотъ-вотъ Передрягинъ, въ самомъ дѣлѣ, докажетъ, что онъ не рожденъ ползать, полетитъ и пристыдитъ пошлость и робость мѣщанскую,—исправникъ разрѣшаетъ общее затрудненіе и отчаяніе столь же просто, какъ Александръ Македонскій разрубилъ Гордіевъ узелъ, и притомъ,—то-то, небось, хвалился послѣ!—безъ малѣйшаго насилія. Передрягину онъ полета не запретилъ, но...

Исправникъ. *Я не могу допустить два лица. Не выдержатъ веревки. Летите одинъ!*

Глюкъ. Ой, что ви! Они сто пудовъ держайтъ!

Исправникъ. Не задерживайте публики... Пусть начнется полетъ.

Передрягинъ. Подождите! Во-первыхъ, я попрошу оформить. *Одинъ я, конечно, летать не могу...* Я прошу оформить! оформить!

Исправникъ. *Сдѣлайте одолженіе! Я нахожу полетъ двоихъ небезопаснымъ* и принимаю мѣры къ охраненію жизни и...

Передрягинъ. А если я докажу, что веревки выдержатъ двоихъ?

Исправникъ. Извините: мнѣ некогда... *Послѣ докажете!*

Оформилъ! Что называется, чисто сдѣлано. Даже что-то символическое: точно министръ предъ Думою „конституціонную“, декларацію произнесъ и съ торжествомъ, въ мирѣ удалился, оставивъ ораторовъ оппозиціи бѣсноваться, подъ злорадный хохотъ октябристовъ и умѣренной правой, между кадетами и крайнею лѣвою.

— Я полечу! Мнѣ все равно!

ЭР03159

Степанъ Никифоровичъ, онъ же Павелъ Николаевичъ Милюковъ. Погоди! Опомнись!

— Пустите меня!

Крайняя лѣвая, въ лицѣ Людмилы Васильевны. Зачѣмъ вы его держите?

Степанъ Никифоровичъ, онъ же Павелъ Николаевичъ Милюковъ. Куда? Зачѣмъ? Ничего не сдѣлаешь: полетѣла!

Шаръ съ m-lle *Глюкъ (по-русски Счастье) поднимается къ небу. На верандѣ лакеи—п. Гурляндъ, Гурьевъ и К°,— наблюдаютъ и пересмѣиваются. За кустами ржущій смѣхъ „зубровъ". Выбѣгаетъ запыхавшійся Петя, россійскій традиціонный мальчикъ безъ штановъ:*

— Папа! Что же ты не полетѣлъ?! А тебѣ вѣнокъ приготовили!...

Впрочемъ, я, кажется, въ самомъ дѣлѣ впадаю въ символизмъ... Ничего не подѣлаешь: такая карта въ руку идетъ. Соблазнительно!

Отъ игры въ символы, которой г. Чириковъ одно время отдавалъ дань довольно усердно, въ „Царѣ Природы" слышны лишь самые слабые отзвуки, заглушенные ревомъ и скрипомъ настоящей, огромно—только не несущейся, но ползущей, жизни. Символична дѣвица Глюкъ, какъ и фамилія ея указываетъ. Такъ какъ деревенская нянька, съ ея страхами къ городскому быту и снами о воздушныхъ шарахъ, рѣшительно ни на что не нужна въ пьесѣ, то она, должно быть, тоже символична. Остальные — люди какъ люди и хорошо, крѣпкимъ, смѣлымъ карандашомъ нарисованы. Возвышенные монологи Передрягина и восторги „экспансивной" Людмилы Васильевны написаны г. Чириковымъ въ весьма двусмысленномъ переплетѣ серьеза съ юморомъ. Иной разъ эта часть пьесы сдается презлою пародіей на русскій символизмъ, въ обывательскомъ толкованіи. Русскій строитель Сольнесъ и его Гильда!

Какой ужъ тамъ возможенъ символизмъ, когда жизнь напираетъ на тебя всѣмъ своимъ архи-реалистическимъ,

ЭР03159

passez le mot, пузомъ? Ты на шарѣ задумалъ летѣть, а домохозяинъ приходитъ: ежели такъ, оплати за мѣсяцъ впередъ квартиру, въ городскомъ банкѣ отказываютъ учесть вексель и лавочникъ перестаетъ отпускать товаръ на книжку. Какъ жаль, что г. Чириковъ, вмѣсто того, чтобы разсказывать о сихъ бѣдствіяхъ Передрягина, не показалъ ихъ въ дѣйствіи! Какія бы онъ далъ чудесныя бытовыя миніатюры! Ты на шарѣ задумалъ летѣть? Такъ вотъ—привязался агентъ страхового общества, алчущій процентовъ съ возможнаго полиса, и до того надоѣлъ, что... трахъ! оскорбленіе дѣйствіемъ!

Ну, и—скандалъ! Классическій скандалъ уѣзднаго города.

Чиновникъ. Мы взрослые люди: на шарахъ не летаемъ... И этихъ безобразій... Онъ думаетъ, если онъ завтра съ дѣвицей летитъ, такъ... Герой!.. Намъ не надо героевъ!

Передрягинъ. Г. исправникъ! Остановите этого субъекта!

Чиновникъ. Я не субъектъ! Возьмите это слово назадъ!

Одна изъ женъ. А еще семейный человѣкъ! Четверо дѣтей!

Исправникъ. Господа! Позвольте, я прошу васъ, мадамъ...

Одна изъ женъ. Хорошій герой! Вы бы лучше порядочнымъ отцомъ да мужемъ старались быть, чѣмъ...

Людмила В. Это уже вмѣшательство въ личную жизнь... Какая неделикатность!

Одна изъ женъ. Охъ! Скажите, пожалуйста! Сами-то вы...

Исправникъ. Медамъ! Это васъ не касается.

Публика. Мы не герои и не субъекты! Намъ не надо героевъ! Къ чорту героевъ.

Исправникъ. Господа!

Вотъ оно, такъ и дохнуло „соединенкою“! Ни ге-

ДВГНБ

ЭР03159

роевъ — ни субъектовъ, а между прочимъ — герой субъекта въ ухо, и субъектъ героя—къ мировому судьѣ. Славенъ городъ Черкасы! Славенъ городъ Кобеляки! Славенъ городъ Кромы! Славенъ городъ Епифань! И такъ далѣе—до Шенкурска на сѣверѣ, Бердянска на югѣ, Бендеръ на западѣ, Бугульмы на востокѣ... А дальше — Сибирь! Вотъ гдѣ истинное-то клубное благополучіе, вотъ гдѣ процвѣтаютъ „семейные вечера“, иллюминованные бенгальскими огнями плюхъ, обмѣниваемыхъ между героями и субъектами... Вспоминаются мнѣ мои—записанные съ натуры—„Ночные Голоса“ *). И, какъ нарочно, тоже податной инспекторъ въ центрѣ „драмы“!

Я далеко не въ безусловномъ восторгѣ отъ „Царя Природы“. Ясно вижу его промахи и недостатки. Знаю, что тотъ же самый матеріалъ можно было бы обработать лучше, и первый, кто могъ бы, — самъ же г. Чириковъ. Но мнѣ нравится, что эта вещь—смѣшная и грустная повѣсть о неудачномъ полетѣ къ облакамъ изъ лужи—человѣческая вещь. Я вижу людей, которые ходятъ настоящими ногами по настоящей землѣ, ѣдятъ, пьютъ, дышатъ, цѣлуются, сморкаются, ссорятся, мирятся, бунтуютъ, покоряются, дѣтей рожаютъ, женъ мучатъ, сами отъ семьи мучатся—все, что въ самомъ дѣлѣ бываетъ подъ любымъ русскимъ градусомъ широты и долготы. Я люблю землю и все земное и люблю, чтобы человѣкъ былъ написанъ во образѣ и подобіи человѣка, а не жителя земли Ойле или звѣзды Маиръ. Я долженъ сознаться, что коротенькая мимоходная фраза Софьи Степановны Передрягиной, когда она, послѣ крикливой семейной сцены, тихо проситъ ябедницу мать:

— Ради Бога, молчите! Не говорите ничего! Я не могу!.. *Дайте хоть капельку послушать, какъ стучатъ часы...* —

Говоритъ мнѣ о тайнахъ измученной, усталой,

*) См. 2-е изд. моихъ „Сибирскихъ этюдовъ“.

ЭР03159

унылой человѣческой души гораздо больше, чѣмъ всѣ громкія пессимистическія декламаціи мнимаго отчаянія въ безчисленныхъ „Фаустахъ для малограмотныхъ“, коими дарятъ наше неразборчивое, ибо литературу настоящихъ „Фаустовъ“ забывшее, время, реторическіе выкрики андреевской школы. Потому что, когда я думаю о живомъ человѣкѣ, доведенномъ безобразною суголокою безжалостной жизни до того, что для него уже отдыхъ и наслажденіе — „капельку послушать, какъ стучатъ часы“, и нѣтъ другого, мучительно напоминающаго о долгѣ, казнящаго „семейнаго“ звука, — тогда мнѣ становится горько и страшно. Я знаю, что такихъ замученныхъ душъ милліоны въ Россіи, десятки милліоновъ въ человѣчествѣ. Это тихое, безпомощное, мучимое и мучащее горе—настоящее, всемірное: каждаго населеннаго человѣкомъ угла на „культурной“ землѣ, каждой минуты, отбиваемой часами, которые оно слушаетъ. Это—близкое, братское, свое, чего не надо изобрѣтать и вымышлять, притягивая за волосы невѣсть откуда и невѣсть съ какими фокусами, а надо только почувствовать. Софья Степановна, вообще, написана г. Чириковымъ глубоко и мастерски. Покойный А. П. Чеховъ не отказался бы поставить свое имя на этой скорбной статуѣ замученнаго недомыслія. А фраза о часахъ, когда я впервые прочиталъ ее, полоснула острымъ по сердцу почти съ тою же болью, какъ нѣкогда:

— Знаете ли вы, государь мой, что это значитъ, когда человѣку итти некуда?..

Отъ чего г. Чирикову, кажется мнѣ, слѣдовало бы отказаться, это—отъ сцены со студентомъ. Ужъ очень шаблонъ. Видано—перевидано, слыхано—переслыхано. Чуть не съ „Доходнаго мѣста“ статистику такихъ благородствующихъ сценъ приходится начинать... И всегда—благородство подъ хмелькомъ. Такъ это уже давнымъ давно разъ навсегда Островскій сказалъ и—охъ, какъ густо сказалъ:

— Нѣтъ, Мартынъ, я благороденъ... Ахъ, какъ я

ЭР03159

благороденъ! Одно, братъ Мартынъ, обидно, что благороденъ то я только въ пьяномъ видѣ...

Густо сказанное—что̀ разжижать?

Очень это радостно, что г. Чириковъ бросилъ какъ-будто стезю „Колдуній“ и „Легендъ о Красныхъ замкахъ“ и возвращается къ своему настоящему духу. Величественныя и высокопарныя небылицы въ лицахъ писать есть тьма охотниковъ и безъ него, но бытъ русской мелкой дѣйствительности мало кто лучше его знаетъ и понимаетъ. А, какъ тамъ не верти, доподлинно знать и видѣть во очію, какъ человѣкъ мается въ Белебеѣ и Царевококшайскѣ, гораздо важнѣе, чѣмъ слышать, что вопитъ не токмо „Анатэма“, но хоть Распроанаѳема у Желѣзныхъ Врать Вѣчности. Ибо, во-первыхъ, никакихъ Анатэмъ въ природѣ не существуетъ, равно какъ и Желѣзныхъ Врать Вѣчности и, слѣдовательно, все это лишь „хорошій слогъ“. А, во-вторыхъ, даже и какъ „хорошій слогъ“ то, оно—весьма не высшаго качества и подозрительной свѣжести. Повторяю: Фаусты, Каины, Демоны, Іовы, Карамазовы, приспособленые для полуинтеллигенціи, — философская трагедія, грубо перелицованная въ схоластическую мелодраму для театра маріонетокъ. Чужія слова! Всегда чужія слова—обноски интеллигентной культуры. Но интеллигенція-то романтическая слышала ихъ не отъ Андреева, съ его полуобразованіемъ, или г. Сологуба, но отъ Гете, Байрона, Лермонтова, Достоевскаго, Гейне, — да еще въ такомъ періодѣ европейской культуры, когда эти слова были далеко не только лишь „хорошій слогъ“. Когда костюмъ европейца попадаетъ въ руки суданскаго дикаря-негра—послѣдній распоряжается съ доставшимся сокровищемъ удивительно: штаны напялитъ на руки, жилетъ надѣнетъ пряжкою на брюхо, пуговицами на спину. И, вырядившись такимъ гусемъ, воображаетъ себя бѣлымъ и богомъ. Подобные же трагикомическіе маскарады господствуютъ сейчасъ въ русской лже-романтикѣ. Между господами Смертячиными, какъ зоветъ ихъ Максимъ Горькій. Творцы

ЭР03159

„Фаустовъ для малограмотныхъ“ и „Каиновъ для начинающихъ читать“ обдираютъ покойниковъ стараго романтическаго кладбища самымъ безцеремоннымъ и откровеннымъ образомъ. Примѣръ—„Черныя маски“, гдѣ заимствованы сцены у Альфреда де-Мюссе, Эдгара По и Лохвицкой-Жиберъ, „Анатэма“, гдѣ всего понемножку: „Фауста“, „Каина“, Гейне, „Великаго инквизитора“ и т. д. Но идеями и образами, заимствованными у великихъ мертвецовъ, наши кладбищенцы пользуются, какъ суданскій негръ—платьемъ европейца. И воображаютъ себя романтиками и богами. Боговъ, боговъ... ужасъ сколько боговъ! Воистину къ царству современной литературы русской приложима античная острота Петронія:

— Въ нашей странѣ столько боговъ, что бога у насъ гораздо легче встрѣтить, чѣмъ обыкновеннаго человѣка...

Оттого-то съ такимъ удовольствіемъ знакомишься съ „Царемъ Природы“ г. Чирикова. Читаешь заглавіе: „Царь Природы“... Звучитъ гордо... Ну, значитъ, — увы! опять какой-нибудь богъ!.. И вдругъ—рѣдкость: обыкновенный человѣкъ!.. Здравствуйте! очень пріятно!

* * *

Отвѣтъ въ Одессу.

Вы хотите, чтобы я написалъ о Тарновской. Откровенно скажу: трудно мнѣ это. Не интересуетъ меня эта госпожа, и не тянетъ меня ради нея отложить въ сторону текущую работу. Самое дѣло кажется мнѣ раздутымъ въ крикъ, совершенно на прасный. Ни къ какимъ обобщеніямъ матеріаловъ оно не даетъ и ничего нѣтъ въ немъ новаго. Всегда были, есть и будутъ жалкіе человѣчки, для которыхъ міръ сосредоточивается на постели вотъ такой-то именно женщины (да и не только женщины). Всегда бывали, есть и будутъ находиться грубыя женщины или играющіе женскую роль субъекты, которые слабостью, тупостью, сладострастнымъ ничтожествомъ этихъ человѣко-насѣкомыхъ

ЭР03159

будутъ помыкать — до преступленій и самоубійствъ включительно. Собственно говоря, вся штука якобы „мірового“ процесса въ томъ, что драма разыгралась въ романтическихъ венеціанскихъ декораціяхъ, и жертва носила графскій титулъ, по которому дѣло — при усердіи итальянцевъ къ титуламъ — ославилось „аристократическимъ“. Отнимите эту мишуру, и останется обыкновенное убійство по наущенію, какихъ въ каждомъ году найдутся десятки въ европейской уголовной хроникѣ, на почвѣ любовной и денежной, рѣшительно во всѣхъ сословіяхъ безъ исключенія. Наша литература много занималась убійствомъ по наущенію (Достоевскій въ „Бѣсахъ“ и особенно въ „Карамазовыхъ“, Толстой во „Власти тьмы“, Лѣсковъ въ „На ножахъ“), въ итальянской деревнѣ оно до сихъ поръ наиболѣе типичный видъ убійства, и Дж. Верга чудесно изобразилъ его. Когда итальянцы кричатъ о „русской трагедіи“, они забываютъ нравы своего народа и бытъ своихъ предковъ, въ которыхъ науськанный, зачарованный любовью или просто наемный убійца являлся въ финалѣ рѣшительно всякой серьезной фамильной драмы.

Изъ русскихъ статей о Тарновской мнѣ больше всѣхъ понравилась здравомысленная и простая статья Власа Дорошевича, написанная съ обычнымъ блескомъ, безъ иллюзій и называющая кошку кошкой. Жаль только, что онъ, мелькомъ, повторяетъ тамъ разбитое буржуазное ученіе Ломброзо о „прирожденной проституткѣ“. Въ Кіевѣ фельетонисты поспорили о Тарновской: Мальва или Нана? Откровенно говоря, жаль для г-жи Тарновской и Мальвы, и Наны. За что? Обѣ, каковы ни есть, натурныя дѣвки. А вѣдь эта всю себя вычитала и передъ зеркаломъ протанцовала.

Выше я упомянулъ романъ Лѣскова „На ножахъ“. Это произведеніе — далеко не изъ лучшихъ покойнаго Николая Семеновича, относится еще къ ретроградному періоду, когда онъ посрамлялъ нигилистовъ, и написано почти что въ бульварной манерѣ. Но тамъ предсказана не только Тарновская, но и все ея преступле-

ЭР03159

ніе, въ полной его послѣдовательности, съ единственною разницей, что, вмѣсто полиса графа Комаровскаго борьба идетъ за завѣщаніе Михаила Андреевича Бодростина. Наумова тамъ зовутъ Іосафомъ Висленевымъ, Гордановъ не такъ полно, но, все же, можетъ сойти за Прилукова, а Глафира Бодростина—конечно, литературная мамаша Тарновской, лишь съ добавкою красоты, которою венеціанская героиня далеко не блещетъ. И, все-таки, сколь ни черными красками разрисовалъ Лѣсковъ свою Глафиру, но до холодной жестокости и безстыдства Тарновской этой дамѣ далеко. Все-таки, сорокъ лѣтъ культуры что-нибудь да значатъ же, чортъ возьми! Усовершенствовались.

И то условіе, что романъ Лѣскова—почти бульварный, чрезвычайно идетъ къ дѣлу Тарновской. Это—въ высшей степени бульварное дѣло, и герои его будятъ во мнѣ воспоминанія не о Зола и Горькаго типахъ, но о дѣйствующихъ куклахъ „Рокамболя“ и „Петербургскихъ трущобъ“—въ „великосвѣтскихъ“ главахъ. Какими бы титулами ни украшали себя участники „русской трагедіи“, вся эта небольшая, но честная компанія, прежде—всего,—что называется,—необычайно „дурного тона“. Зачеркните въ допросахъ фамилію Прилукова: предъ вами встанетъ, начитанный твореніями Понсона дю-Террайля и за образецъ ихъ взявшій, Смердяковъ. Всѣ эти нѣжныя татуировки по приказанію „предмета“, совмѣстныя и въ одиночку самоотравленія, расписки—„въ смерти моей прошу никого не винить“, „ave, morituri te salutant“,—вѣдь это же безпросвѣтная, кругомъ смердяковская, пошлость. Если бы за нею не остался трупомъ несчастный Комаровскій, то этакую „романтическую“ любовь, всерьезъ, надо искать лишь на страницахъ „Новѣйшаго русскаго пѣсенника“, потому что для болѣе культурныхъ слоевъ жизнь давно передвинула подобныя штучки въ область фарса. Отъ подложныхъ графовъ и графинь венеціанской мелодрамы пахнетъ литературою и психологіей начитанныхъ лакеевъ.

ЭР03159

А, впрочемъ, долженъ сознаться субъективно, что преступленія, возникающія на почвѣ амурныхъ соревнованій, всегда застаютъ меня нѣсколько врасплохъ, ибо никакъ я не могу себѣ вообразить, чтобы обладаніе женщиною могла стать для взрослаго человѣка въ здравомъ умѣ и твердой памяти рѣшающею причиною къ убійству и самоубійству. Значитъ, приходится—хочешь не хочешь—искать побуждающей болѣзни.

Кстати, о графахъ и графиняхъ. Въ извѣстной книгѣ князя Петра Долгорукова „Notice sur les principales familles de la Russie“, конечно, нѣтъ никакихъ графовъ Тарновскихъ (это изобрѣтеніе итальянское, подобное „князю“ Наумову), ни ирландскихъ графовъ О'Рурковъ. Но, къ удивленію, почему-то нѣтъ въ ней и графовъ Комаровскихъ, хотя пересчитано 60 графскихъ фамилій существующихъ и 41 угасшая. Любопытна судьба графскаго титула въ русскомъ дворянствѣ. Долгорукій приводитъ нѣсколько выразительныхъ примѣровъ, что потомки стараго боярства считали этотъ титулъ ниже своего достоинства и отказывались принимать его пожалованіе. Такъ поступили извѣстный дипломатъ николаевской эпохи Дмитрій Татищевъ и екатерининскій генералъ-аншефъ Петръ Еропкинъ, оба рюриковичи. Нынѣшніе графы Татищевы—потомки генерала Николая Татищева. Его возвелъ въ графское достоинство Александръ I. Другого, Татищева Александра, сдѣлалъ графомъ Николай I, но этотъ новый графъ умеръ безъ мужского потомства.

Такъ что опять приходится вспомнить лѣсковскую княгиню Протазанову („Захудалый родъ“), которая „не вѣрила въ графовъ“. „По ея правиламъ, въ Россіи должны быть царскій родъ, князья, дворяне, приказные, торговые люди и пахотные, но графы... Она говорила, что у насъ искони никакихъ графовъ не было, и она будто-бы вовсе не знаетъ, откуда они берутся.

— Говорятъ, графы стали, ну, и Богъ съ ними, они мнѣ ни шьютъ, ни порятъ и я имъ не помѣха, а только отчего имъ это сдѣлалось, я не знаю.

ЭР03159

Но что касается до графовъ съ иностранными фамиліями, то этого она рѣшительно и за титулъ не принимала.

— Пустяки,—утверждала она,—совершенно пустяки, они и сами то у себя это въ насмѣшку дѣлаютъ, графами называются. Вонъ Каліостро простой итальянецъ былъ, макаронникъ, и по всей Европѣ ѣздилъ, фокусы показывалъ, да ужины съ мертвецами давалъ, а тоже графомъ назывался.

Если положить на вѣсы справедливости графа Каліостро и графиню Тарновскую, то, пожалуй, еще неизвѣстно, дѣйствительно, кто изъ двухъ аристократовъ больше потянетъ.

* * *

„Бывало все... да! всякое бывало!“

Исторія фанатическаго поруганія покойной Вѣры Коммиссаржевской правыми листками, имѣетъ печальный историческій прецедентъ—ровно за 50 лѣтъ назадъ.

Умеръ Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. Прахъ его изъ Одессы былъ перевезенъ въ Петербургъ. Похороны великаго артиста были обставлены такою выдающеюся торжественностью, что, пожалуй, приняли даже характеръ политическій. Во всякомъ случаѣ, это—одно изъ первыхъ въ русской интеллигенціи „выступленій на улицу“. Похороны Мартынова — знаменитое „шапки долой!“—до извѣстной степени, эра не только въ русскомъ театрѣ, но и въ русской общественности.

Дѣло, однако, не обошлось безъ протестовъ.

Сперва заворчала „Иллюстрація“ Зотова. Затѣмъ какой-то москвичъ Кузнецовъ взволновался:

— Велика почесть оказывается таланту *публичнаго шута и смѣхотворца* театральныхъ подмостковъ. Приличнѣе было бы такъ почтить память великаго полководца или служителя слова истины.

Великое негодованіе среди недовольныхъ возбуждало то обстоятельство, что прахъ Мартынова былъ

ЭР03159

перевезенъ изъ Одессы въ Петербургъ на средства, собранныя по общественной подпискѣ.

— Я знаю многихъ,—жалуется Кузнецовъ,—которые давали единственно отъ совѣсти, чтобы не прослыть между товарищами какимъ-нибудь *аскептикомъ*.

Разрозненные голоса всѣхъ подобныхъ „аскептиковъ“ совокупилъ въ букетъ и преподнесъ публикѣ, какъ не весьма благоуханную цѣльность, пресловутый В. И. Аскоченскій, редакторъ не менѣе пресловутой „Домашней Бесѣды“. Выписывая весь ходъ погребальной процессіи, онъ издѣвался надъ общимъ сочувствіемъ публики къ памяти любимаго художника. Особенно взбѣсили Аскоченскаго слова въ фельетонѣ „Спб. Вѣдомостей“:

— Здѣсь, вблизи тѣхъ зданій, въ которыхъ началась и выросла слава артиста, была пропѣта ему вѣчная память.

Аскоченскій восклицаетъ, возражая:

— Что жъ? Ничего! Вѣдь и театръ тоже храмъ... Таліи и Мельпомены!

— Мнѣ нечаянно привелось, — продолжаетъ Аскоченскій,—столкнуться съ этимъ тріумфаторскимъ шествіемъ. Когда процессія удалилась, шедшая рядомъ со мной какая-то старуха, перекрестясь, сказала со вздохомъ: „батюшка мой! каково же теперь душенькѣ-то! А что, родной“—продолжала она, обращаясь ко мнѣ:—*„передъ смертью то исповѣдывался онъ и пріобщался?*—„Не знаю, голубушка, не читалъ что-то“.—„О, охъ, охъ, охъ!“—говорила старуха, качая головою и уходя отъ меня.

Курочкинъ отвѣчалъ на эту грязную выходку стихами:

Толпою на погостъ Смоленскій
Остатки генія везли,
А на тріумфъ тотъ Аскоченскій
Глядѣлъ со злобою вдали.
Духъ мракобѣсья, духъ застоя
И въ оный часъ его смутилъ,

ЭР03159

И онъ, въ проулкѣ темномъ стоя,
Торговкѣ-бабѣ говорилъ:
— Смотри!—онъ рекъ: вотъ царство бѣса!
Но погоди, года пройдутъ,
И окаянный прахъ прогресса
Въ могилу также отнесутъ!
Прошла толпа. Порою слабо
Гулъ дальній вѣтеръ доносилъ,
Но все съ лоткомъ стояла баба,
Все Аскоченскій говорилъ.

Инцидентъ совпадаетъ тождественно съ истерическимъ скандаломъ, которымъ россійская правая пытается осквернить могилу прекрасной, преждевременно погибшей Вѣры Ѳедоровны,—до вопроса объ исповѣди включительно. Но нельзя не отдать справедливость: тонъ русскихъ „аскептиковъ“ въ 1860 году былъ куда-же приличнѣе и смирнѣе гама и воя, поднятаго „аскептиками“ нынѣшними. Оно и резонъ. Если бы ракъ, не переставая, ползъ 50 лѣтъ,—то-то бы—куда бы только!—онъ назадъ ушелъ!

* * *

Напоминаю скромный юбилей литературнаго произведенія, маленькаго, но популярнѣйшаго и, надо полагать, безсмертнаго, а именно—стихотворенія-притчи:

Течетъ въ полѣ рѣчка,
Черезъ рѣчку мостъ
На мосту овечка,
У овечки хвостъ.
Ѣдетъ городничій
Ѣдетъ, увидалъ...
Лошадей возничій
Тотчасъ придержалъ.
Течетъ въ полѣ рѣчка,
Черезъ рѣчку мостъ,
На мосту овечка...
Гдѣ жъ овечкинъ хвостъ?

Ему исполнилось 50 лѣтъ, такъ какъ напечатано впервые оно было въ „Искрѣ“ 1860 года, въ февралѣ.

ЭР03159

Немногимъ извѣстенъ авторъ этой шутки, приписываемой то Курочкину, то Козьмѣ Пруткову. Въ дѣйствительности, „Овечку“ сочинилъ Ѳедоръ Эмиліевичъ Ромеръ, впослѣдствіи весьма извѣстный писатель по сельскому хозяйству, а въ юности юмористъ и... жандармскій офицеръ! На старости же лѣтъ, послѣ двадцатипятилѣтняго строченія статей о фосфоритахъ, Ромеръ выпустилъ томикъ благоуханнѣйшей лирики, чуткой, какъ Фетъ, выработанной, какъ Майковъ.

Дивны дѣла Твои, Господи, но еще болѣе неисповѣдимы въ разнообразіи своемъ судьбы русскаго человѣка. Ромеръ умеръ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Умнѣйшій былъ человѣкъ. Если бы мнѣ сказали, что онъ изобрѣлъ аэропланъ, порохъ непромокаемый, perpetuum mobile, я нисколько не удивился бы: могъ! Но изобрѣлъ—только „Овечку“. За то—прочную.

Городничій давно уѣхалъ изъ Россіи въ вѣчность, но овечка, попрежнему, стоитъ на мосту, и съ вящею унылостью зіяетъ рана оторваннаго хвоста ея. И тщетно сенаторъ Гаринъ мечется отъ Вержболова до Владивостока, отъ Колы до Ѳеодосіи въ трагикомическихъ поискахъ:

— Гдѣ жъ овечкинъ хвостъ?

* * *

Разница во взглядѣ на актера у насъ и заграницей. Когда умерла Коммиссаржевская, я далъ ея некрологъ и характеристику большой итальянской газетѣ, въ которой работаю. Не напечатали.

— Почему?

— Да кому же это интересно?

— Замѣчательная артистка.

— Ну, и пусть ее.

Вокругъ могилы Коммиссаржевской разыгрался церковно-политическій скандалъ. Я далъ замѣтку той же газетѣ. Спѣшно напечатали и просили еще...

Нѣтъ, ужъ если быть актеромъ, все-таки, только въ Россіи!

* * *

ЭР03159

„Chantecler“ ѣдетъ по Италіи съ позорнѣйшимъ fiasco, проваливаясь изъ города въ городъ. Въ Санъ-Ремо публика не досидѣла послѣдняго акта, и занавѣсъ упалъ при опустѣломъ залѣ.

Въ Генуѣ острятъ:

— Для кого написаны эти люди, наряженные скотами?

— Для скотовъ, наряженныхъ людьми.

* * *

По поводу отлученія Гермогеномъ саратовскимъ всѣхъ, посѣщающихъ театры, я спрашивалъ итальянскихъ поповъ, какъ они смотрятъ на это дѣло. Очень заинтересовались и много смѣялись.

— У насъ подобное отлученіе пришлось бы начать съ монсиньора Мерри-дель-Валь.

Итальянскій священникъ не лишенъ права посѣщать театры, и сутана видна въ нихъ часто. Только въ четвергъ, если спектакль затягивается за полночь, духовные должны немедленно покинуть театръ, такъ какъ съ 12 часовъ ночи начинается постный день. Въ эпоху папъ-государей правило это строго соблюдалось въ Римѣ и для свѣтскихъ зрителей. Знаменитый Демидовъ Санъ-Донато поссорился съ Ватиканомъ и долженъ былъ покинуть Римъ и переселиться во Флоренцію изъ-за того, что затянулъ домашній спектакль и заставилъ нѣсколькихъ гостей-кардиналовъ прозѣвать роковое пришествіе пятницы.

* * *

Вчера я бродилъ по Форуму, въ компаніи очень милаго и ученаго англичанина, обуяннаго интересомъ къ императорскому Риму, почти въ той же степени, какъ я. Для людей, давно не бывавшихъ въ Римѣ, Foro Romano перемѣнилъ свою физіономію до неузнаваемости. Подъ покровительствомъ Гвидо Бачелли, умный, опытный, ученый, изобрѣтательный Бони изрылъ Форумъ, какъ кротъ, и изъ-подъ земли, слой за

ЭР03159

слоемъ, встало, за послѣдніе четыре года, столько исторіи, что я вполнѣ понимаю Модестова, завидовавшаго, зачѣмъ нѣтъ у насъ русской академіи въ Римѣ, какъ имѣютъ нѣмцы, французы, испанцы.

— Да,—сказалъ спутникъ мой англичанинъ, — Бачелли и Бони,—конечно, благодѣтели археологовъ, историковъ, туристовъ и поэтовъ. Но я не люблю, когда что-нибудь запаздываетъ. А эти раскопки запоздали, почти на столѣтіе. Имъ надо было начаться восемьдесятъ три года назадъ. Подумайте, что имѣли бы мы въ литературѣ, если бы „могилу Ромула“, „фонтанъ Югурты“, „храмъ Августа“, „Santa Maria Antica“ видѣлъ лордъ Байронъ!.. А онъ могъ видѣть, и раскопки могли начаться при немъ, раскопки en gros, какъ вы знаете...

— Совсѣмъ не знаю,—перебилъ я его съ удивленіемъ.—Большія научныя раскопки на Foro Romano въ эпоху лорда Байрона? Я знаю исторію Форума, и Орацію Марукки у меня всегда на столѣ... О чемъ вы говорите?

Англичанинъ уставился на меня съ небольшимъ удивленіемъ.

— Сразу видно, что вы русскій, — возразилъ онъ, нельзя сказать, чтобы очень лестнымъ тономъ.

— При чемъ это—что я русскій?

— При томъ, что вы, русскіе, очень хорошо знаете чужое прошлое и біографіи всѣхъ замѣчательныхъ людей, но не знаете исторіи „русскихъ идей“ и пренебрегаете ею... Организація правильныхъ раскопокъ на Foro Romano—русская идея. Неужели вы не вспоминаете?

— Впервые слышу.

— Вы, можетъ-быть, не знаете, что и лѣстница въ Капитоліи построена по проекту русскаго архитектора?

— То-есть—построена ли, нѣтъ ли, это подъ сомнѣніемъ, но, что русскій архитекторъ Баженовъ одержалъ побѣду на конкурсѣ проектовъ этой лѣстницы,

ЭР03159

знаю... Баженовъ былъ геній архитектуры. Не будь онъ русскимъ, его имя было бы извѣстно всемірно, какъ имя Браманте.

— Ваше „не будь онъ русскимъ“ — прелестно! И тѣмъ прелестнѣе, что искренно... Побѣда Баженова на конкурсѣ — историческій фактъ, а вы говорите: можетъ-быть, лѣстница его, а, можетъ-быть, и не его... Повѣрьте, что если бы какой-нибудь Смитъ или Джонсонъ не только побѣдилъ, но лишь участвовалъ бы въ этомъ конкурсѣ, то всѣ путеводители по Риму уже кричали бы въ одинъ голосъ, что лѣстница—его!.. А вы, русскіе, сами же первые готовы въ своемъ усомниться... И имени Баженова нѣтъ ни у Бедекера, ни у Тревеса!.. Курьезный вы народъ!

— Ну, милый Мальтенъ, оставимъ въ покоѣ нашъ національный характеръ, тѣмъ болѣе, что я отлично знаю, что вы то сами любите въ насъ, русскихъ, именно то, за что сейчасъ бранитесь: скептическій духъ и равнодушіе къ предкамъ, спасавшимъ Римъ... Лучше разскажите мнѣ о Foro Romano: какое отношеніе имѣетъ онъ къ Россіи?

Джонъ Мальтенъ отвѣчалъ:

— Очень курьезное. Исторія поучительна, и, какъ все русское, полна и величія, и фарса.

— Оставимъ въ покоѣ все русское... Разсказывайте безъ предисловій!

— Вамъ, конечно, извѣстно имя Демидова?

— Санъ-Донато? Еще бы!

— Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія этотъ русскій богачъ жилъ въ Римѣ. Палаццо Русполи до сихъ поръ связано съ его памятью. Человѣкъ онъ былъ щедрый, симпатичный, широкій филантропъ. Римъ его обожалъ. Онъ платилъ Риму взаимностью. Его завѣтнымъ желаніемъ было—оставить Риму по себѣ добрую, осязательную, вѣчную память. И вотъ онъ нашелъ для того идею, въ полномъ смыслѣ слова вдохновенную и полную величія: снять весь земляной пластъ, который въ то время покрывалъ Campo Vaccino, то-есть Форумъ

ЭР03159

отъ Капитолія до Арки Тита. Правительство папы Пія VII благосклонно согласилось на эту жертву,— тѣмъ болѣе, что Демидовъ думалъ пользоваться трудомъ каторжниковъ, недостатка въ которыхъ при папскомъ режимѣ не было, платя имъ по 25 сантимовъ въ день. Тогда деньги были дороже и поденщина эта казалась высокою — особенно, за каторжный трудъ, подневольный... Кромѣ того, Демидовъ законтрактовалъ огромныя артели мужиковъ изъ Абруццъ, платя имъ уже по 50 сантимовъ въ день .. Весь расходъ расчитанъ былъ на 200,000 франковъ, включая сюда предварительную работу, которую тогда считали необходимою: отводной каналъ, чтобы устранять дождевыя воды, мимо арки Janus Quadrifons, въ Cloaca Maxima... Кто же могъ подозрѣвать восемьдесятъ лѣтъ назадъ, что на двѣ сажени внизъ лежитъ цѣлая система стоковъ римской эпохи, работоспособныхъ до сихъ поръ, и что XX вѣкъ откроетъ античныя канализаціонныя жилы посильнѣе этой пресловутой Cloaca maxima...

— Не будемъ отвлекаться восторгами къ культурѣ античнаго Рима... Мы оба знаемъ, что, если Бони завтра откопаетъ электрическій фонарь, то и это насъ съ вами не слишкомъ много удивитъ. Но вы правы: идея Демидова была грандіозна, и надо лишь удивляться, почему она такъ прочно забыта... И какъ дешево! Теперь, съ вздорожавшимъ трудомъ, раскопки обходятся въ десять, даже двадцать разъ дороже...

— Весь Римъ зналъ о проектѣ Демидова и, понятно, былъ въ восторгѣ... И вдругъ — все пошло на смарку.

— Почему?

— По милости святого Ангела, святого Льва, французскаго ругательства и первой четверти часа въ ночь съ четверга на пятницу.

— Не понимаю!

— Говорю же вамъ: гдѣ русскіе, тамъ грандіозное и фарсъ должны нераздѣлимо переплетаться между собою. Этотъ Демидовъ выписалъ изъ Франціи труппу

ЭР03159

актеровъ, и они, въ его палаццо Русполи, повторяли весь водевильный репертуаръ театра Gymnase. Однажды на спектаклѣ присутствовалъ кардиналъ-викарій monsignore della Genga, намѣстникъ папы Пія VII въ званіи епископа римскаго. Заглянувъ въ афишу, кардиналъ увидалъ, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ носитъ фамилію Saint-Ange (святой Ангелъ). Кардиналъ поморщился. Святой Ангелъ оказался въ пьесѣ не весьма святого поведенія, да еще, въ заключеніе, и обругался:

— Pardieu!

Кардиналъ совсѣмъ нахмурился.

Папа Пій VII умеръ, и преемникомъ его былъ избранъ кардиналъ Аннибале-делла-Дженга, подъ именемъ Льва XII. Одною изъ первыхъ мѣръ его было нарядить строжайшій полицейскій надзоръ за Демидовымъ и его театромъ. Какъ на зло, въ одномъ изъ водевилей оказалось дѣйствующее лицо—Saint Léon. Скандалъ и запрещеніе ставитъ водевиль!.. Демидовъ оскорбился. А тутъ—новая бѣда: въ одинъ изъ четверговъ спектакль затянулся и перешелъ за полночь на четверть часа .. Этого было достаточно, чтобы на завтра же папская полиція, работавшая со всѣми пріемами и традиціями старинной доминиканской инквизиціи, обвинила Демидова ни больше, ни меньше, какъ... въ поруганіи имени Іисусова: онъ де осмѣлился не прекратить спектакль, когда уже начался день, въ который Спаситель испустилъ духъ свой на крестѣ!

— Значитъ, это была страстная пятница?

— О, нѣтъ, совсѣмъ обыкновенная. Озлобленный несносными придирками, Демидовъ махнулъ рукою на Римъ и переѣхалъ на житье во Флоренцію, которой благодѣтельствовалъ до конца дней своихъ. А тысячи римскихъ бѣдняковъ, жившихъ на его счетъ, лишились куска хлѣба... Вотъ, какія послѣдствія, восемьдесятъ лѣтъ назадъ, могли повлечь такіе пустяки, какъ имя Сенъ-Леонъ и лишняя четверть часа въ ночь съ четверга на пятницу!.. Вы улыбаетесь?

ЭР03159

— Я насчетъ восьмидесяти лѣтъ.

— А что?

— Разсказъ за разсказъ, анекдотъ за анекдотъ, фактъ за фактъ. Въ 1901 году въ петербургскомъ Александринскомъ театрѣ шла пьеса „Симфонія“ М. И. Чайковскаго, — брата композитора, которому вашъ Оксфордскій университетъ поднесъ докторскую степень honoris causa. Въ театрѣ присутствовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, покойный Д. С. Сипягинъ... Пьеса старая, уже лѣтъ десять треплется по сценамъ... Но почему-то именно въ этотъ разъ вниманіе министра было привлечено фамиліей его предшественника Горемыкина, часто — повторявшеюся на сценѣ... Вдобавокъ, оказалось, что фамилію носитъ субъектъ не изъ важныхъ... На завтра же завѣдующій репертуаромъ театра получилъ отношеніе: или снять пьесу со сцены, или переименовать имѣющееся въ ней дѣйствующее лицо съ министерскою фамиліей такъ, чтобы оно о бывшемъ министрѣ прозвищемъ своимъ отнюдь не напоминало.

— И?

— Переименовали... Теперь это дѣйствующее лицо называется въ афишахъ Горѣловымъ.

— Вы смѣетесь?

— Ничуть. Въ русскихъ газетахъ 1901 года былъ коротко отмѣченъ странный фактъ внезапнаго переименованія, а покойная „Россія“ пустила двѣ злыя статьи...

— А публика? А авторъ?

Я пожалъ плечами... Англичанинъ потупился... То-то! Есть еще порохъ въ русской пороховницѣ: западный рекордъ былъ побитъ.

* * *

Салтыковъ разсказывалъ о Кукольникѣ, что тотъ, когда кто-то изумлялся его необычайной приспособляемости ко всякаго рода знаніямъ, отвѣтствовалъ съ гордостью:

— Прикажутъ,—завтра же буду акушеромъ!

ЭР03159

Тургеневъ говорилъ, что, если русскому гимназисту дать на одну ночь карту звѣзднаго неба, то поутру онъ возвратитъ ее исправленною.

Этимъ остротамъ исполнились десятки лѣтъ, но никогда, быть-можетъ, не оправдывали онѣ себя съ большею показательностью и настойчивостью, чѣмъ въ настоящее время, когда Кукольникъ, вдохновенно готовый, по востребованію, завтра же стать акушеромъ, и гимназистъ, наитіемъ духа исправляющій астрономическія системы, расплодились въ количествѣ, воистину, чудовищномъ.

Д. И. Писаревъ говорилъ, что русскимъ ученымъ называется человѣкъ, которому въ руки попала хорошая и не совсѣмъ общеизвѣстная иностранная книжка.

Для нашего времени это опредѣленіе слишкомъ жестоко и потеряло справедливость для многихъ отраслей знанія, такъ какъ, съ писаревскихъ временъ, русская наука, точная, прикладная, экономическая, историческая, выросла исполински. Но наука наукѣ рознь, и контрафакція пополамъ съ плагіатомъ, которыми, по горькому попреку Писарева, создавались встарину научныя репутаціи, нашли себѣ, и при новомъ режимѣ знаній, не только укромные уголки, но и широкое покровительство и распространеніе. И это именно та дорога, по которой Кукольникъ завтра же выходитъ въ акушеры, а гимназистъ устремляется къ исправленію, впервые узрѣнной имъ, карты звѣзднаго неба. Балалайкинъ даетъ имъ краснорѣчіе, Хлестаковъ—легкость мысли необыкновенную, Тряпичкинъ—бойкость пера, а, какъ серьезная батарея, декоративный источникъ идей и показатель цѣлей, громоздко выдвигается впередъ Кіѳа Мокіевичъ, философически размышляющій о возможной толщинѣ скорлупы слоновьяго яйца на тотъ случай, если бы слоны изъ яицъ выводились.

Рецептъ сдѣлаться сейчасъ русскимъ философомъ,—философомъ-критикомъ или философомъ-публицистомъ,—необычайно легокъ. Для этого берутъ первое попавшееся подъ руку нѣмецкое, а то и переводное,

ЭР03159

сравнительно популярное и краткое изложеніе теорій Маха, Авенаріуса, Дицгена,—Ницше уже устарѣлъ, ибо сталъ слишкомъ извѣстенъ. Затѣмъ изложеніе переписываютъ, оставляя въ текстѣ большіе пробѣлы, этакъ, приблизительно, послѣ каждой страницы текста—страницы двѣ пробѣла. Когда рукопись готова, пробѣлы заполняются выписками или даже чаще вырѣзками изъ Достоевскаго и Льва Толстого. Если философъ ужъ очень нестерпимо ученъ, то и—изъ Владиміра Соловьева. Въ выпискахъ нѣкоторыя слова надо непремѣнно печатать курсивомъ, другія—въ разрядку, третьи снабжать notabene и даже подстрочными примѣчаніями: обращаю особое вниманіе читателя... Толстой здѣсь противорѣчитъ самому себѣ... Вотъ у насъ какъ! ...Ну, еще бы!... и т. п. Какія именно слова, выдѣлять,—неважно: нужна только пестрота шрифтовъ, свидѣтельствующая читателю, что вы мыслили широко и изучали глубоко. Затѣмъ выписки соединяются съ основнымъ текстомъ сцѣпляющими фразами, вродѣ:

„Превосходное отраженіе имманентныхъ императивовъ, о которыхъ только что шла рѣчь, мы находимъ въ „Преступленіи и Наказаніи“ Ѳ. М. Достоевскаго“.

Выписка въ двѣ страницы.

„Мысль эта несомнѣнно мучила великаго нашего писателя и преслѣдовала его неотвязно, такъ какъ и въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ онъ еще разъ возвращается къ развитію той же идеи“.

Выписка въ три страницы.

„Сопоставимъ теперь съ истерическими воплями писателя-страдальца буддійское спокойствіе Л. Н. Толстого въ „Аннѣ Карениной“:

Выписка въ три страницы.

„Извиняюсь предъ читателями за черезчуръ длинную цитату, но, безъ нея, невозможно было выяснить, какимъ образомъ, изъ сліянія Достоевскаго съ Толстымъ,

ЭР03159

выдѣлился отчаянный крикъ А. П. Чехова въ „Скучной исторіи“:

Выписка въ двѣ страницы.

„Вы слышали? Да! Тамъ, гдѣ раздаются подобные стоны, ясно, что человѣчество должно расколоться на двѣ половины. Одна пойдетъ за Максимомъ Горькимъ, вопія устами „Ѳомы Гордѣева“:

Выписка въ три страницы.

„Другая останется съ Леонидомъ Андреевымъ, въ застыломъ ужасѣ „Черныхъ Масокъ“:

Выписка въ три страницы.

„Такъ вотъ теперь, какъ, надѣюсь, удалось мнѣ доказать“—и пр., и пр., и пошла писать губернія! Благодареніе Господу,—самъ не замѣтилъ, какъ,—анъ листъ печатный уже и готовъ!

При наличности ножницъ, клея, бумаги и при нынѣшней дешевизнѣ подлежащихъ изрѣзанію и наклейкѣ полныхъ собраній сочиненій разныхъ авторовъ (одинъ Достоевскій кусается, за то его и меньше цитируютъ), листъ такого критико-философскаго сочиненія требуетъ времени, самое большее, часъ. Слѣдовательно, сутокъ въ трое,—при условіи восьмичасоваго труда,—легко составить книгу листовъ въ двадцать. Философъ же съ крѣпкою поясницею легко усидитъ подобное произведеніе и въ половинный срокъ. Предварительные расходы незначительны. Благодаря дешевымъ изданіямъ классиковъ Марксомъ и отказу Л. Н. Толстого отъ права авторской собственности, превращеніе русскаго обывателя въ критика-философа обходится сейчасъ, я думаю, не дороже 25 рублей.

Покуда трудъ печатается, о немъ усердно трубитъ пріятельская реклама. Какъ скоро онъ вышелъ въ свѣтъ, вокругъ него закипаетъ полемика. Это—тоже штука немудренаго рецепта. Х. переписываетъ изъ текста У. возможно большее количество страницъ и пересыпаетъ его восклицаніями:

ЭР03159

— И это говоритъ недавній марксистъ?!

— Мы отказываемся вести полемику противъ этихъ строкъ. Руки опускаются при зрѣлищѣ безцеремонности, съ какою г. У. передергиваетъ факты.

— Это или неумѣніе, или нежеланіе понимать по-русски.

— Мы сомнѣваемся, чтобы г. У. видѣлъ хотя бы обложку книги Маха.

— Такъ-то нынѣ фехтуетъ фразами г. У. Не то слышали мы отъ него въ 1905 году, когда и т. д., и т. д..

— Послѣ умопомрачительныхъ выводовъ, сдѣланныхъ г. У. изъ ясныхъ, какъ день, словъ Авенаріуса, мы можемъ дать почтенному автору одинъ совѣтъ: пройти курсъ леченія у хорошаго психіатра.

Г. У. конечно, въ свою очередь, отвѣчаетъ г. Х. на всѣ его любезности:

— Самъ дуракъ!

А публикѣ—занятно. Оно, видите-ли, какъ-будто и наука: стало быть, не пустяками занимаемся, не на ерунду праздную драгоцѣнное свое время тратимъ. А, съ другой стороны, точь въ точь—будто Поддубный съ Кара Ахметомъ сцѣпился, и—

Васька Кузьку
Въ зубы, въ губы
Хопъ-хопъ-хопъ!

Интересъ разгорается, когда въ составъ драки вмѣшивается какой-нибудь Амосъ Федоровичъ, который дошелъ своимъ умомъ до сотворенія міра, и, слѣдовательно, считаетъ себя спеціалистомъ по вопросамъ религіи. А въ зенитѣ спора является на сцену Лаевскій изъ чеховской „Дуэли“ и, захлебываясь и волнуясь, вопрошаетъ:

— Скажите, пожалуйста, что произойдетъ, если случить ослицу съ верблюдомъ? Правда ли, что у пауковъ самка послѣ оплодотворенія съѣдаетъ самца? А вотъ я однажды видѣлъ сонъ, что меня женятъ на лунѣ. А въ другой разъ, будто зовутъ меня въ полицію и приказываютъ мнѣ тамъ, чтобы я жилъ съ гитарою.

ДВГНБ

ЭР03159

Выплываетъ главный китъ русской критико-философской мысли: половой вопросъ, и за нимъ исчезаетъ все остальное. Этакъ—Вейнингеръ, такъ—Ведекиндъ. Обветшалый остовъ „Санина“. Гомосексуальное переливаніе изъ пустого въ порожнее. Книга Фореля, какъ послѣдняя мудрость буржуазнаго вѣка.

Въ одномъ старомъ анекдотѣ хозяйка „веселаго заведенія“ говоритъ бушующимъ гостямъ-студентамъ:

— Что вы шумите? Чи вамъ это университетъ? Это, слава Богу, публичный домъ, а не университетъ.

Боюсь, что аналогію такого же „слава Богу“ проходитъ сейчасъ и та, якобы научная, якобы критическая, якобы философская, русская мысль, что въ настоящее время ежедневно высыпаетъ на рынки десятки „взглядовъ и нѣчто“. Стянетъ Кукольникъ матеріалъ у нѣмца, сдобритъ цитатами, заправитъ соусомъ изъ отсебятныхъ парадоксовъ позабористѣе, *) чтобы довѣрчивому обонянію въ носъ шибали и отбивали сознаніе неожиданностью,—вотъ и готовъ новый ученый. А отъ моральной отвѣтственности въ ерундахъ своихъ спрячется либо за „эманацію божества“, либо за „тайну пола“, либо за то и другое въ сліяніи „Діониса“... И—хоть бы ужъ все это софистически-то, хоть жульнически-то, хоть балалайкински-то даровито было! А то, вѣдь, сплошь—сѣрая тягучесть, срединное безмыслiе, плоскій обывательскій говоръ безъ образовъ, съ чужою, мнимо-хлесткою, прокатною фразою вмѣсто идей. Нахрапъ—за убѣжденность, звукъ—за содержаніе. Самоувѣренность въ безотпорности малосвѣдущей публики какимъ угодно невѣжественнымъ силлогизмамъ и наглѣйшая, адвокатская распасовка въ нихъ, когда отпоръ, не ровенъ часъ, случится.

Только глубокое паденіе знаній въ интеллигенціи, только политическое одичаніе ея изъ класса образованныхъ въ классъ дипломированной, служилой бур-

*) Не только отъ того забора, который забираетъ, но весьма часто и отъ того забора, который загораживаетъ.

ЭР03159

жуазіи могло освободить въ русскомъ обществѣ просторъ для ученыхъ-Кукольниковъ и ихъ подложной науки. Это—огромное гніеніе сверху. Но—пусть гніетъ, обреченное гніенію! Могучіе корни снизу не дремлютъ. Свѣжіе быстрые ростки отъ нихъ спокойно и неутомимо прутъ вверхъ, и я еще своими глазами увидѣть надѣюсь, какъ оздоровятъ они великое древо. Великъ голодъ на знаніе въ русскомъ народѣ, и лебедою его насытить нельзя,—хлѣба онъ проситъ. Пора и надо, стало быть, хлѣбъ сѣять.

* * *

Сокровища современнаго русскаго философскаго языка:

„Комплексъ, оцѣниваемый максимально положительно только въ одномъ отношеніи, можетъ-быть названъ частичнымъ идеаломъ; такой, который оцѣнивается максимально положительно одновременно этически, эстетически и гигіопсически—resp. градіально въ различіяхъ гигіопсихически, можно назвать полнымъ идеаломъ, панидеаломъ".

„Согласно принципу совершенно константной эксклудаціи природы, художественному выбору доступна всегда лишь частичная инклудація типическихъ моментовъ".

„Убійство есть безборьбенное смертоносное варіированіе".

(Рудольфъ Гольцапфель. „Панидеалъ". Пер. В. Астрова).

Взяли за книгу полтора рубля.

Кажется, можно безборьбенно рѣшиться на константную эксклудацію ея изъ гигіопсихической библіотеки, градуально сожалѣя, что не удержалъ комплекса въ размѣрѣ 1 руб. 50 коп. resp. полутора цѣлковыхъ-съ!—въ частичной инклудаціи своего портмонэ.

* * *

Переводчикъ Оскаръ Норвежскій:

— Народы оріента.

ЭР03159

— Въ Персіи періодическая пресса появилась только благодаря ратованію шаха.

— „Кельнская Газета“ содержала собственныхъ эстафетовъ.

— Въ 1727 году въ Пруссіи образовались ордены кабинетовъ (?!), посредствомъ которыхъ были организованы интеллигентскіе листки.

— Ангальтинскій князь.

— Таксійская почта.

— Газета „Харивари“.

— Городъ Кюбекъ.

Это все изъ одной брошюры въ 153 страницы— „Тони Келенъ. Газета и журналъ“.

Ужъ очень хорошо г. Оскаръ Норвежскій иностранныя фамиліи читаетъ, особенно англійскія. Конгривъ у него Конгру, Уайзманъ—Виземанъ, Стиль—Штиле. Изъ французовъ звученъ Гипполитъ де-Вильмессантъ и совсѣмъ великолѣпенъ... нѣтъ, его надо, во вкусѣ В. М. Дорошевича, въ отдѣльную строчку выписать:

— Малекгербесъ!

Что-то ассиро-вавилонское — пахнетъ кирпичомъ и подобно клинообразной надписи. И—какъ подумаешь, что это всего только... Малербъ!

Любопытнѣе всего, что книжка г. Оскара Норвежскаго, по его увѣренію, составляетъ часть „Библіотеки интеллигента“... Ну, если у интеллигентовъ библіотеки изъ подобныхъ книгъ слагаются, тогда становится понятенъ полемическій успѣхъ „Вѣхъ“ и слабость отпора, который они получили.

Кажется, г. Оскаръ Норвежскій ранѣе издавалъ какой-то литературный календарь, въ которомъ разныя знаменитости повѣствовали поучительныя автобіографическія подробности, какіе кто штаны носитъ и кто какъ жену свою любитъ.

Издаетъ человѣкъ „Литературный Календарь“, издаетъ „Библіотеку интеллигента“. Очевидно, литераторъ и интеллигентъ... А, между тѣмъ, въ географіи у него— „городъ Кюбекъ“, въ исторіи—„Малекгербесъ“.

ЭР03159

Если русскій культурный прогрессъ продолжитъ шествіе свое тѣмъ же тріумфальнымъ ходомъ, какъ сейчасъ, то къ году этакъ 1915-му дождемся мы въ литературѣ типовъ и явленій истинно-твэновскихъ.

— Ваше имя?

— Адольфъ Испанскій.

— Занятіе?

— Литераторъ.

— Грамотны?

— Никакъ нѣтъ.

— Сторожъ! распишитесь за свидѣтеля... Можете итти.

* * *

Читаю въ одной петербургской газетѣ, что въ какомъ-то театрѣ возобновили *забытую* пьесу... „На днѣ“!!!

Не успѣлъ разсмѣяться, какъ вижу объявленіе: нѣкто читаетъ публичную лекцію о „Забытомъ Сатирикѣ“.

Кто бы такой былъ этотъ „забытый“ сатирикъ? Нарѣжный? Бутковъ? Сенковскій? „Новый поэтъ“? Чернокнижниковъ? Жулевъ?

Нѣтъ:

— Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, надворный совѣтникъ Николай Щедринъ.

Только и всего. Ни больше, ни меньше.

Это уже не смѣшно, это—страшно.

Хорошо же, значитъ, одичало общество, если у него отшибло память настолько, что оно „забыло“ такой свой вчерашній день, какъ „На днѣ“, и приходится открывать для него Щедрина, какъ нѣкую легендарную Америку!

Мнѣ говорятъ:

— При чемъ же общество? Просто—невѣжество рецензента и легкомысліе лектора.

Да невѣжественный рецензентъ и легкомысленный лекторъ—оба—не общество, что ли? Нѣтъ, если есть смѣлость—у невѣжества ли, у легкомыслія ли—говорить о такихъ забвеніяхъ, на столбцахъ ли газеты, съ публичной ли каѳедры,—очевидно, тутъ есть сознаніе

ЭР03159

извѣстнаго общественнаго засилья и нравственнаго права. Есть увѣренность, что то невѣжество и легкомысліе, которыя пишутъ въ газетахъ и говорятъ съ каѳедръ, знаютъ кое-что, все-таки, въ немножко большей мѣрѣ, чѣмъ-то невѣжество и легкомысліе, которыя читаютъ газеты и сидятъ въ аудиторіяхъ... Но и легко же, чортъ возьми, стало теперь въ Россіи быть ученымъ и лекторомъ! Особенно по литературно-критической и философской части.

* *
*

Перечиталъ довольно много перловъ русской сатиры—не той „забытой", но современной и преуспѣвающей... Многіе на нее нападаютъ, а иные и вовсе отрицаютъ ея существованіе. Имѣю потребность вступиться за русскихъ Свифтовъ и Гогартовъ негодующими стихами.

Кто говоритъ, что мы молчимъ?
На бичъ и жало мы не скупы!
„Вампукой" грянувъ, обличимъ,
Что всѣ либретто оперъ глупы.

Кто говоритъ: въ Россіи ночь,
И нѣтъ для смѣха горизонта?
Да—какъ угодно, такъ порочь
Не то, что Блока,—хоть Бальмонта!

Кто говоритъ, что нашъ таланъ—
Пѣть внѣ общественнаго спора?
Кому милѣе Модъ Алланъ,
Кому пріятнѣй Айседора.

Кто говоритъ, что, вмѣсто темъ,
Даны намъ скорбь и скрежетъ зубный,
Когда есть Уточкинъ—затѣмъ—
Андреевъ, Собиновъ, Поддубный?

Кто говоритъ, что пылъ свободъ
Погасъ во льду крутой цензуры?
Рисуй себѣ изъ года въ годъ
На Вяльцеву карикатуры!

Кто говоритъ, что бунтъ идей
Невѣдомъ нашимъ громкимъ ссорамъ?
Да мы готовы ѣсть людей
Въ бою „актера" съ „режиссеромъ"!

ЭР03159

Кто говоритъ, что нашъ азартъ
Утратилъ всѣ винты и штифты?
Еще ли Щербовъ не Гогартъ?
Рышковъ и Ходотовъ не Свифты?

Кто говоритъ: вы, безъ когтей,
Не въ силахъ наносить царапинъ!..
Хотя гораздъ играть чертей,
Израненъ нами самъ Шаляпинъ.

Кто говоритъ, что юморъ нашъ—
Какъ узникъ на тюремной баржѣ?
Бери, о, Линскій, карандашъ,
Рисуй на думскихъ гласныхъ шаржи!

* * *

Кстати о россійскомъ юморѣ.

Прочиталъ сейчасъ рецензію о пародіи на малороссійскій театръ, идущей въ Петербургѣ, подъ старымъ пигасовскимъ заглавіемъ „Грае, грае воропае“. Пародія, говорятъ, имѣетъ большой успѣхъ.

Въ рецензіи приводятся, дѣйствительно, смѣшные стихи. Между прочимъ:

„Типичный хохолъ г. Хенкинъ, играющій голодранца Проідісвіта и тянущій грознымъ былиннымъ голосомъ:

— Сиротына, сиротына—
Кажная штанына!

Такъ-съ!

„Авторовъ публика дружно вызывала“.

Неужели г. Буренинъ выходилъ?

По афишѣ, значится, что оперетку „підібравъ г. Рудій Нечіпайло и г. Л. И. Гебенъ“. Но пѣснь о штанинѣ—старинное произведеніе г. Буренина въ очень смѣшной пародіи, которая, кажется, тоже носила названіе „Грае, грае воропае“. Она относится ко времени перваго появленія въ Петербургѣ малороссійскаго театра. Дѣйствующими лицами въ ней, кромѣ обычныхъ персонажей малороссійскаго театра („Дівочка въ віночкѣ изъ барвіночка“ и пр.), являлись дідъ Дмитруне Мірдівцевъ и Павлуне Гайдебуровъ. Оба журналиста, нынѣ

ДВГНБ

ЭР03159

уже покойные, изображались рекламирующими, посредствомъ гопака, тоже покойную „Недѣлю“. Пародія заключалась, конечно, гопакомъ и хоромъ пожеланій, чтобы—

Гайдебуровъ Павлуне
На журнальномъ толкунѣ
Расторговывался этой
Идеальною газетой!..

Стихи были превосходно гладкіе и бойкіе и ложились въ память съ легкостью, свойственною всѣмъ остроумнымъ пустякамъ. Въ томъ числѣ, и думка о штанахъ:

Сиротына, сиротына
Кажная штанына!
Я на світи сиротына,
Якъ одна штанына!

Плаче.

А якъ гляну—обѣ пары,
Що оченьки мои кары...
Гопъ-гопъ! гопака!

Танцюе.

Въ виду столь несомнѣннаго сходства двухъ однородныхъ пародій, боюсь, что г. Рудій Нечіпайло, дѣйствительно, „підібравъ“ чужую, плохо лежавшую „кумидію, и есть не столько Нечіпайло, сколь Зачіпляйло, равно какъ и компаньонъ его оказывается совсѣмъ не Geben, а больше Nehmen.

Однако, что же это, господа?

„Вампука“—изъ Волконскаго.

„Грае, грае воропае“—изъ Буренина.

„Милые люди“ — сводъ остротъ покойнаго Скальковскаго.

Неужели у русскаго юмора нѣтъ средствъ сшить себѣ новое платье, что онъ съ такимъ усердіемъ пользуется обносками каламбуристовъ „Новаго Времени“? Попробовали бы, право, сочинить что-нибудь свое и новое. А то, вѣдь, въ старомъ-то и чужомъ найдется и такая эпиграмма:

ЭР03159

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мнѣ прискорбнѣй видѣть въ ней
Несчастье твоего разсудка
И счастье памяти твоей.

Да и неловко, кругомъ нехорошо. „Знай, паря, гдѣ воровать!“ А то—нѣтъ такой презрительной и ругательной клички, которой не прилѣпляла бы къ г. Буренину сатирическая и критическая полемика. „Буренинъ—фи! Буренинъ—грязь! Нельзя въ руки взять Буренина!“ Но, вотъ, понадобилось увеселительныхъ дѣлъ мастеру погуще сострить, и пошелъ онъ перелистывать старыя буренинскія книжки: не состритъ ли за него Алексисъ Жасминовъ? И, егда обрящетъ, возликуетъ и, возликуяй, стяжаетъ. И публика вызываетъ за буренинскія остроты, и онъ—ничего, выходитъ, кланяется... Кругомъ не хорошо!

* * *

Все цитируютъ. И все удачно.

№ 44 „Театра и Искусства“:

„Перомъ Пушкина водилъ, несомнѣнно, Ленскій, „поэтъ съ душою геттингенской“, когда онъ писалъ:

Порой надъ вымысломъ слезами обольюсь
И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ заря улыбкою прощальной.

Надежды эти, однако, были совершенно напрасны. Обливаясь слезами надъ вымысломъ, невозможно дождаться прощальной улыбки зари. Цѣлое столѣтіе Шиллеръ созвучно отзывался въ душахъ русскихъ интеллигентовъ, тоскующихъ по свободѣ и сходящихъ въ могилу, не получивъ отъ нея ни одной улыбки...“

Эффектно сказано и даже либерально, чортъ возьми,—только Пушкинъ-то тутъ при чемъ? Въ его элегіи ни о какой зарѣ нѣтъ ни единаго слова:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ л ю б о в ь улыбкою прощальной.

ЭР03159

Любовь, а не заря. Заря у Пушкина — такая, какъ указываетъ авторъ статьи о Шиллерѣ — совсѣмъ въ другихъ стихахъ. А элегія „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ — произведеніе лирики чисто-субъективной. Извѣстно, когда оно написано, подъ какими впечатлѣніями. Политика и соціальная мысль тутъ даже и близко не проходили.

Мораль:

— Когда строишь зданіе, изслѣдуй почву, предназначаемую подъ фундаментъ. Когда строишь доказательство на цитатѣ, провѣряй оную. Ибо непроченъ домъ, воздвигнутый на пескѣ, и терпитъ крушеніе силлогизмъ, ведомый отъ начальной ошибки.

* * *

NN, россійскій политическій разговорщикъ изъ модной нынѣ породы великихъ людей на маленькія дѣла, весьма самолюбивъ, съ обыкновенными смертными строгъ, любитъ почтеніе и преданность и терпѣть не можетъ фамильярности.

Недавно, въ спорѣ, кто-то изъ обыкновенныхъ смертныхъ позволилъ себѣ сказать ему:

— Товарищъ, вы говорите ерунду!

NN вскипѣлъ.

— Милостивый государь! Не угодно ли вамъ выражаться приличнѣе? Я съ вами вмѣстѣ свиней не пасъ!

— Вольно же вамъ—въ одиночку!

* * *

Останки усопшаго дня,
Проходятъ безцвѣтныя Горы
И, мѣрною мѣдью звеня,
Смыкаются тяжкіе створы,

Хранящіе тайну конца:
Безличія сонное море,
Гдѣ схожи, какъ два близнеца,
Утопшія радость и горе.

* * *

ЭР03159

Правильныя слова у Кугеля въ „Театрѣ и Искусствѣ“:

— Гдѣ нашимъ актерамъ наблюдать русскую жизнь? Живутъ они зиму въ Петербургѣ, а лѣтомъ, вмѣсто того, чтобы, подобно живописцамъ или писателямъ, ѣздить на этюды,—совершаютъ гастрольныя турнэ, и опять видятъ только свое, театральное—парикмахера, режиссера, антрепренера, Нила Стратоновича Дудукина изъ мѣстныхъ театраловъ, ну, иной разъ рецензента, писателя тамъ какого-нибудь—и только...

Кугель хвалитъ Аполлонскаго, который „отказывается упорно отъ чеховскихъ ролей—дяди Вани, Иванова и др., ссылаясь на то, что не понимаетъ ихъ. Его осуждаютъ за это, а по-моему это очень честно и откровенно съ его стороны, что отказывается отъ ролей, которыхъ не чувствуетъ. Но, вотъ, почему онъ ничего не дѣлаетъ для того, чтобы почувствовать? Почему не приближаетъ себя къ фокусу жизни, чтобы постичь ее? Почему Провъ Садовскій считалъ нужнымъ итти „въ народъ“, изучить его и потомъ изображать, а нынѣшніе именитые актеры считаютъ достаточнымъ „кабинетное изученіе роли“?

Все это совершенно вѣрно и основательно, только примѣръ выбранъ неудачно. Шумскій—такъ Но Провъ Садовскій былъ скорѣе живымъ отрицаніемъ сознательнаго наблюденія, чѣмъ образцомъ его...

— Провъ Михайловичъ!—говорили ему:—ну, когда ты типы свои создаешь? гдѣ ты ихъ берешь, какъ ты работаешь? Вѣдь, ты — если не въ театрѣ, такъ въ артистическомъ кружкѣ, а не въ кружкѣ, такъ въ трактирѣ.

Провъ Садовскій задумывался и отвѣчалъ:

— А, вотъ, бываетъ, въ трактирѣ-то кто-нибудь подсядетъ, я и посмотрю.

Относительно этой механической способности геніальныхъ актеровъ всасывать въ себя наблюденіе безсознательно или почти безсознательно слѣдовало бы хорошему, авторитетному психологу написать освѣщающій научный этюдъ. Въ высочайшей степени спо-

ЭР03159

собность эта замѣчается у Шаляпина, который, вообще, съ Провомъ Садовскимъ имѣетъ поразительно много общихъ чертъ и въ талантѣ, и въ характерѣ, и въ жизни. Если человѣкъ всталъ съ постели въ два три часа дня, скучающею тѣнью блуждаетъ по квартирѣ вплоть до спектакля, въ тревожныхъ заботахъ о голосѣ, въ полночь кончаетъ пѣть, а затѣмъ отдыхаетъ отъ артистическаго труда въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ—дома ли за чаемъ, въ ресторанѣ ли за виномъ, до пятаго часа утра—казалось бы, откуда тутъ взяться наблюденію? въ какомъ интервалѣ успѣваетъ оно угнѣздиться? А, между тѣмъ, Ѳедоръ—весь глубоко наблюденная, безошибочная почти, реальность. Эти геніальные актеры,—словно магнитъ, который вытягиваетъ изъ сора все затерянное въ немъ желѣзо,—напитываются наблюденіемъ, какъ-то сами не сознавая своего дѣйствія и, можетъ-быть, даже не подозрѣвая въ себѣ этой способности. Сознательная работа ихъ—въ комбинаціи наблюденія, а не въ накопленіи его. Этотъ же процессъ—тайна какая-то!

Въ „Масонахъ“ Писемскаго Провъ Садовскій изображенъ дважды.

— Въ этихъ же стѣнахъ (кофейной Печкина) сталъ появляться Провъ Михайловичъ Садовскій; онъ былъ въ то время совсѣмъ еще молодой и обыкновенно или игралъ на биліардѣ, или какъ-то очень умно слушалъ, когда разговарили другіе.

И—затѣмъ, какъ онъ въ той же кофейной разсказываетъ „Гамлета“ и „Наполеондера“.

„Какое-то очень умное слушаніе“—опять-таки, общая отличительная черта того стихійнаго типа актеровъ, о которыхъ я говорю. Шаляпинъ большой охотникъ поговорить, но въ болтовнѣ своей онъ не такъ высказывается, какъ въ молчаніи. Я не знаю человѣка, который бы умнѣе слушалъ, чѣмъ Шаляпинъ. Когда я вижу его слушающимъ чье-либо чтеніе, его вниманіе представляется мнѣ инстинктомъ подбора, который изъ летучихъ въ воздухѣ словъ все подходящее и настоя-

ЭР03159

щее высосетъ, а ненужное, лишнее отброситъ,—металлъ возьметъ, а породу отвалитъ. Многіе умѣютъ хорошо слушать: иные—даже страстнѣе, болѣе отзывчивы какъ-будто на звучащую мысль, болѣе пытливы къ слову, болѣе непосредственно воспринимаютъ чувство. Но Шаляпинъ слушаетъ именно, какъ слушала бы стихія: съ великою простотою бездонной глубины, которая одна про себя смекаетъ, что̀ въ ней, въ незримомъ, неощутимомъ самодовлѣніи, творится. Глядя, какъ слушаетъ Шаляпинъ, ярко понимаешь слова Бюффона, что геній есть высшая степень вниманія. И я не очень люблю, когда Шаляпинъ разсказываетъ вслѣдъ затѣмъ результаты своего слушанія, хотя это всегда любопытно, ново и красиво. Но всегда же чувствуется, что вынесъ онъ больше, чѣмъ въ состояніи выразить словомъ,—и въ подборѣ искусственныхъ фразъ, подъ желаніемъ сказать вѣско и значительно, затягивается, какъ вуалемъ, нѣчто гораздо глубочайшее и важнѣйшее, нѣчто такое, что надолго останется съ глаза на глазъ—между творческимъ инстинктомъ артиста и тѣмъ, что онъ выслушалъ. За то обожаю я, когда, вмѣсто критической рацеи Ѳедоръ Ивановичъ вдругъ уронитъ короткое словцо, которое такъ и вспыхнетъ молніей, такъ и освѣтитъ цѣликомъ и читанное, и читавшаго, и слушавшихъ, и самого Шаляпина... Удивительно мѣтко и страшно глубоко умѣетъ взять! Такъ—словно туча разсѣлась, блеснула горизонтомъ и опять въ цѣлину сомкнулась: прощупай-ка!

Слушать умно русскіе люди изъ народа, впрочемъ, вообще мастера. А хорошіе истовые купцы изъ старообрядцевъ—„стараго завѣта“ папаши—тѣ даже ужъ и слишкомъ. Если не слишкомъ ты твердъ и проченъ въ предметѣ своемъ, такъ—однимъ внемлющимъ молчаніемъ доймета и загонитъ въ такой нервный конфузъ, что и не глупый бы, казалось, человѣкъ, а вдругъ запутывается въ фактахъ, брендитъ въ выводахъ, ляпаетъ наобумъ Богъ знаетъ что и куда попало, наконецъ, даже начинаетъ врать... И тутъ-то погибель его.

ЭР03159

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ удивительно это, когда купецъ Самсоновъ ошалѣвшаго Митю слушаетъ.

* * *

Нехорошо перевелъ Бальмонтъ Лерберга. А, что всего страннѣе, безъ всякаго чутья къ тону „Ищеекъ“. Поэтическая красота и возвышенность языка отданы Лербергомъ самозащитѣ жизни противъ троекратнаго напора смерти, тогда какъ смерть у него—контрастъ грубой силы, приходящей въ мѣщанскихъ маскахъ, съ мѣщански лукавымъ нахрапомъ, съ мѣщанской ложью, съ мѣщанскимъ языкомъ. Между тѣмъ, у Бальмонта посланцы смерти изъясняются чуть не глаголомъ боговъ, коимъ писывалъ въ старину Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, а нынѣ усердствуетъ писать Вячеславъ Ивановъ. Въ „Вѣсахъ“ былъ чей-то, не помню, переводъ гораздо лучше, потому что проще,—рѣчью общечеловѣческою, а не лексикономъ поэтическихъ начетчиковъ, состязающихся, кто завернетъ словцо „позакомуристѣе“: онъ мнѣ—металлъ, а я ему—жупелъ, онъ мнѣ—изгребіе, а я ему—афедронъ!

* * *

Пора оставить пошлыя комедіи дуэльныхъ условій. Что это за дуэль—на двадцать шаговъ разстоянія? Я, за двадцать шаговъ, и противника то не различу. Стрѣляться, такъ стрѣляться: на пять шаговъ—и пали предъ собой, сколько влѣзетъ!

Но—стоя спинами другъ къ другу.

Пуля виноватаго найдетъ.

* * *

Одного литератора вызвали на дуэль.

— Благодарю васъ, я не пью,—отвѣчалъ литераторъ.

* * *

Шопенгауэръ говоритъ, что античный міръ выгодно отличался отъ современнаго невѣдѣніемъ двухъ золъ: сифилиса и дуэли. За вызовъ на дуэль онъ предлагалъ подвергать всѣхъ участниковъ публичной поркѣ.

ЭР03159

— Иной „человѣкъ чести“ предпочтетъ застрѣлиться!—возразили ему.

Философъ отвѣчалъ:

— Пусть такой дуракъ застрѣлитъ лучше самого себя, чѣмъ другого.

Успѣхи дуэльной эпидеміи въ Россіи, поистинѣ, колоссальны. Дня не проходитъ безъ того, чтобы газеты не принесли извѣстія о какихъ-либо шести синьорахъ, изъ коихъ двое стрѣляли другъ въ друга изъ пистолетовъ, а четверо смотрѣли на это превосходное занятіе, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей. Стрѣляются офицеры, чиновники, студенты, подбиратели рифмъ, члены Государственной Думы. Послѣднимъ-то ужъ въ особенности конфузно. Любопытно, по этому поводу, припомнить, какъ смотрѣли на парламентскую дуэль передовые русскіе люди шестидесятыхъ годовъ—строители новой гражданственности, шедшей дорогою реформъ Александра II къ идеалу парламентаризма, а потому, въ ту пору, особенно внимательной къ явленіямъ парламентской жизни на европейскомъ Западѣ. Въ „Искрѣ“ 1865 года—сатирическомъ журналѣ В. С. Курочкина и карикатуриста Степанова, имѣвшемъ справедливую, грозно заслуженную репутацію „русской общественной совѣсти“—я нашелъ въ № 27 прелюбопытную редакціонную статью — обзоръ иностранной политики, составленный въ формѣ „Разговоровъ нигилиста Базарова съ статскимъ совѣтникомъ Салатушкой“. Базаровъ общеизвѣстенъ, статскимъ совѣтникомъ Салатушкой подписывалъ нѣкоторые фельетоны свои, очень плохіе, къ слову сказать, знаменитый романистъ А. Ѳ. Писемскій, съ которымъ „Искра“, послѣ „Взбаломученнаго Моря“ и памфлетовъ „Никиты Безрылова“, воевала люто,—дѣло тоже дошло было до дуэли! Значительное мѣсто въ „разговорахъ“ удѣлено именно вопросу о парламентскихъ поединкахъ. Читатель найдетъ въ нихъ строки, которыя, 45 лѣтъ спустя, приходятся дуэлистамъ нынѣшняго политическаго дня, будто по Сенькѣ шапка, не только стороною логиче-

ЭР03159

скаго разсужденія противъ дуэли, но и фактическою: всѣ подробности—что полъ-вѣка назадъ въ Пруссіи, что сегодня въ Россіи—дословно схожи. Незапамятно давно умны люди, но столь же долго они глупы!

Такъ—вотъ:

— „Самую интересную новость составляетъ теперь скандалъ по поводу несостоявшейся дуэли между прусскимъ президентъ-министромъ Бисмаркомъ и депут. Фирховымъ*). Бисмаркъ недавно въ палатѣ депутатовъ, какъ истый юнкеръ, высказалъ свое замѣчаніе о докладѣ комиссіи, не обдумавъ хорошенько своихъ словъ, что съ нимъ бываетъ нерѣдко; — на это замѣчаніе депутатъ Фирховъ отвѣчалъ, что, если министръ читалъ докладъ комиссіи, то онъ не знаетъ, что и подумать о любви его къ истинѣ; т.-е. косвенно далъ понять министру, что онъ, г. министръ доклада комиссіи не прочелъ, иначе, такимъ образомъ, не взболтнулъ бы. Это взорвало Бисмарка. Я надѣюсь, сказалъ онъ, что заявленіе Фирхова въ томъ видѣ, какъ оно сдѣлано теперь, не явится въ стенографическомъ оттискѣ, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ дать мнѣ удовлетвореніе другого рода...

...Фирховъ, естественно, не согласился ни отказаться отъ своихъ словъ, ни сдѣлать требуемыя Бисмаркомъ измѣненія своей рѣчи въ стенографическомъ оттискѣ. Вслѣдствіе этого Бисмаркъ послалъ къ Фирхову своего родственника лейтенанта Путткаммера требовать, чтобы Фирховъ отказался отъ своихъ словъ, — въ противномъ случаѣ предложить ему дуэль. Фирховъ не согласился ни на то, ни на другое.

Салатушка. Какъ? Онъ не хочетъ драться? Послѣ этого я не могу имѣть къ нему никакого уваженія.

Базаровъ. А я напротивъ, г. Салатушка, никогда не могъ бы болѣе произносить имени его съ уваженіемъ, если бы онъ сдѣлалъ уступку юнкерскому донкихотствованію.

---

*) То есть Вирховымъ.

ЭР03159

Салатушка. Ну, г. Базаровъ, такія понятія о чести очень диковаты. Ха, ха, ха!

Базаровъ. Вы можете смѣяться, г. Салатушка, но понятіямъ и воззрѣніямъ, которыя высказываю я, сочувствуетъ то разумное общество, которое имѣетъ всѣ права смѣяться надъ глупцами, ставящими свою честь въ пистолетномъ выстрѣлѣ.

Салатушка. Ну, полно, будетъ объ этомъ.

Базаровъ. Нѣтъ, погодите, господинъ Салатушка, вы недослушали самой интересной части дѣла. Позвольте кончить. Въ юнкерскихъ кружкахъ сильно встревожились, чтобы Бисмаркъ, перлъ ихъ партіи, не былъ какъ-нибудь раненъ, а пожалуй и убитъ, и потому многіе изъ юнкеровъ, напрасно бременящихъ землю, вызвались драться вмѣсто Бисмарка. Слухъ этотъ дошелъ до берлинскихъ студентовъ и они сейчасъ же толпой кинулись къ Фирхову. Молодые люди сказали ему, что былъ бы вѣчный срамъ, если бы такая звѣзда на небосклонѣ науки исчезла по милости какого-нибудь юнкера и что они студенты, готовы за Фирхова драться со всякимъ, сколько бы ни нашлось желающихъ.

Салатушка. Вотъ такъ молодцы! Видно, что въ этихъ молодыхъ людяхъ сильны чувства чести.

Базаровъ. Ну, я смотрю на дѣло нѣсколько иначе. Студенты все дѣло приняли за одинъ изъ тѣхъ смѣшныхъ скандаловъ, которые, не къ чести нашего времени, и доселѣ еще нерѣдко повторяются въ германскихъ университетахъ, и этимъ самымъ произнесли самый жестокій судъ надъ вызовомъ Бисмарка.

Салатушка. Тѣмъ все дѣло и кончилось?

Базаровъ. Да, пока. Впрочемъ то несомнѣнно, что Фирховъ не будетъ стрѣляться съ Бисмаркомъ, и весь народъ рукоплещетъ ему за это. То и дѣло получаются имъ адресы, въ которыхъ заявляется полное сочувствіе къ его образу дѣйствій.

Отто фонъ-Бисмаркъ и Рудольфъ Вирховъ—огромные люди, какихъ еще не видывали стѣны Таврическаго дворца. За то дуэлей, и въ завершеніи, и въ

ЭР03159

зачаткахъ, онѣ уже успѣли породить предостаточно. И при каждой повторялось, что выступали печатно либо лично добровольцы-замѣстители,— этакіе Митьки изъ „Князя Серебрянаго“ на современный ладъ, воображающіе, будто они поступаютъ необыкновенно геройски и великодушно, давая возможность политическому человѣку благословить ихъ на самую пошлую и фальшивую трагикомедію, какая только дожила до насъ изъ средневѣковья, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и расписаться подъ этою пошлостью и фальшью, какъ подъ властнымъ и признаннымъ закономъ. Господа думскіе драчуны все забываютъ, что они—уже не личности, а фокусы коллектива. Ужъ если беретъ задоръ драться, сложи съ себя представительство, дай пославшему тебя коллективу другой фокусъ, тогда и дерись en privé, какъ частный человѣкъ. До тѣхъ же поръ, покуда ты, Ивановъ, не Ивановъ просто, но Ивановъ-Вознесенскъ, а ты, Сидоровъ, не Сидоровъ, но Стерлитамакъ или Царевококшайскъ, не имѣете вы права на дуэль, ибо на объявленіе войны, холоднымъ ли, огнестрѣльнымъ ли оружіемъ, Ивановъ-Вознесенскъ не давалъ Иванову полномочій противъ Стерлитамака, а Стерлитамакъ— Сидорову противъ Иванова-Вознесенска.

* * *

„Русское Богатство“ обличаетъ русскую критику-модернъ въ курьезномъ приключеніи, свидѣтельствующемъ о глубокой проницательности и тонкости литературнаго чутья „рецензентскаго цеха мастеровъ“.

Вышла въ свѣтъ книжка стиховъ В. Д. Ахшарумова. Ее не замедлили высмѣять, какъ первый трудъ „начинающаго“ автора:

— Что за риѳмы! какое банальное содержаніе! Какъ будто 40—50 лѣтъ назадъ писались эти примитивные стихи!

„Русское Богатство“ сообщаетъ „строгимъ рецензентамъ“, что „Владиміръ Дмитріевичъ Ахшарумовъ отнюдь не начинающій, а одинъ изъ старѣйшихъ

ЭР03159

русскихъ поэтовъ, родившійся еще въ 1824 году и печатавшій свои стихотворенія, дѣйствительно, полвѣка тому назадъ". Онъ—младшій братъ романиста Н. Д. Ахшарумова и петрашевца Д. Д. Ахшарумова. Въ настоящее время ему 85 лѣтъ.

Я не читалъ всѣхъ стиховъ В. Д. Ахшарумова, но уже „Сонъ", цѣликомъ приведенный въ „Русскомъ Богатствѣ", настолько ярко и выразительно полонъ школою и эпохою пятидесятыхъ годовъ, что заблудиться въ оцѣнкѣ подобнаго произведенія и приписать его начинающему современному поэту могло лишь глубочайшее историческое невѣжество, въ союзѣ съ полнымъ отсутствіемъ литературнаго нюха.

Ахшарумовъ, послѣ блестящихъ дебютовъ, промолчалъ 50 лѣтъ. На-дняхъ сошелъ въ могилу, едва отмѣченную въ газетахъ нѣсколькими строками петита, другой поэтъ того времени и, пожалуй, той же судьбы: Платонъ Кусковъ. Увидавъ его крохотный некрологъ въ „Од. Нов.", я едва глазамъ повѣрилъ:

— Да неужели тотъ? неужели старикъ жилъ до сихъ поръ?

Столь прочно и безвозвратно былъ забытъ заживо писатель, первыми начинаніями своими возбуждавшій надежды, что вотъ—явился чуть ли не новый Лермонтовъ. Справку по журналамъ и литературѣ сдѣлать о Кусковѣ нетрудно, но—по непосредственной памяти—сознаюсь—отъ всего Кускова только и звучитъ еще въ ушахъ:

Веста! Веста! Пощади же
Сонъ весталки Герміоны...

Да рядъ веселыхъ пародій, прекратившихъ въ шестидесятыхъ годахъ поэтическое существованіе Кускова и Случевскаго.

Habent sua fata poetae. Почему-то иногда имъ случается сорваться съ Парнаса и сломать себѣ ногу, а то и шею, на камнѣ столь странныхъ преткновеній, что удивленное потомство читаетъ и едва вѣритъ:

ИВГНБ

ЭР03159

— Угораздило же! Какъ? За что?

Случевскаго погубили стихотворенія „На кладбищѣ“ (Я лежу себѣ на гробовой плитѣ), „Ходитъ вѣтеръ, избочась“ и „Мемфисскій жрецъ“, вызвавшіе тучи пародій — часто смѣшныхъ, дѣйствительно, до убійственности. Онъ промолчалъ лѣтъ двадцать прежде, чѣмъ нашелъ въ себѣ мужества для вторичнаго, уже старческаго дебюта.

Поэтическую гибель Кускова сплели его стихотворенія о комарахъ и мухахъ. А въ особенности:

Комары да мухи
Все меня кусаютъ,
Мошки да букашки
Жизнь мнѣ отравляютъ.
Съ ними биться стыдно:
Не увидишь глазомъ.
Надо перевесть ихъ,
Какъ-нибудь всѣхъ разомъ.
А взгляну спокойно,
Такъ для нихъ живу я,
И, о нихъ все мыслю,
И для нихъ пишу я.
Есть надежда въ сердцѣ
Сдѣлать ихъ побольше.
Долго ихъ терпѣлъ я,
Потерплю и больше.

Зубоскалы шестидесятыхъ годовъ вывели изъ этого стихотворенія отнюдь не „философію коллективизма“, коею признало бы его напитанное наше время, но, просто,—будто бы Кусковъ намѣревается создать какую-то особо крупную породу комаровъ и мухъ и, для выкормки ея, рѣшилъ предать себя всякому воздушному гнусу на съѣденіе. Ну, и—конечно: погибъ поэтъ. О чемъ бы онъ ни запѣвалъ, ему смѣшливо возражали:

Комары давно запѣли,—
Какъ же вамъ не пѣть?

Такое было время!

Лишь въ концѣ восьмидесятыхъ, а то и въ началѣ девяностыхъ годовъ, Кусковъ опять ожилъ съ книж-

ЭР03159

кою стихотвореній и какимъ-то философскимъ трудомъ... Но это уже былъ — „призракъ! призракъ! старосвѣтскій, страшный призракъ!“

* * *

Умерла Чюмина. Въ послѣдніе годы, послѣ „свободъ“, она пріобрѣла широкую извѣстность эпиграмматическими набросками, часто удачными, помѣщавшимися въ кадетской печати, за подписью Бой-Котъ.

Лирика Чюминой блѣдновата. Она слишкомъ много переводила и подражала, чтобы сохранить оригинальность. Стихъ ея всегда—отзвукъ, эхо, перепѣвъ. Но перепѣвъ красивый, звонкій, симпатичный.

Гейне, — притомъ Гейне позднѣйшій, изъ Romanzero,— Алексѣй Толстой и, отчасти, Некрасовъ наложили печать свою на оригинальныя стихотворенія Чюминой. Уже изъ этого выбора вліяній видно, что она была преимущественно поэтессою красиваго слова, звонко обращеннаго къ массамъ, а не интимныхъ изліяній. У меня нѣтъ позднѣйшихъ стихотвореній Чюминой. Первый томъ, относящійся къ концу восьмидесятыхъ годовъ, очень выразителенъ въ сказанномъ отношеніи. Онъ носитъ слѣды не только трехъ названныхъ поэтовъ, но, пожалуй, даже и Минаева, и „стараго“ Буренина, когда онъ былъ еще юнымъ Владиміромъ Монументовымъ. Извѣстная „Сказка“ Чюминой—непосредственное отраженіе монументовскаго тона и любимаго размѣра, которые, въ свою очередь, Монументовъ искусно заимствовалъ изъ „Германіи“ Гейне.

Переводила Чюмина вообще хорошо, а многое—совсѣмъ художественно. Любимцами ея были французскіе парнасцы, съ ихъ полугражданскимъ стихотворствомъ, умѣреннымъ романтизмомъ и сантиментально-буржуазнымъ протестомъ. Франсуа Коппе и Сюлли Прюдомъ обязаны Чюминой очень красивыми русскими передачами. Успѣхъ извѣстной драматической поэмки Ф. Коппе „Le Passant“ и комедіи Т. де-Банвиля „Сократъ и его жена“, повсемѣстный на рус-

ЭР03159

скихъ сценахъ,—до того, что обѣ эти пьесы обратились уже въ классическія, пробныя, школьныя, вырабатывающія дебютантовъ, — въ значительной степени созданъ блестящимъ звонкимъ стихомъ Чюминой и ея красивымъ, мѣткимъ языкомъ.

Оригинальныя поэмы Чюминой—русскіе сколки все тѣхъ же французскихъ образцовъ, которыми она увлекалась. Идея всегда гуманная, исполненіе всегда разсудочное, — все удобочитаемо, но „поэзіи Божіею милостью“ нѣтъ: пылкость реторична, а теплота сентиментальна. На трибунѣ стихотворнаго фельетона Чюмина нашла свое настоящее мѣсто. Она была въ послѣдніе годы жизни нашимъ маленькимъ Гофманомъ фонъ-Фаллерслябенъ, — и это ея главная литературная заслуга. Въ исторіи культурнаго перелома, ознаменовавшаго начало русскаго двадцатаго вѣка, имя Чюминой не пропадетъ безслѣдно, и память ея будетъ почтена.

* * *

Пишутъ мнѣ изъ Петербурга:

— На-дняхъ умеръ Башкинъ, симпатичный поэтъ, 28 лѣтъ. Когда пришли бабы обмыть тѣло, то не оказалось дровъ, чтобы согрѣть воду.

* * *

Похоронилъ Башкина Арцыбашевъ.

— Арцыбашевъ быстро собралъ 400 р. Затѣмъ написалъ некрологъ для „Журнала для всѣхъ“ и назначилъ по 2 руб. за строку, а деньги семьѣ Башкина.

Не только хорошо, но по нынѣшнимъ литературнымъ нравамъ даже и не совсѣмъ обыкновенно. Про такія извѣстія надо говорить языкомъ блаженной памяти Лежнева: „Точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую склянку съ духами“.

А, вѣдь, „Санинъ“-то, пожалуй, не поступилъ бы такъ?—Нѣтъ!

То-то! „Кроткаго слабѣй жестокій“, и всегда рус-

ЭР03159

скій писатель лучше того, чѣмъ онъ желаетъ ошарашить вселенную, и чего, ради этой завидной цѣли, навообразитъ и надекламируетъ „отъ себя“.

* * *

Романсъ.

Мнѣ все равно, чьимъ стилемъ наслаждаться:
Я къ ерундѣ привыкъ уже давно!—
Волошинъ, Эллисъ, можетъ статься...
Мнѣ все равно! все равно!
Мнѣ все равно, гдѣ Блоки заведутся,
Гдѣ Ауслендеръ пишетъ мудрено...
Пускай Чуковскіе смѣются!..
Мнѣ все равно! все равно!
Мнѣ все равно, кому „Вѣсы“ отрада.
Кому милѣй московское „Руно“...
Скончались оба? И не надо!
Мнѣ все равно! все равно!

* * *

Вотъ ужъ никакъ не думалъ я, что придется мнѣ когда-нибудь выступить въ печати защитникомъ россійской государственной полиціи. Между тѣмъ — приходится. Того требуютъ долгъ и справедливость. Не хочу, чтобы и полиція терпѣла изъ-за меня напраслину и подвергалась клеветамъ.

Въ „Одесскихъ Новостяхъ“ и „Кіевской Мысли“ были переданы телеграммами негодованіе петербургскаго „Свѣта“ противъ московской полиціи за то, что она не арестовала меня, когда я „побилъ рекордъ нахальства политическихъ преступниковъ“ — „явился въ Москву и присутствовалъ на чтеніи новой пьесы другого молодца изъ той же шайки, Леонида Андреева“.

Мораль:

— „Удивляться ли послѣ этого побѣгамъ Гершуни, Хрусталева и другихъ, при такой бдительности надзора даже въ первопрестольной столицѣ?“

Не знаю, надо ли удивляться побѣгамъ Гершуни, Хрусталева и другихъ, но думаю, что даже самый

ЭР03159

бдительный надзоръ не въ состояніи помѣшать мнѣ бывать въ первопрестольной столицѣ такъ, какъ я бываю въ ней — не только на чтеніи пьесы г. Андреева, но каждый день, а, пожалуй, и каждый часъ. То-есть — мысленно.

Тѣлесно я былъ въ Москвѣ въ послѣдній разъ проѣздомъ 1 мая 1904 года, когда фонъ-Плеве отправилъ меня изъ Петербурга обратно въ Вологду за статью въ защиту студентовъ горнаго института отъ административной энергіи директора Д. П. Коновалова.

Въ Россіи я былъ тѣлесно въ послѣдній разъ въ декабрѣ 1905 года и уѣхалъ въ началѣ января 1906 года.

„Свѣтъ“ — газета столь серьезная и освѣдомленная, что мнѣ и въ голову не приходитъ отрицать, что ея московскій освѣдомитель, дѣйствительно, видѣлъ меня на чтеніи „Анатэмы“. Но это былъ, все-таки, не я, но лишь мое астральное тѣло. Въ то время, какъ я себѣ сижу и не рипаюсь въ Италіи, астральное тѣло мое, повидимому, шаловливо удираетъ, чтобы, въ кругу артистовъ московскаго Художественнаго театра, слушать ихъ сезонныя пьесы. Очень завидую своему астральному тѣлу, хотя и удивляюсь его вкусу къ „Анатэмѣ“. Я, на его мѣстѣ, постарался бы прослушать что-нибудь болѣе зрѣлое и содержательное.

Очевидно, мое астральное тѣло продѣлываетъ подобныя прогулки часто, потому что въ прошломъ году меня дважды „видѣли“ въ Москвѣ — только, къ сожалѣнію, не при столь веселой обстановкѣ, какъ пишетъ „Свѣтъ“, а при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ, какія отемняютъ жизнь человѣка: при потерѣ ближайшихъ мнѣ людей — на похоронахъ дяди моего Александра Ивановича Чупрова и отца моего Валентина Николаевича Амфитеатрова.

Кстати сказать: охота „Свѣта“ за моимъ астральнымъ тѣломъ нѣсколько объясняетъ любопытный случай, о которомъ родные писали мнѣ изъ Москвы. Когда прахъ отца моего, среди всеобщихъ рыданій, опускали

ЭР03159

въ могилу, въ тотъ самый моментъ къ одной изъ плачущихъ дамъ, близкой къ нашей фамиліи, подскочило „гороховое пальто“ и вопросило врасплохъ съ дружески-озабоченнымъ видомъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ стоитъ Александръ Валентиновичъ?

Дама отвѣчала:

— Отойдите отъ меня, гнусный сыщикъ.

До сихъ поръ я почиталъ отвѣтъ ея правильнымъ. Но теперь сомнѣваюсь, былъ ли этотъ надмогильный психологъ — „гнусный сыщикъ“? Не освѣдомитель ли „Свѣта“, съ двойнымъ зрѣніемъ, упрекающій московскую полицію за то, что она не хватаетъ за шиворотъ астральныя тѣла?

Мои домашніе, какъ „историческіе матеріалисты“, плохо вѣрятъ въ астральныя тѣла и потому говорятъ:

— Да ужъ не принимаютъ ли тамъ кого-нибудь за тебя?

Но кого же возможно принять за меня въ московскомъ Художественномъ театрѣ? Г. Москвина что ли? Или М. П. Лилину?

За симъ считаю свою задачу оконченною, а московскую полицію оправданною. Она въ отсутствіи бдительности по моему адресу неповинна, а „Свѣтъ“ — клеветникъ съ черезчуръ большими претензіями: нигдѣ въ мірѣ не налагается на полицію неисполнимой обязанности—усматривать и улавливать астральныя тѣла. Тѣмъ болѣе, что тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ эту способность, врачи считаютъ галлюцинатами и, обыкновенно, съ развитіемъ болѣзни, должны бываютъ помѣщать несчастныхъ въ дома для умалишенныхъ.

Словно мало московская полиція терпитъ невзгодъ отъ сенатора Гарина,—и ты, „Свѣтъ“, противъ нея!

Хотя „Свѣтъ“ и считаетъ меня и Л. Н. Андреева „молодцами изъ одной шайки“, но послѣднія произведенія моего предполагаемаго соразбойника меня совсѣмъ не восхищали. Однако, сегодня я впервые чувствую себя въ состояніи отнестись съ мягкостью къ андреевской „Тьмѣ“ и понять девизъ ея:

ЭР03159

— Загасимъ огни и полѣземъ въ тьму!

Отъ этакаго „Свѣта“ именно въ „Тьму“ полѣзешь.

Какъ бы то ни было, „Свѣтъ“ можетъ хвалиться побѣдою: онъ смутилъ меня сомнѣніями. Сижу и ощупываю себя: я или не я? Что-то изъ „Чернаго монаха“.

Престранное первое ощущеніе — чувствовать себя привидѣніемъ.

Погодите! Какъ привыкну къ роли, да войду во вкусъ, да примусь являться... Го-го-го-го го! Вотъ то будетъ штука!

* * *

Получаю кое отъ кого письма съ предложеніемъ высказаться о приключеніяхъ,—какъ же это назвать иначе?—архимандрита Михаила...

Что же тутъ много „высказываться“? Дѣло простое и короткое. Жаль идеалиста и энтузіаста, безнадежно и ненужно пытавшагося влить новое вино въ старые мѣхи, но онъ зналъ, что предъ нимъ рискъ врядъ ли даже одного шанса противъ девяноста девяти,—слѣдовательно, можно сожалѣть объ ошибкѣ его провала, но не удивляться послѣднему, ни негодовать на провалъ. О. Михаилъ понималъ, куда и къ кому примыкаетъ, и получилъ не неожиданное, но именно то единственное, на что слѣдовало расчитывать. Все иное было бы чудомъ—переворотомъ по щучьему велѣнью, по нашему хотѣнью, отмѣняющимъ всю исторію и бытовой складъ старой вѣры. Такого на свѣтѣ не бываетъ!

Либо Дарвинъ, либо Аввакумъ. Либо Геккель, либо боярыня Морозова. А смѣшивать два эти ремесла значитъ обманывать себя и,—я то этого не скажу, потому что знаю, что о. Михаилъ хорошій человѣкъ, стремящійся найти духовное благо для ближнихъ своихъ,—но сотни тысячъ людей, судящихъ по видимости, прибавятъ: и морочитъ публику.

О. Михаила изгнало изъ среды своей духовенство въ камилавкахъ и рясахъ. Зачѣмъ было ему лѣзть въ

ЭР03159

среду духовенства въ кафтыряхъ и манатейкахъ? Духовенство—всюду духовенство. Духовенства разныхъ исповѣданій могутъ смертельно враждовать между собою, но принципъ ихъ отношенія къ внѣшнему міру всюду одинъ и тотъ же: непоколебимая война за каждый гвоздикъ въ устояхъ своихъ противъ познавательной и просвѣтительной энергіи прогресса.

Года два тому назадъ извѣстный итальянскій романистъ Антоніо Фогаццаро, ревностный католикъ, основалъ въ Туринѣ нѣчто вродѣ научно-теологической академіи, съ благочестивою мыслью, что лекторы ея сумѣютъ успокоить религіозную смуту, вносимую въ правовѣрные умы разладомъ католической доктрины съ современною философіей, а, главное, съ естествознаніемъ. Подобралъ въ товарищи очень талантливыхъ людей изъ вѣрующей интеллигенціи и передового духовенства. Казалось бы, съ нашей, не церковной, точки зрѣнія, Ватикану слѣдовало торжествовать, — ихняго полка прибыло, да еще какъ талантливо и популярно прибыло!.. Не тутъ-то было. Ватиканъ отвѣчалъ строжайшимъ выговоромъ двумъ кардиналамъ, посѣтившимъ открытіе академіи, а литераторовъ—основателей Фогаццаро и Паоло Джакоза объявилъ мятежниками противъ церкви, призвалъ ихъ къ покаянію и книгу Фогаццаро „Il Santo“ включилъ въ index librorum prohibitorum, чему Фогаццаро со смиреніемъ подчинился.

У насъ въ Россіи духовенство, низведенное Петромъ на положеніе служебное государственности, не смогло овладѣть свѣтскою наукою и утвердить, подъ видомъ ея, свои доктрины въ неотмѣнимую непогрѣшимость. Но тамъ, гдѣ оно успѣло осуществить захваты эти, въ нѣкоторыхъ, далеко не захолустныхъ, уголкахъ Запада, оно до сихъ поръ не уступаетъ двадцатому вѣку ни пяди изъ позицій, занятыхъ въ вѣкѣ пятнадцатомъ. Изумительное въ этомъ отношеніи явленіе представляютъ бельгійскіе католическіе университеты. Въ Брюсселѣ, въ новомъ великолѣпномъ зданіи судебныхъ уста-

ЭР03159

новленій, въ громадномъ вестибюлѣ, полъ расчерченъ какими-то геометрическими фигурами.

— Что это?

— Осталось отъ публичныхъ опытовъ съ маятникомъ. Здѣсь дѣлались грандіозные опыты, доказывающіе, что земля вращается вокругъ солнца.

— Зачѣмъ же вамъ такіе публичные опыты понадобились?

— Затѣмъ, что намъ приходится бороться съ вліяніемъ католическихъ университетовъ, которые до сихъ поръ полемизируютъ съ Коперникомъ и Галилеемъ.

Равно какъ съ Андреа Везеліо. Трудно русскому уму даже и вообразить, но въ Бельгіи не рѣдкость встрѣтить врача-клерикала, который никогда не вонзалъ анатомическаго ножа въ „святыню“ человѣческаго трупа, и анатомію изучалъ только по моделямъ, а сравнительную—по вскрытіямъ животныхъ. И это—рядомъ съ блистательными высшими школами Брюсселя! Каѳедра Эмиля Вандервельде въ брюссельскомъ университетѣ всего въ часѣ разстоянія отъ каѳедръ, съ которыхъ Pater Extaticus, Pater Profundus, Pater Seraphicus, Doctor Marianus—стая черныхъ рясъ—еще проповѣдуютъ, какъ послѣднее слово науки, физику и химію Альберта Великаго и философію Бонавентуры.

Почему Нижнему-Новгороду, быть умнѣе, то-есть слабѣе, въ упрямой выдержкѣ Ватикана и Лудена? Михаилу Нижній-Новгородъ не простилъ какъ разъ того же, чего Ватиканъ—Антоніо Фогаццаро.

— Позвольте переставить васъ...

— Я не двигаюсь. Меня нельзя переставить.

— Но начала новой науки?

— Не существуетъ никакой новой науки. Единая наука—я.

— Но, вотъ, книги...

— Ты не смѣешь даже ихъ читать.

— Но я—для васъ же стараюсь.

— Я альфа и омега міра. Ни въ комъ не нуждаюсь. Твоя помощь—грѣхъ.

ЭР03159

— Однако, вы видимо слабѣете...

— Отойди отъ меня. Ты еретикъ.

Михаилъ отлично зналъ, что такъ будетъ, что иначе не можетъ быть, однако, рискнулъ — поставилъ себя въ двусмысленное положеніе, „сунулся“, съ позволенія сказать, и разбилъ о непоколебимую стѣну лобъ, который годился бы на кое-что полезнѣе. Искренности съ обѣихъ сторонъ не было. Михаилъ, отвергнувшій „а“ офиціальной церкви, не могъ убѣжденно принять „бе“ ея старовѣрческаго варіанта. Старообрядческая среда не могла повѣрить, чтобы человѣкъ, изучавшій Дарвина и Геккеля, годился въ ея епископы— могъ честно присягнуть „Физіологу“ Василія Великаго, семидневному творенію и чуть ли не тремъ китамъ земнымъ и Алатырь-камню Книги Голубиной. Сталобыть, вся эта духовная сдѣлка сводилась къ взаимному самообману по соглашенію, къ компромиссу суевѣрія съ невѣріемъ, терпимому постольку, поскольку старообрядцы нуждаются въ епископѣ, а Михаилъ— въ епископіи. Но даже въ гораздо болѣе темные и черные дни для себя, когда епископы старообрядчеству, дѣйствительно, нужны были до зарѣза, когда искать рукоположенія напрасно ходили депутаты поповщины не только въ Константинополь, Румынію, Іерусалимъ, но даже снаряжали экспедиціи къ фантастическимъ Бѣлымъ Водамъ и въ „землю Опоньскую“— даже и тогда, на этакомъ-то безрыбіи, какой-нибудь Епифаній погибалъ на старовѣрческомъ епископствѣ только по слуху, что онъ „обливанецъ“—крещенъ не черезъ погруженіе въ воду, а черезъ обливаніе водою.

Если у Михаила есть въ душѣ слово новой вѣры, если въ немъ горитъ огонь новой религіи, ему слѣдовало итти къ старообрядцамъ миссіонеромъ своихъ вдохновеній, а не епископомъ трехсотлѣтней старины. Миссіонеръ говоритъ людямъ: идите въ мою вѣру, будьте моими братьями въ моей вѣрѣ, будьте мои. И онъ всегда правъ предъ собою, какую бы вѣру ни несъ людямъ. Епископъ (въ точномъ переводѣ: над-

ЭР03159

смотрщикъ, смотритель, блюститель) говоритъ людямъ: я вашъ, потому что вы призвали меня пасти васъ въ вашей вѣрѣ, я братъ и учитель вашъ по вашей вѣрѣ, я вашъ, ибо согласился быть вашимъ. Миссіонеръ — всегда власть вызова, епископъ — власть приспособленія. Разница огромная — и въ нравственномъ правѣ, и въ нравственной отвѣтственности за дѣятельность и проповѣдь. Михаилъ сознательно пошелъ на компромиссъ съ силою темноты и узости, которой онъ не могъ и не имѣлъ нравственнаго права подчиняться, и поплатился за то, какъ интеллигентъ, переодѣвшійся на ярмаркѣ ради сближенія съ народомъ въ мужика. Понятное дѣло, выдалъ себя при первой же стычкѣ міровоззрѣній, и затѣмъ, въ послѣдовавшей мужицкой передѣлкѣ, безвинно, но жестоко пострадалъ отъ тѣхъ самыхъ, къ кому онъ всею своею любовью горѣлъ и на чье счастье желалъ работать... Неждановъ въ мантіи и кафтырѣ.

Заглянулъ я въ свою записную книжку 1907-го года и вижу, что все происшедшее теперь съ Михаиломъ я тогда предсказывалъ дословно. Да и не трудно было быть пророкомъ.

Какъ умно и тактично поступилъ Григорій Петровъ, что, снявъ одну рясу, не надѣлъ другой. Ибо — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. А со свободною мыслью XX-го вѣка въ кузовѣ XV-го вѣка не умѣститься умному и совѣстливому человѣку. Никакъ! Напрасно и примѣряться. Да, по-моему, и не хорошо.

* * *

Дѣти „черты“.

Грустное наслажденіе смѣхъ сквозь слезы, но, быть-можетъ, самое глубокое на землѣ, и счастливъ тотъ, кто въ состояніи дать его людямъ.

Я только что прочиталъ первый томъ „Собранія со-

ЭР03159

чиненій Шоломъ-Алейхема". Въ томъ этотъ вошли— „Записки одного мальчика", „Флагъ", „Ножикъ" и „На скрипкѣ". Давно уже ни одна книга не заставляла меня столько смѣяться — такъ хорошо, добро смѣяться — и, не стыжусь признаться, столько разъ чувствовать, что вотъ еще немного, лишній нажимъ пера въ рукахъ большого таланта, и не выдержишь: польются изъ старыхъ, къ добру и злу привычныхъ, глазъ такія же обильныя слезы, какія всю-то жизнь свою непрерывно лила бѣдная мать маленькаго Мотеля... Что за ужасная жизнь! Какая непрерывность и глубина страданія! И какая яркость жизнерадости лицомъ къ лицу этого хроническаго ужаса! Какое свѣтлое терпѣніе! Какое героическое и наивное, потому что оно не понимаетъ своего героизма, воспріятіе этого длящагося застѣнка, который дѣти „черты" вынуждены принимать за жизнь! Какое—мало сказать: умѣніе,— какое желаніе и настроеніе весело улыбаться на днѣ злой ямы, являть бодрую рѣзвость въ долинѣ тѣни смертной! Великій юмористъ! Вдохновенный художникъ!

Однажды я писалъ о Шоломѣ-Алейхемѣ, что въ его талантѣ слышится мнѣ дыханіе Диккенса. Теперь, ознакомившись съ четырьмя его разсказами, я окончательно принимаю этотъ взглядъ. Изъ всѣхъ юмористовъ-предшественниковъ, Диккенсъ—наиболѣе родственная Шоломъ-Алейхему сила. Можетъ-быть, на впечатлѣніи моемъ отчасти отзывается то условіе, что всѣ четыре разсказа Шоломъ-Алейхема — о дѣтяхъ. Творецъ „Давида Копперфильда", „Оливера Твиста", „Домби и сына", „Крошки Доритъ", „Большихъ ожиданій", „Лавки древностей",—глубочайшій пѣвецъ радостей и печалей дѣтской души,—нашелъ, наконецъ, достойнаго преемника: писателя-психолога, умѣющаго съ дѣтьми умаляться, какъ дитя, въ улыбку и слезы святой почти простоты, до сердца проникающей искренности. Маленькій Мотель, Топель Тутаретуту, дѣвочки Гольда и Алта легко будутъ поняты тѣмъ всемірнымъ

ЭР03159

международнымъ союзомъ, который зовется дѣтствомъ. Они написаны на языкѣ всѣхъ странъ и народовъ. Горячо рекомендую познакомить съ дѣтьми Шоломъ-Алейхема дѣтей своихъ всѣмъ русскимъ родителямъ, которые хотятъ, чтобы ихъ молодое поколѣніе возрастало въ чувствахъ справедливости, любви къ ближнему и всечеловѣческаго равенства. Наше ужасное время льетъ въ жизнь такую массу ядовъ ненависти, что встрѣтить въ литературѣ противоядіе — великая радость. Книга Шоломъ-Алейхема—противоядіе могучее и проникновенное.

Въ ней нѣтъ стоновъ угнетенія, привычныхъ въ устахъ евреевъ-беллетристовъ, пишущихъ по-русски,— ни плачей, ни воплей, ни жалобъ, ни проклятій, ни одного нервнаго выкрика, ни одного судорожнаго жеста. Но именно потому-то она такъ и потрясаетъ, что совсѣмъ не расчитываетъ на впечатлѣніе „сильнаго ощущенія“: она ровна и свѣтла—и въ этомъ-то ея мощь и ужасъ. Мягкій свѣтъ скептической улыбки—тамъ, гдѣ естественно ждешь гримасъ и рева боли, веселый оборотъ ума и рѣзвая подбодряющая шутка на той степени бѣдствія, когда не удивишься, если человѣкъ сойдетъ съ ума отъ муки и горя... И безъ словъ говоритъ тебѣ прекрасная душа-улыбка печальной и спокойной книги:

— Да, тебѣ, русскому, естественно ждать здѣсь гримасъ и рева боли, тебѣ естественно ждать, что мать Мотеля или дѣвочка Гольда заревутся до безумія въ разлукѣ съ своими семьями,—но, вѣдь, ты позабылъ, онѣ—еврейки.., За ними вѣковое накопленіе и привычка *общей* скорби, обратившейся во вторую натуру. Той исторической скорби, которая уже сама себя не замѣчаетъ, той расовой скорби, въ нѣдрахъ которой личное еврейское горе еще въ силахъ улыбаться и острить на тѣхъ уровняхъ, когда горе всякаго другого человѣка—изъ народа свободнаго и самостоятельнаго—разлилось бы рѣками слезъ, надорвалось бы воплемъ самоубійства или злодѣянія...

ЭР03159

Свѣтлая и страшная книга. Я скажу безъ всякаго преувеличенія, что она говоритъ русскому читателю объ еврейскомъ народѣ больше и понятнѣе, чѣмъ все, что дало *на русскомъ языкѣ* еврейское творчество послѣднихъ лѣтъ, за немногими исключеніями, къ которымъ я отношу нѣкоторыя произведенія Айзмана и Юшкевича. И создается это не только превосходствомъ таланта и не только тѣмъ условіемъ, что творчество Шоломъ-Алейхема чувствуетъ себя свободнѣе въ средствахъ, выливаясь на родномъ языкѣ, тогда какъ для большинства другихъ беллетристовъ-евреевъ, пишущихъ объ евреяхъ по-русски, русскій языкъ, хотя бы и въ совершенствѣ изученный, все-таки, языкъ заимствованный, „литературный", слѣдовательно, нѣсколько вяжущій. Тургеневъ зналъ французскій языкъ лучше многихъ французскихъ писателей, но когда онъ пробовалъ творить по-французски, то писалъ, все-таки, несравненно блѣднѣе своей русской рѣчи. Даже и не тѣмъ условіемъ, что Шоломъ-Алейхемъ великій и непогрѣшимый знатокъ еврейскаго быта, тогда какъ нѣкоторыхъ изъ его товарищей случалось даже и русской критикѣ ловить на бытовыхъ погрѣшностяхъ и незнаніяхъ. Нѣтъ, важнѣе всего то обстоятельство, что всѣ русско-еврейскіе беллетристы пишутъ объ евреяхъ *для русскихъ*. Это сразу создаетъ призму извѣстной предвзятости и условности, ставитъ между читателемъ и вещью фигуру автора, вспыхиваетъ рампа субъективнаго освѣщенія, которое читатель воленъ принять, воленъ — нѣтъ: повѣритъ — приметъ, не повѣритъ — стало-быть, у автора не достало темперамента убѣдить. Изъ творчества исчезаетъ наивность. Оно превращаетъ результатъ свой въ соціально-этнографическую выставку, расчитанную на пониманіе и психологію другого народа.

Шоломъ-Алейхемъ, пишущій объ евреяхъ для евреевъ же, едва-ли не впервые показываетъ еврейство внѣ условныхъ счетовъ съ русской призмою, еврейство въ самомъ себѣ, между собою, цѣльный міръ,

ЭР03159

отдѣленный отъ прочей Россіи „чертою“ — не только чертою осѣдлости, но и чертою жаргона: показываетъ намъ самобытность еврейскую не на линіи русскаго соприкосновенія, а въ собственной и самодовлѣющей ея глубинѣ. Шоломъ-Алейхемъ, въ полномъ смыслѣ слова, художникъ и въ глубочайшемъ и лучшемъ смыслѣ слова націоналистъ. Онъ національненъ, какъ національны Мопассанъ, Диккенсъ, Чеховъ. А его евреевъ мы не можемъ разсматривать иначе, какъ французовъ, написанныхъ Мопассаномъ, англичанъ, написанныхъ Диккенсомъ, русскихъ, написанныхъ Чеховымъ. Глубокая правда непосредственности окружаетъ каждый образъ его, какъ естественная атмосфера, — вамъ ни разу не приходится спорить съ авторомъ, чтобы ему повѣрить. Это—проникновенное художество, ясное не только уму, но еще ранѣе—инстинкту. Думаю, что художественный объективизмъ Шоломъ-Алейхема можетъ и долженъ сослужить еврейскому вопросу хорошую службу въ Россіи. Это былъ бы не первый случай. Художественный объективизмъ „Записокъ охотника“ сдѣлалъ нѣкогда для крестьянскаго вопроса много больше, чѣмъ десятки памфлетовъ и убѣдительныхъ статей.

Буду очень счастливъ, если мои пожеланія сбудутся. А, покуда, отъ души привѣтствую русскій переводъ Шоломъ-Алейхема и еще разъ желаю, чтобы русскіе взрослые прочитали его съ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ этотъ замѣчательнѣйшій авторъ, и, прочитавъ, дѣтямъ дали-бы. Пусть маленькій Мотель войдетъ новымъ любимцемъ въ русскій дѣтскій міръ. Онъ, вѣдь, очень широкъ и космополитиченъ. Диккенсъ и Киплингъ ввели въ него маленькихъ англичанъ и индусовъ. Луиза Олькотъ—маленькихъ янки, Додэ—маленькаго француза. Андерсенъ, Де-Амичисъ, Карменъ Сильва—съ каждымъ и каждою входилъ въ русскую дѣтскую какой-нибудь юный національный образъ. Мальчикъ-еврей изъ черты осѣдлости, въ высокоталантливой живописи Шолома-Алейхема, займетъ въ

ЭР03159

этой любопытной галлереѣ мѣсто по достоинству и — одно изъ самыхъ замѣтныхъ.

* * *

„Пѣснь пѣсней."

— Гробъ повапленный!

Съ такою характеристикою пришлось положить въ сторону, какъ книгу, которую не стоитъ перечитывать, роскошное изданіе „Пантеона" — „Пѣснь Пѣсней Соломона. Переводъ съ древне-еврейскаго и примѣчанія А. Эфроса. Предисловіе В. Розанова". Бралъ я этотъ томъ въ руки съ большой надеждою, а закрылъ его не только съ разочарованіемъ, но и не безъ негодованія. Трудно умудриться, чтобы книга имѣла болѣе блестящую внѣшность, чѣмъ новое русское изданіе „Пѣсни Пѣсней". Еще труднѣе, чтобы подъ столь блестящею внѣшностью таилось болѣе пустое содержаніе, болѣе безцеремонное и даже, не убоясь рѣзкаго слова, скажу — болѣе шарлатанское отношеніе къ великому памятнику древне-еврейской народной пѣсенности.

Переводъ — еще сравнительно лучшая часть этого страннаго труда. Хотя онъ сухъ, блѣденъ, мертвъ, ему, по крайней мѣрѣ, нельзя отказать въ добросовѣстной грамотности. Объ ученыхъ примѣчаніяхъ судить не смѣю, такъ какъ я не гебраистъ и, вообще, не филологъ. Но статьи-комментаріи, которыми снабдили „Пѣснь Пѣсней" гг. В. Розановъ и А. Эфросъ, поистинѣ ужасны, и — которой изъ двухъ отдать первенство по безстыдству пустословія, по мороченію публики мнимо-научною отсебятиною, резглагольствуемою съ жреческимъ апломбомъ, сказать очень трудно. Еще г. Эфросъ какъ-будто все-таки, хоть сколько-нибудь потрудился — если не прочиталъ, то перелистовалъ кое-какія подготовительныя книжки. Что же касается В. Розанова, онъ далъ совершеннѣйшій образецъ того

ЭР03159

безшабашнаго риторства, той звонко-словной болтовни, съ которою поднимаются на ученую каѳедру только лекторы-Балалайкины, не уважающіе ни себя, ни слушателей, и вполнѣ увѣренные, что предъ ними—аудиторія невѣждъ и дураковъ, согласныхъ воспринять всякій вздоръ, какой только ни преподнесутъ имъ болѣе или менѣе складно и въ тонѣ авторитетной самоувѣренности. Г. Розановъ считается чуть ли не первымъ русскимъ спеціалистомъ по всевозможнымъ „божественнымъ“ вопросамъ, но я, грѣшный человѣкъ, въ числѣ довольно многочисленныхъ, впрочемъ, скептиковъ, всегда находилъ въ немъ больше скоромнаго анекдотиста отъ богословія, чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, теолога. Такъ и въ статьѣ о „Пѣсни Пѣсней“. Нюхнулъ г. Розановъ слегка текстъ, увидалъ въ немъ „запахъ маслъ твоихъ“, „сосцы“,—и пошелъ точить слюну на 22-хъ страницахъ о сосцахъ и тѣлесныхъ запахахъ, а о дѣлѣ—ни полслова. Да врядъ ли онъ и въ состояніи сказать что-либо дѣльное о „Пѣсни Пѣсней“, потому что, хоть и взялся писать къ ней предисловіе, а ни литературы о ней, ни историческихъ судебъ ея,—это слишкомъ очевидно!—не знаетъ.

Выходитъ въ маскѣ ученаго изданія „Пѣснь Пѣсней“, и ни переводчикъ, ни богословъ, приглашенный написать авторитетное предисловіе, не потрудились дать публикѣ хотя бы самый поверхностный обзоръ, хотя бы самый схематическій сводъ мнѣній и теорій, кипѣвшихъ вокругъ этой великой поэмы въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, семнадцати вѣковъ. Случайный и хаотическій списокъ литературы о „Пѣсни Пѣсней“, приложенный въ концѣ книги, доказываетъ безтолковщиною и скудостью своею, что авторы не читали не только большинства второстепенныхъ пособій, которыя они указываютъ, но даже, напримѣръ, Альберта Ревилля, хотя его статья упоминается въ спискѣ (къ слову сказать: безъ названія и по журналу, гдѣ она впервые появилась, тогда какъ гораздо проще было найти ее въ общеизвѣстныхъ ревиллевыхъ „Essais de Critique religie-

ЭР03159

use"). Въ первой главѣ статьи Ревилля гг. Эфросъ и Розановъ могли бы найти подробное, но сжатое обозрѣніе всей многовѣковой полемики о „Пѣсни Пѣсней", начиная съ великаго рабби Акибы, продолжая Оригеномъ, средневѣковыми мистиками, какъ Бернардъ Клервосскій, гуманистами, какъ Гроцій, и такъ далѣе—до распрей между аллегорическими и фольклорными толкованіями въ концѣ XVIII-го и въ XIX-мъ вѣкѣ по 1860 годъ. Полагаю, что это обозрѣніе, занимающее всего 15 страницъ, было бы много полезнѣе для русскаго читателя не только розановскаго празднословія и совершенно нелѣпой параллели между духомъ „Пѣсни Пѣсней" и карамазовщиною, которую счелъ нужнымъ намудрствовать лукаво г. Эфросъ, но и большинства стиховъ-подражаній, коими безъ всякой надобности, напичкана „антологическая" часть книги. Державинъ, Пушкинъ, Мей—это надо, это кстати. Но удивительно необходимо, подумаешь, сохранять для потомства память о томъ, какъ „перепирали" злополучную „Пѣснь Пѣсней" гг. А. Зоринъ, Л. Яффе, Георгій Чулковъ и С. Соловьевъ! „Бѣдное твое риѳмичество"! говорилъ о такихъ стихахъ Михайла Васильевичъ Ломоносовъ. Ужъ въ такомъ случаѣ, если понадобится дрянь собирать, надо вспомнить и старинку:

Власы твои—какъ стадо козъ
Средь Галаадскія долины;
Какъ кедръ ливанскій есть твой носъ
И очи яко голубины...

Ничто не изслѣдовано, ничто не искано,—попало въ книгу только то, что само на авторовъ набѣжало, но—не какъ звѣрь на ловца, а—вродѣ верстового столба, на который сонный хохолъ невзначай среди степи наѣхалъ. Таковы и критическія выдержки, и перепечатки, приводимыя г. Эфросомъ. Развѣ можно, говоря о драматической структурѣ „Пѣсни Пѣсней", не упомянуть ни единымъ звукомъ объ Оригенѣ и Іеронимѣ, удовольствоваться только планомъ Ренана и не обмолвиться, хотя бы словомъ, объ остроумно обработан-

ЭР03159

номъ либретто того же Альберта Ревилля? Итальянской литературы о „Пѣсни Пѣсней“, сыгравшей такую большую роль въ ея драматизаціи, гг. Эфросъ и Розановъ совершенно не знаютъ и, кажется, даже не подозрѣваютъ ея существованія. Развѣ можно говорить о вліяніи „Пѣсни Пѣсней“ на художественную литературу и даже не заикнуться о Гейне? Не вспомнить о Лохвицкой-Жиберъ, страстный духъ и вдохновенія которой цѣликомъ вылились изъ „Пѣсни Пѣсней“ и ею дышатъ? Великолѣпное „il Cantico dei canticі“ Феличе Кавалотти, — остроумнѣйшая стихотворная сатира на клерикализмъ, драматически развитая на фонѣ стиховъ Соломона (допустимъ!), — повидимому, гг. Эфросу и Розанову тоже невѣдомо.

Вообще, въ изданіи „Пѣсни Пѣсней“ гг. Эфросъ и Розановъ, какъ нельзя болѣе, напоминаютъ двухъ портныхъ изъ андерсеновой сказки, которые взялись шить королю неслыханно тонкое платье, и—съ глубокомысленнымъ видомъ отмѣривали и кроили несуществующую матерію, сшивая ее небывалыми нитками. Наконецъ—готово, ваше величество! извольте надѣть и пожалуйте на улицу, въ процессію!.. Король надѣлъ воображаемое платье и—запагалъ черезъ весь городъ... голый! Такъ-то вотъ и гг. Эфросъ и Розановъ одѣли теперь „Царскую Пѣснь“, королеву пѣсней, „Пѣснь Пѣсней“. Нашито на нее какъ-будто много и дорого, а ходитъ голая.

Для кого предназначается это удивительное изданіе? Для людей науки? Увы! не только ученый, но и всякій просто образованный, нѣсколько начитанный человѣкъ сразу разглядитъ въ немъ „поддѣльную краску ланитъ и убогую роскошь наряда“ и отвернется съ пренебреженіемъ. Для обычнаго читателя, жаждущаго самообразованія изъ подлинныхъ источниковъ красоты? И не стыдно „Пантеону“ подносить малымъ симъ камень вмѣсто хлѣба и змѣю вмѣсто рыбы?

Единственное мѣсто, гдѣ не удивительно и не грустно было бы встрѣтить „Пѣснь Пѣсней“ гг. Эфроса и Розанова, и гдѣ оно будетъ даже кстати, это—столъ

ЭР03159

въ пріемной моднаго дантиста. „Нива“, сокращающая паціентамъ минуты выжиданія передъ зубодеромъ, такъ старо и мѣщански опошлѣла. А тутъ--книжка красивая, раззолоченная, „модернъ“. Повертѣть ее въ рукахъ минутъ пять-шесть,—такъ человѣку мало внимательному, да въ особенности еще развлеченному зубною болью, можетъ она показаться и ученою, и интересною. Тѣмъ паче, что всѣ „аппарансы“ соблюдены: и предисловіе, и примѣчанія, и факсимиле Пушкина, и ноты, и „методъ перевода“. Ахъ, вы, портные по нѣтовой землѣ пустыми цвѣтами!

Что-жъ? Дантистовъ въ Россіи не одна, поди, тысяча. Книга можетъ найти рынокъ и сбытъ.

* * *

Недавно, по поводу безобразнаго изданія „Пѣсни Пѣсней“ т-ва „Пантеонъ“ и подъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ критико-философскихъ или философско-критическихъ изготовленій новѣйшаго россійскаго производства, записалъ я рядъ грустныхъ мыслей о мнимонаучномъ шарлатанствѣ, побѣдоносно ворвавшемся въ нашу литературу, по твердой увѣренности авторовъ, что невѣжество публики не въ состояніи дать имъ отпоръ, а почитывающее равнодушіе покорно проглотитъ всякую чушь, которую преподнесетъ и въ ротъ положитъ пописывающее нахальство.

Съ тѣхъ поръ прочиталъ я шесть книжекъ „Русскаго Богатства“ за текущій годъ, съ особеннымъ вниманіемъ къ отдѣлу „Новыя книги“. Литературныя рецензіи въ этомъ почтенномъ журналѣ пишутся всегда солидно, дѣльно, людьми образованными и свѣдущими по вопросамъ, поручаемымъ редакціей на ихъ обсужденіе. И—тѣмъ мрачнѣе впечатлѣніе галлереи „монстровъ“, которую собрали шесть книжекъ „Русскаго Богатства“. Воистину ужъ—какъ въ старинной „Искрѣ“ Кузьма Прутковъ совѣтовалъ сыну, когда тотъ—на выставкѣ племенного скота — остановился предъ стойломъ необычайно породистой свиньи:

ЭР03159

— Другъ мой! Удивляйся, но не подражай!

Цѣлая процессія рѣзвыхъ шарлатановъ, превесело заявляющихъ во всеуслышаніе:

— Публика — дура. Что знала, она забыла, новому ничему не выучилась. Если мы малограмотны, то она безграмотна, а въ царствѣ слѣпыхъ кривой—зрячій.

Откровенно говоря, академическое спокойствіе, съ которымъ „Русское Богатство“ собираетъ свою коллекцію курьезовъ, иногда даже непріятно. „Жантильничаютъ“ и дѣлаютъ любезныя оговорки тамъ, гдѣ покойный Н. К. Михайловскій безъ церемоніи назвалъ бы кошку—кошкою, а литературнаго нахала—нахаломъ.

Гвоздемъ коллекціи являются, повидимому, „Итальянскія впечатлѣнія“ г. В. Розанова.

Это — что-то совершенно исключительное по безцеремонности въ отсебятинѣ. Достаточно сказать, что г. Розановъ *выдумалъ свой собственный итальянскій языкъ*! Ни больше, ни меньше!

„Съ такою же легкостью, съ какой онъ, *филологъ по образованію,* пишетъ на имъ самимъ сочиненномъ жаргонѣ: „il templo Vesta“, „fratre ignote“, „di rege Frederico Barbarussa“, „uno cafe, camerere“, „Missalum“ и т. д., онъ называетъ мюнхенскій соборъ „Duomo“ и сообщаетъ о томъ, что Шиллеръ написалъ „Юноша изъ Саиса“ или „Покрывало Изиды“.

Есть классическій анекдотъ о возможности сдѣлать въ словѣ „еще“—въ трехъ буквахъ—четыре ошибки: „эсчо“. Нѣчто въ томъ же родѣ представляетъ собою латинская мѣшанина, предлагаемая г. Розановымъ довѣрчивому русскому читателю подъ самозваннымъ титуломъ итальянскаго языка.

Il templo Vesta, читай: il tempio di Vesta. (Храмъ Весты).

Fratre ignote, читай: Frate ignoto. (Незнакомый „братъ“ т.-е. монахъ).

Di rege Frederico Barbarussa. Читай: Del re Federigo Barbarossa.

И т. д.

ЭР03159

Въ Италіи 60 мѣстныхъ діалектовъ, кромѣ общаго литературнаго языка. Является въ Италію русскій семинаристъ. Предъ нимъ—61 возможность изученія мѣстнаго языка. Что онъ выбираетъ? Пошевелитъ въ мозгахъ лѣнивые остатки полузабытой латыни—и сочинитъ отсебятиною свою 62-ю діалектуальную возможность, предъ которою первыя шестьдесятъ одна, уже существующія, практическія, должны стать въ совершеннѣйшій тупикъ. Человѣкъ, какъ ни въ чемъ не бывало, зачеркиваетъ національную дѣйствительность и преподноситъ читателю филологическій миѳъ

Всѣ эти розановскія благоглупости, въ концѣ-концовъ, только пошлы — и слѣдовательно, улаживаются между нимъ и читающею публикою. Найдетъ г. Розановъ такого дурака-читателя, который ему на слово повѣритъ, что „король“ по-итальянски „rege“ — тѣмъ лучше для г. Розанова и тѣмъ хуже для дурака. Но скверно, что свою отсебятино-сочинительную манеру г. Розановъ переноситъ и въ область крупныхъ соціальныхъ вопросовъ, которыхъ онъ въ путешествіи своемъ касается. Попалъ человѣкъ въ Берлинъ въ такіе часы, когда всѣ проститутки спятъ,—и торжественно объявляетъ urbi et orbi, что въ Берлинѣ—*нѣтъ уличной проституціи!*

Это въ Берлинѣ то, гдѣ проститутки уличныя недавно митингъ устроили, чтобы протестовать противъ полицейскихъ правилъ и конкуренціи иностранокъ,—въ Берлинѣ то нѣтъ проституціи!

— А гдѣ же она, въ такомъ случаѣ, есть?!—можетъ спросить не только петербуржецъ, москвичъ, одесситъ, кіевлянинъ, ростовецъ, харьковецъ, но и вѣнецъ, парижанинъ, римлянинъ, потому что—чѣмъ-чѣмъ другимъ, но ужъ этимъ-то фруктомъ Берлинъ, несомнѣнно, богаче всѣхъ городовъ Европы. Не только улица Фридрихштрассе, но и самый вокзалъ желѣзнодорожный несносны въ ночное время, такъ какъ буквально осаждены проститутками, голодными и дерзкими, шныряющими повсюду въ количествѣ ужасающемъ и съ

ЭР03159

наглостью нестерпимою. Если гдѣ можно соціально оробѣть и почувствовать отчаяніе предъ недугомъ проституціи, то, это, конечно, въ Берлинѣ. Я—авторъ „Женскаго нестроенія“ и злѣйшій врагъ регламентаціи—долженъ откровенно сознаться, что единственный европейскій городъ, который нѣсколько смущалъ меня въ основательности моихъ убѣжденій по проституціонному вопросу, это—Берлинъ. Потому что нигдѣ въ Европѣ проституція не является такимъ откровеннымъ, типическимъ и безграничнымъ предложеніемъ на торжествующій буржуазный спросъ. Улица Фридрихштрассе—до пересѣченія ея съ Унтеръ-денъ-Линденъ—два ряда шикарныхъ кафе-кабаковъ съ кабинетами, вѣрнѣе сказать, публичныхъ домовъ на широчайшую ногу съ отдѣльными комнатами, торгующихъ всю ночь напролетъ. Тутъ—„Скандинавія“, тутъ „Валгалла“ и пр., и пр. Въ 1906 году, въ февралѣ, возвращаясь изъ Петербурга въ Парижъ, я попалъ въ Берлинъ—впервые въ жизни ночью, въ $4^1/_2$ часа утра, съ тѣмъ, чтобы выѣхать въ 7 или 8, не помню. Эти три или четыре часа, проведенные въ ночномъ аду Фридрихштрассе, остаются въ памяти моей однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ и гнусныхъ воспоминаній человѣческаго безстыдства и позора. А смѣю сказать,—удивить меня по этой части мудрено: видѣлъ я и русскій развратъ всѣхъ большихъ городовъ, и парижскій, вѣнскій, неаполитанскій, константинопольскій, бухарестскій. То, что творилось въ предразсвѣтные утренніе часы публикою общихъ залъ „Скандинавіи“, врядъ ли возможно въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ даже и келейно. Ужасъ берлинскаго разврата—безпредѣльная растяжимость его—бюрократически какъ-то—холоднаго безстыдства. Сидишь въ сторонѣ за кружкою пива, чужимъ человѣкомъ,—и становишься даровымъ свидѣтелемъ нечаянныхъ сценъ, за удовольствіе зрѣть которыя въ Москвѣ и Петербургѣ надо заплатить десятки рублей и вылить нѣсколько бутылокъ шампанскаго и ликеровъ. Въ Берлинѣ, говорятъ, очень строга полиція нравовъ. Однако, единственный

ЭР03159

случай въ жизни моей, когда я видѣлъ нечаянную уличную сцену любви до самаго, что ни есть натуралистическаго завершенія, былъ не въ проклятой константинопольской Галатѣ, не на окаянномъ парижскомъ Монмартрѣ, не въ трущобныхъ переулкахъ неаполитанскаго Толедо, не въ Брюсселѣ, не на вѣнскомъ Пратерѣ, но именно на Унтеръ-денъ-Линденъ въ Берлинѣ. И не такъ чтобы поздно: въ двѣнадцатомъ часу ночи, и въ двадцати шагахъ отъ полицейскаго поста. Нѣтъ ужъ, чего-чего другого, а берлинской нравственности г. Розановъ изъ-за границы въ Россію пусть не перевозитъ. Сей товаръ воняетъ!

Передавая белиберду г. Розанова, „Русское Богатство“ разсыпало много тонко-насмѣшливыхъ замѣчаній, сравненій, саркастическихъ уподобленій. А въ концѣ-концовъ:

— Отъ путешествія умнаго человѣка получилась интересная книга: есть яркія картинки, есть тонкія (?) замѣчанія, есть обычная, характерная для Розанова, убѣдительная, но не доказательная лирика.

Это „убѣдительное, но не доказательное“—великолѣпно. Перлъ въ своемъ родѣ. Надо запомнить. Стоитъ знаменитаго:

— Хотя больно, но не убѣдительно.

Милостивые государи! Кошку зовутъ не киськой, а кошкой, и, когда она воруетъ сливки, ее сѣкутъ, а не говорятъ ей:

— Ахъ, миленькая дрянь, какой у тебя все-таки хорошенькій узоръ шкурки!

И опять—какъ всегда у г. Розанова: пріѣхалъ онъ въ Берлинъ, и—первые поиски впечатлѣній:

„Корсетовъ въ Берлинѣ совершенно никто не носитъ... Нѣтъ и корсетныхъ магазиновъ и мастерскихъ... Здѣсь вовсе нѣтъ уличной проституціи: явленіе до того странное для русскаго, что онъ никакъ не умѣетъ справиться съ впечатлѣніемъ“.

Ахъ, несчастный! Крѣпись, бѣдный мученикъ! Авось справишься: Богъ поможетъ!

ЭР03159

Но вотъ что.

Нѣкоторая англійская герцогиня сказала нѣкогда знаменитому критику и лексикологу Самуэлю Джонсону:

— Что мнѣ больше всего нравится въ вашемъ словарѣ англійскаго языка, это—что вы не помѣстили въ немъ ни одного неприличнаго слова.

Джонсонъ былъ человѣкъ язвительный и грубый.

— А вы, герцогиня, стало-быть, ихъ искали?

Удовольствіе г. Розанова, вызванное мнимымъ отсутствіемъ въ Берлинѣ корсетовъ и публичныхъ женщинъ, какъ-то странно напоминаетъ восторги англійской герцогини къ словарю Самуэля Джонсона...

* * *

В. В. Розановъ, по обыкновенію, въ большихъ попыхахъ. Проѣхался онъ по Европѣ—и, можно сказать, весьма плодотворно, обогативъ и себя, и читателей многими удивительными открытіями, какъ-то: что берлинскія нѣмки корсетовъ не носятъ, что въ Берлинѣ нѣтъ уличной проституціи („слона то я и не примѣтилъ!"), что въ Италіи рѣшительно никто газетъ не читаетъ и пр., и пр. Мимоходомъ сочинилъ свой собственный итальянскій языкъ dialetto rosanino, или скорѣе, rosanaccio—и, вообще, провелъ время презабавно. Теперь, оторвавшись отъ грѣшной земли, пытливый умъ В. В. Розанова устремился въ надзвѣздные края.

— Отчего солнце не гаснетъ? Вѣдь оно уже сотворено (по ученымъ) милліоны вѣковъ назадъ, да и вообще (?) очень давно сотворено. Кругомъ атмосфера—ледяная, до 200 град. мороза (между-звѣздная). Ну, какъ въ милліонъ лѣтъ не остынуть, не выхолодѣть, не выгорѣть? Невозможно, никакой гипотезой нельзя объяснить и никакой объемъ матеріала не выстоитъ.

В. В. Розановъ, однако, открылъ секретъ: штука въ томъ, что солнце — живое, и температура его живого тепла настолько же постоянна, какъ температура жи-

ЭР03159

вого человѣческаго тѣла. При семъ г. Розановъ увѣряетъ, будто его, г. Розанова, температура—37 гр. R. Вотъ въ чемъ можно усумниться. По наблюденіямъ врачей бредовыя представленія,—тѣмъ паче восходящія до желанія поставить солнцу подъ мышку максимальный термометръ,—развиваются въ умѣ человѣческомъ не ранѣе, какъ градусахъ этакъ при 39.

Астрономическія тревоги В. В. Розанова не безъ прецедента въ русской литературѣ. Лѣтъ 70 тому назадъ, нѣкто въ Петербургѣ — приблизительно въ томъ же духѣ и совершенно съ тою же освѣдомленностью—волновался грядущими судьбами луны:

— Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Веллингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся на лунѣ...

Ина слава солнцу, ина лунѣ, ина звѣздамъ. Астрономію луны съ обитающими на ней человѣческими носами призванъ былъ сочинить жалкій титулярный совѣтникъ Аксентій Ивановъ Поприщинъ. Вопросъ о возможной простудѣ солнца взялъ на себя самъ В. В. Розановъ. Это хорошо. И солнцу честь, и публикѣ удовольствіе.

Но откуда, все-таки, В. В. Розановъ почерпнулъ столь твердую увѣренность, что солнце такъ-таки вотъ ужъ совсѣмъ и не охлаждается?

* * *

В. В. Розановъ поклялся давать пищу русскимъ юмористамъ. Покуда онъ живъ, они не умрутъ съ голода: матеріалъ всегда будетъ.

Пишетъ онъ преогромную статью о Гете и, для характеристики его разносторонности, увѣряетъ читателя,

ЭР03159

что олимпійски спокойный Гете умѣлъ написать и такую скептическую пѣсенку Мефистофеля:

Мой совѣтъ: до обрученья
Дверь не отворяй.
Хо-хо-хо!

Неужели даже: Хо-хо-хо?

Шаляпина г. Розановъ слышалъ, но Гете у него влѣвѣ остался.

Г. Розановъ цитируетъ совсѣмъ не пѣсенку Мефистофеля изъ Гетева „Фауста“, но серенаду изъ сквернаго либретто, которое выкроилъ для оперы Ж. Барбье, и перевелъ Размадзе. Съ равнымъ успѣхомъ г. Розановъ могъ бы приписать Гете и Мефистофелю знаменитые куплеты о Золотомъ Тельцѣ:

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный...

А Зибель, для него, вѣроятно, совсѣмъ не лысый пьяница изъ погреба Ауэрбаха, но красивенькій студентъ перваго семестра и настолько чувствительный, что его должны изображать переодѣтыя пѣвицы контральто:

— Разскажите вы ей, цвѣты мои...

У г. Розанова прямо-таки правило: когда онъ берется писать о чемъ-нибудь, не знать предмета, о которомъ онъ будетъ писать.

Все свое предисловіе къ „Пѣсни Пѣсней“ въ переводѣ Эфроса онъ строитъ на томъ, что, дескать, „Пѣснь Пѣсней“—поэма запаховъ и не имѣетъ красокъ.

— Такія слова, — увѣряетъ г. Розановъ, — какъ „красный“, „голубой“, „желтый“, даже самъ „бѣлый“ или „черный“—не только не встрѣчаются въ поэмѣ, но вы сейчасъ же почувствуете, что они составили бы въ ней какофонію... Въ этомъ отношеніи любопытно вглядѣться въ нѣкоторыя подробности текста и перевода...

Дѣйствительно, любопытно, и жаль, что г. Розановъ въ переводъ, къ которому пишетъ предисловіе, не вгля-

ЭР03159

дѣлся, а, будучи любителемъ запаховъ, только его понюхалъ.

Итакъ—красокъ въ „Пѣсни Пѣсней“ нѣтъ?

А это что же?

И наше ложе—
Зеленѣющее.

Или:

Какъ красная нить –
Твои губы...

Или:

Мой другъ румянъ
И ясенъ...
Его кудри—
Завитки виноградные,
Черные,
Какъ воронъ...

Или:

Въ орѣховый садъ
Я спустилась,
Взглянуть
На зелень потока...

Отъ г. Розанова, только нюхающаго книги, а не читающаго ихъ, было бы слишкомъ строго требовать, чтобы онъ замѣтилъ въ „Пѣсни Пѣсней“ множество цвѣтныхъ сравненій, которыя создаютъ эпитеты, не нуждаясь въ прилагательныхъ, потому что цвѣтъ предметовъ, самъ по себѣ, общеизвѣстенъ, понятенъ и опредѣлителенъ: золото, слоновая кость, молоко, пурпуръ, гранатный цвѣтокъ и т. п. Развѣ не цѣликомъ зрительное впечатлѣніе, все знаменитое описаніе одра Соломонова:

Его столбы—
Изъ серебра онъ сдѣлалъ;
Его локотники—изъ золота;
Его сидѣніе—
Изъ пурпура...

Всѣ эти наглядности г. Розановъ не могъ бы пропустить безъ вниманія, если бы познакомился съ поэмою, о которой онъ пишетъ. Но, по обыкновенію,

ЭР03159

такое знакомство онъ почитаетъ совершенно излишнимъ. Отсебятина и болтовня выручатъ!

Недавно Валерій Брюсовъ выступилъ съ публичною жалобою, что его стихи, цитируя, искажаютъ. Совершенно основательная жалоба. Не чортъ тебя дергаетъ говорить чужими словами, но—если ужъ надо тебѣ ими говорить, говори точно. Текстъ—такъ текстъ. Не дѣлай другого автора отвѣтственнымъ за твое искаженіе. Нѣтъ памяти,—не лѣнись, возьми книгу и провѣрь по книгѣ.

Недобросовѣстная небрежность русской цитаты чудовищно выросла за послѣднее десятилѣтіе преувеличенно спѣшнаго письма и плохого—малаго или поверхностнаго—чтенія.

Къ сожалѣнію, В. В. Розановъ, въ этомъ печальномъ явленіи, былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ. Рѣшительно невозможно ни одной книги его въ руки взять безъ того, чтобы неряшество цитаты не покоробило васъ сквернымъ диссонансомъ часто въ очень красивой гармоніи. Это у него—фатальное, до смѣшного. Вчера понадобилась мнѣ справка о Григоріи Петровѣ въ книгѣ г. Розанова „У церковныхъ стѣнъ“, изданіи, во многихъ страницахъ своихъ дѣльномъ, полезномъ, смѣломъ и несомнѣнно талантливомъ. Разыскиваю нужный мнѣ матеріалъ, раскрываю первый томъ въ приблизительномъ мѣстѣ и—сразу попадаю на такія строки о какой-то интеллигентной „матушкѣ“:

— Я вспомнилъ Накрасовское (аго?) „мужичка съ ноготокъ“. „Только и работаемъ мы двое: батька и я“...

Ахъ, ты, Господи! да вѣдь это въ приходскихъ школахъ наизусть дѣти знаютъ! Даже совѣстно поправлять:

Семья то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...

Пятидесятый годикъ стихамъ. Пора бы помнить.

Всѣмъ русскимъ цитаторамъ слѣдовало бы взять въ примѣръ Г. В. Плеханова. Въ его послѣднемъ „Днев-

ЭР03159

никѣ соціалъ-демократа", посвященномъ полемикѣ съ г. Мартыновымъ, почти нѣтъ собственныхъ словъ: сыплется и слагается въ мозаику градъ ловко подобранныхъ цитатъ... Но подите-ка, поймайте-ка Плеханова на не точно заимствованномъ текстѣ. А вѣдь за границею человѣкъ живетъ, вдали отъ библіотекъ.

Василій Васильевичъ въ сердцахъ.

Нѣкто прислалъ мнѣ вырѣзку изъ „Новаго Времени" съ ругательною статьею г. В. Розанова.

По собственному сознанію г. В. Розанова, онъ „не писалъ бы этихъ строкъ, не встрѣть у него (т.-е. у меня) куплетовъ противъ себя". Искренность признанія, хотя наивна, но похвальна. Однако, къ сожалѣнію, она испорчена маленькою ложью и большимъ умолчаніемъ. Маленькая ложь г. Розанова: куплетовъ противъ г. Розанова въ книгѣ, на которую метнулъ онъ громы свои, нѣтъ, но есть одно четверостишіе:

„Вы Василію Васильевичу не вѣрьте,
Онъ исполненъ злой чепухи:
Справа—ангелы, но слѣва стоятъ черти
И шепчутъ ему въ уши грѣхи!"..

Это отрывокъ—изъ маленькой пародіи, которой сейчасъ идетъ седьмой годокъ (напечатана была въ „Руси" 1904 года въ апрѣлѣ). Опять исторія о мстительномъ мулѣ папы, который готовилъ ударъ свой семь лѣтъ!

Большое умолчаніе г. Розанова: четверостишіе, ему непріятное, онъ вычиталъ совсѣмъ не въ куплетахъ, но въ замѣткѣ о литературныхъ святошахъ-лицемѣрахъ, развращающихъ читающую публику, подъ предлогомъ вопросовъ богословія, смакованіемъ блудословія и подмѣняющихъ теологію фаллологіей. Г. Роза-

ЭР03159

нову дѣлаетъ честь, что онъ столь горячо вступился за свой цехъ. Но „куплеты“—то при чемъ же?

Въ существѣ моемъ г. Розанова болѣе всего безпокоитъ почему-то, что я очень большого роста и толстый, что подо мною „ломится кровать, когда онъ на ней спитъ, и расползается диванъ, на который онъ садится“. Не понимаю, какое дѣло г. Розанову до моей мебели? Сломается кровать — пошлю починить; расползется диванъ, другой куплю. Денегъ на починку не будетъ,—на полу постелюсь. Вамъ-то что?

Что касается огромнаго моего роста, я понялъ бы сокрушеніе г. Розанова, если бы онъ былъ моимъ портнымъ или сапожникомъ: при заказѣ, лишній расходъ матеріи на платье, кожи—на штиблеты. Но разъ г. Розановъ предпочелъ быть литераторомъ, то опять недоумѣваю:

— Въ чемъ ваше профессіональное огорченіе? Вамъ-то что?

Ну, если вамъ ужъ такъ обидно,—виноватъ, больше расти не буду. Я и самъ не радъ своей величинѣ, но—моя ли вина? Можетъ-быть, г. Розанову удастся усовершенствовать будущія поколѣнія рода человѣческаго въ единство болѣе пріятнаго ему образа и подобія, но покуда ничего не подѣлаешь, надо терпѣть: разный народъ подъ луною живетъ, не всѣмъ же быть плюгавыми!..

Второе безпокойство г. Розанова, зачѣмъ я живу въ Парижѣ, который онъ не забываетъ снабдить эпитетомъ „прелюбодѣйный“. Но, такъ какъ я уже четыре года не живу въ Парижѣ, то сія скорбь и негодованіе упраздняются, въ качествѣ похода — спустя лѣто, по малину. Радъ успокоить г. Розанова. Но опять: ему-то что?

Затѣмъ г. Розановъ сокрушается, что я не чуждъ преступной, хотя довольно распространенной, привычки давать заглавія статьямъ своимъ, и приводитъ возмутительный списокъ ихъ: „Послѣ праздника“, „При особомъ мнѣніи“, „О Боборыкинѣ, Чаевѣ, Дьяченко,

ЭР03159

Лихачевѣ", „Шлиссельбуржцы", „Айседора Дунканъ", „Николадзе" и пр. Ужасно! По увѣренію г. Розанова, „уже изъ каждаго заглавія торчатъ два выпученныхъ глаза Амфитеатрова и его огромные кулаки". Боюсь, что фантастическая галлюцинація г. Розанова—какъ изъ Айседоры Дунканъ торчатъ мои выпученные глаза или мои огромные кулаки изъ Боборыкина,—презлая тема для литературной карикатуры въ „Сатириконѣ".

Нападеніе свое на меня г. Розановъ творитъ въ большихъ попыхахъ. Поэтому онъ даже не успѣваетъ правильно назвать книгу, которую ругаетъ. Дважды она у него—торжественно, въ отдѣльную строку и въ разрядку,—печатается:

Завѣты Сердца.

И:

Замѣны Сердца.

Никогда я такихъ книгъ не издавалъ. Клеплетъ на меня г. Розановъ. Есть у меня книжка „Замѣты Сердца", но—почему же г. Розановъ думаетъ, что заглавіе „заимствовано изъ Парижа?!

И, если названіе „Замѣты Сердца", заимствовано „изъ Парижа", то въ какихъ соображеніяхъ г. Розановъ читаетъ мнѣ цѣлую лекцію о „вѣчно миломъ" Пушкинѣ? И даже импровизируетъ отъ моего имени воображаемый монологъ, въ которомъ я сравниваю себя съ Пушкинымъ? То-то, вотъ! „Вѣчно — милый Пушкинъ", а начнемъ цитировать „вѣчнаго милаго", сейчасъ же и навремъ.

Монологъ, приписанный мнѣ г. Розановымъ, очень глупъ. Есть и эта полемическая манера — изображать литературнаго противника такимъ дуракомъ, что читателю даже удивительно: охота же умнику о немъ разговаривать! Правду сказать, она уже и во времена „вѣчно милаго" Пушкина одряхлѣла, но—археологомъ быть никому не воспрещается. А вотъ, что касается навязанныхъ мнѣ въ монологѣ разсужденій о Россіи, такъ я очень совѣтую г. Розанову сводить свое во-

ЭР03159

ображеніе въ баню. Оно у него, какъ въ Сибири говорятъ, „заназмилось“ и бредитъ клеветами.

Г. Розановъ язвитъ меня, что „природа отняла у него (меня) *вкусъ*“. Курсивъ г. Розанова. Такъ какъ этотъ грабежъ меня природою выражается тѣмъ, что я смѣю находить многія изъ этическихъ статей г. Розанова литературой „тайнаго порока“, а моральнаго писателя г. Розанова медоточивымъ свѣтскимъ попикомъ-эротоманомъ изъ смѣшанной породы Головлевыхъ-Карамазовыхъ, то — да пребудетъ со мною безвкусіе мое даже до конца дней моихъ. Охотно уступаю г. Розанову превосходство во вкусѣ къ фаллологіи, въ обладаніе пожизненное и хоть потомственное!

Г. Розановъ рекомендуетъ мнѣ, отъ имени Фамусова:

Обрыскалъ цѣлый свѣтъ,
Не хочешь ли жениться?

Благодарю васъ, не надо: женатъ. А развѣ вы уже и сватовствомъ промышляете?

Впрочемъ, для г. Розанова, фамусовская мудрость— источникъ правильный и руководство послѣдовательное. Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе — Порфирію Владиміровичу Головлеву, конечно, кровная и идейная родня. Куда ближе и понятнѣе, чѣмъ „вѣчно-милый“ Пушкинъ, къ которому г. Розановъ пробуетъ такъ и этакъ „тихо“ приклеиться, но — не достаетъ гуммиарабику.

Заключаетъ свою атаку на меня г. Розановъ какою-то попыткою на стихи, въ коей я обзываюсь именами разныхъ домашнихъ животныхъ. Если этотъ ребяческій видъ полемики г. Розанова утѣшаетъ,—то я охотно отдаю въ арсеналъ г. Розанова всѣхъ остальныхъ полезныхъ тварей, которыми онъ еще не успѣлъ меня обругать. О стихахъ своихъ г. Розановъ, впрочемъ, самъ говоритъ, что „это очень плохо“, и называетъ ихъ „безвкусицей“. Да, откровенно говоря, вышло плоховендровато. Ругивали меня много лучше и

ЭР03159

искуснѣе. А знаете, почему плохо вышло? Совсѣмъ не книжка моя виновата, какъ вы жалуетесь, но — ужъ очень вы, Василій Васильевичъ, обозлились. Шутить же „обозлимшись“, — покушеніе съ негодными средствами.

Въ статьѣ г. Розанова набросано по моему адресу достаточное количество старыхъ сплетень и изжитыхъ намековъ частнаго свойства. Отвѣчать тѣмъ же,—внѣ моихъ литературныхъ правилъ и привычекъ. Да и не могу, потому что г. Розановъ, очевидно, интересовался моею личностью гораздо больше, чѣмъ я—его. Домашнія обстоятельства г. Розанова мнѣ неизвѣстны и нелюбопытны. Фигура его, для меня, опредѣляется только тѣми его произведеніями, которыя я читалъ, и статьею Владиміра Соловьева „Порфирій Головлевъ о вѣрѣ и свободѣ совѣсти“.

Г. Розановъ торжествуетъ по тому поводу, что:

> Перелѣзая черезъ заборъ, онъ всегда оборвется.
> Пролѣзая въ амбаръ,—на гвоздь напорется.
> Отъ боли кричитъ.

Случается это, случается, что кричу отъ боли. Потому что „таковы вѣчно обстоятельства россійскія“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Розановъ, и оборваться съ высокаго забора, либо до крови напороться на ржавый гвоздь — штука болѣзненная. Люди фамусовской морали и молчалинской кройки ея не испытали, да и не испытываютъ. Но я все-таки предпочитаю эти непріятности постыдно-мирному существованію ласковаго теленка, который, какой заборъ ни выстроятъ предъ нимъ „обстоятельства россійскія“, только полижетъ его съ кроткимъ мычаніемъ и сейчасъ же изобрѣтетъ умильную позицію, какъ къ забору приспособиться, чтобы подъ нимъ, заборомъ, подножный кормъ обрѣсти. Напарываться на гвозди — обидно и тяжко, но избрать для себя благую часть инструмента, который во всякое отверстіе безъ мыла влѣзаетъ, не по патурѣ мнѣ, претитъ. В. В. Розановъ можетъ, если

ЭР03159

угодно, отнести и эту брезгливость къ моему „безвкусію“.

Г. Розановъ попрекаетъ меня, что я все разрушаю и ничего не создаю. Что же дѣлать?! „Таковы вѣчно обстоятельства россійскія“. Вотъ—г. Розановъ старше меня и годами, и литературною дѣятельностью, и никогда не разрушалъ а все только охранялъ и созидалъ. И времени къ созиданію имѣлъ больше, ибо — чѣмъ онъ тоже меня укоряетъ—ссылаемъ не былъ и въ „прелюбодѣйный“ Парижъ не „бѣжалъ“. Тѣмъ не менѣе, адресъ пирамиды, созижденной г. Розановымъ, мнѣ, покуда, что-то неизвѣстенъ, и народъ о ней безмолвствуетъ. Мнѣ въ утѣшеніе, остается хоть афоризмъ, что „die zerstörende Kraft ist die schaffende Kraft“. Но строить цѣлую жизнь колоссальный щитъ и, въ елейно блудномъ самодовольствѣ, плясать вокругъ него юродивыя пляски, молитвенно къ оному прикладываться и другихъ, подмигивая, приглашать,— это, какъ бы г. Розановъ ни расписывалъ соблазнительно,—незавидное зиждительство и, выражаясь изящнымъ полемическимъ языкомъ г. Розанова, „чортъ знаетъ, на что“ оно нужно? Къ тому же, сдается мнѣ, даже и тутъ старецъ Григорій Распутинъ г. Розанова предупредилъ и обогналъ, ибо, покуда г. Розановъ смаковалъ теорію, мужественный старецъ принялся за практику и сдѣлался ею весьма прославленъ.

Такъ, нѣкогда менѣе геніальный, но болѣе практическій Америго Веспуччи похитилъ честь названія Америки у великаго Колумба!

Святочные разсказы.

I.

Отъ чистаго сердца.

Нѣкоторый министръ финансовъ, завалившій отечество свое тяжкими налогами, вышелъ однажды, какъ

ЭР03159

оно ни странно, погулять. Гулялъ превосходно и въ полномъ одиночествѣ: впереди пыхтѣлъ сотрудникъ-автомобилистъ, позади катились сотрудники-велосипедисты, надъ головою подоблачно рѣялъ сотрудникъ-аэропланистъ. Тѣмъ не менѣе, навстрѣчу министру попался дьяволъ.

— Мое почтеніе!—привѣтствовалъ онъ министра.

— Здравствуйте! — благосклонно отвѣтствовалъ министръ.

— Если не ошибаюсь,—господинъ министръ финансовъ?

— Немножко.

— Очень пріятно!

— А вы, сколько могу судить,—господинъ Азефъ?

— Не совсѣмъ.

— Господинъ Гартингъ?

— Почти.

— Въ такомъ случаѣ...

— Не ломайте головы, господинъ министръ: я—просто дьяволъ.

— Дьяволъ?

— Дьяволъ. Только дьяволъ. Diabolus sum et nihil diabolici a me alienum esse puto.

— Очень радъ познакомиться съ такою могущественной особой.

— О, помилуйте! Вы слишкомъ любезны. Честь всецѣло на моей сторонѣ. Ну, какая же я могущественная особа? Вотъ — вы... Признаюсь, господинъ министръ, что я съ большою завистью наблюдаю вашъ несравненный талантъ — со всего, что только видитъ глазъ вашъ и слышитъ ухо ваше, немедленно и непремѣнно отстричь кусочекъ въ свою пользу.

— Не въ свою, а въ государственную,— поправилъ министръ.

Но дьяволъ безпечно возразилъ:

— Это все равно.

Министръ не сталъ спорить.

— Однако,— сказалъ онъ, подумавъ, — чему же вы

ЭР03159

именно въ этой моей способности завидуете? Развѣ вы существуете не въ тѣхъ же условіяхъ?

— О, далеко нѣтъ!—вздохнулъ дьяволъ.

— А я слышалъ, что даже въ значительно лучшихъ.

Дьяволъ возразилъ учительно:

— Людямъ вообще, а въ особенности министрамъ финансовъ, изыскующимъ предметы и средства обложенія, свойственно преувеличивать доходы и капиталы своихъ ближнихъ.

— Однако,—сказалъ министръ,—насколько мнѣ извѣстно, въ то время, какъ мы беремъ, правда, со всего, но лишь нѣкоторую часть, вы имѣете возможность забирать предметы en bloc, возмѣщая розницу оптомъ?

— Такъ-то оно такъ,—вынужденъ былъ согласиться дьяволъ,—но зато какія же ограниченія!

— Напримѣръ?

— Прежде всего, я магистратъ безъ иниціативы. Тогда какъ вы,—на что упадетъ вашъ взоръ, на то и наложите руку-владыку, я, горемычный, уполномоченъ брать только тѣхъ и то, кого и что люди сами ко мнѣ посылаютъ.

Министръ вѣжливо улыбнулся.

— Да, конечно, de jure, это—норма, но de facto... согласитесь, что по нынѣшнему времени оно—если не все, то почти все. Кого же и что же теперь не посылаютъ, pardon, къ чорту?

— Много-то, много,—прибавилъ дьяволъ.—Молодые старыхъ ко мнѣ. Старые молодыхъ къ моей матери.

— Тсс! — остановилъ министръ. — Нельзя. О чертовой матери нельзя.

— То-есть, — почему же это нельзя? Позвольте! Я въ нѣкоторомъ родѣ сынъ. Имѣю родственное право.

— Нельзя. Князь Волконскій услышитъ и лишитъ васъ слова.

— Нѣтъ, онъ—рыцарь Кузькиной матери, а я про свою. Для моей запретныхъ прецедентовъ не имѣлось.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ министръ,—источ-

ЭР03159

ники доходности предоставлены вамъ преобильные. Небось, крючьевъ не хватаетъ загребать? Закажите-ка намъ, дайте казеннымъ заводамъ заработать.

Дьяволъ уклончиво отвѣчалъ:

— Я, знаете, больше за границей, черезъ посредство француза Захарова.

— А! — сказалъ министръ уважительно, — это тоже хорошо, хотя требуетъ куртажа. Но тогда, извините, на что же вы жалуетесь? Располагая солидною рентою и принимая во вниманіе крупное наслѣдство, которое вы получите отъ вашей почтенной матушки...

Дьяволъ оборвалъ пословицей:

— Когда чортова мать помретъ, а она еще и не хворала!

Министръ пожалъ плечами.

— Не хотѣлъ бы обидѣть васъ сравненіемъ, но вы, извините меня, ноете — совершенно какъ русскій мужикъ на душевой полудесятинѣ послѣ урожая.

— Или,—подхватилъ дьяволъ,—егермейстеръ, огорченный насчетъ нефтеносныхъ земель.

Министръ дружески поморщился.

— Cher! Между порядочными людьми... Къ чему личности?

Дьяволъ продолжалъ:

— Жировать не жировать, но жить было бы можно. Но, къ сожалѣнію, мнѣ навязано на шею еще одно условіе. Мало, чтобы человѣкъ послалъ ко мнѣ нѣчто. Надо, чтобы онъ имѣлъ нравственное право послать и посылалъ бы отъ чистаго сердца.

— Tiens! — воскликнулъ министръ, — неужели? Не зналъ. Вотъ затрудненіе.

— Вы даже представить себѣ не можете, какъ рѣдко это совмѣщается—желаніе по нравственному праву и отъ чистаго сердца.

— Напротивъ, почтеннѣйшій, прекрасно понимаю и охотно вѣрю. Воображаю, что сталось бы съ государственною наличностью, если бы въ казну поступали только тѣ налоги, на которые мы имѣемъ нравствен-

ЭР03159

ное право! А ужъ это чистое сердце... Да неужели, въ самомъ дѣлѣ, имѣется такой параграфъ?

— И очень.

— Удивительно! Вотъ онѣ... хваленыя конституціи! То-то вы такой... pardon... не въ одеждахъ брачныхъ.

— Гдѣ же намъ въ автомобиляхъ-то разъѣзжать! Не по состоянію.

— Еще бы! еще бы! Но,—простите нескромный вопросъ,— скажите: неужели, при подобныхъ ужасныхъ условіяхъ, вамъ еще хоть что-нибудь перепадаетъ?

Дьяволъ ухмыльнулся нѣсколько загадочно и отвѣчалъ:

— Бываетъ.

— Непостижимо!

— А фактъ.

— Если бы я регулировалъ поступленіе налоговъ даяніями отъ чистаго сердца, я убѣжденъ, что можно было бы упразднить государственное казначейство, да и въ министерствѣ финансовъ сохранить только департаментъ внѣшнихъ займовъ.

— Очевидно,— замѣтилъ дьяволъ не безъ язвительности, — мои доброхотные датели надежнѣе вашихъ временно-обязанныхъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они шли между домовъ съ обандероленными дверями, окнами, дымовыми и водосточными трубами, ступая обандероленными сапогами по обандероленному тротуару. Министръ добродушно говорилъ:

— Вотъ, видите, у насъ уже все обложено: земля, вода, строеніе, освѣщеніе, отопленіе, колокольный звонъ, Леонидъ Андреевъ, льготы по воинской повинности, знаніе иностранныхъ языковъ, балетныя па, декадентскія рифмы, холерныя бациллы, видъ на Адмиралтейство, употребленіе носового платка, стрижка волосъ и купоновъ, Діонисовы дѣйства, мѣховые воротники, драматурги, летательные аппараты г. Татаринова, сапоги въ смятку и ѣдущіе Андроны. Не укажете ли вы мнѣ, по дружбѣ, средства, какимъ бы

ЭР03159

способомъ обандеролить воздухъ, коимъ мы дышимъ? А равно и слова, вылетающія изъ устъ обывателей подъ предлогомъ разговора? Я увѣренъ, что если бы хорошенько обложить право дыханія, то мы перешли бы въ новый годъ безъ дефицита и даже могли бы построить аэропланъ не аэропланъ, но все-таки маленькую „demoiselle“. Что же касается словообложенія, оно желательно не только въ интересахъ фиска, но и въ цѣляхъ внутренняго успокоенія страны. Подумайте, насколько сократится краснорѣчіе лѣвой, если надо будетъ говорить оклеенными словами и за каждое платить грошъ.

— Да, но вѣдь правая у васъ тоже разговариваетъ?—возразилъ дьяволъ.

Министръ подумалъ и отвѣчалъ:

— Ругательства и нечленораздѣльные звуки можно оставить безъ обложенія...

— Чортъ тебя возьми, окаянную!

Слова эти выкрикнулъ обандероленный ломовикъ, лупя обандероленной нахлесткой обандероленную клячу, которая, таща обандероленный возъ съ разнообразною и, конечно, обандероленною кладью, никакъ не могла взять ухаба и только безпомощно вертѣла обандероленнымъ хвостомъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что ухабъ не былъ обандероленъ.

— Дьяволъ бы тебя побралъ и съ возомъ вмѣстѣ! Накладываютъ тоже анаѳемы!

Дьяволъ шагалъ мимо и ухомъ не велъ: будто его не касалось.

Министръ удивился.

— Вы слышали?

— Слышалъ. Ерунда!

— Гмъ... не слишкомъ ли вы разборчивы? Лошадка старенька, но еще везетъ, а возъ нагруженъ преизрядно.

— Да развѣ это онъ отъ чистаго сердца ихъ чорту сулитъ? Просто — „фасонъ парле“, какъ говорятъ русскіе литераторы, когда припекаютъ кошкамъ хво-

ЭР03159

сты. Рѣшись-ка я исполнить его пожеланіе,—возьми у него эту дохлую клячу,—онъ зареветъ бѣлугой... Что это вы въ книжку записываете?

— На память: въ нашемъ обложеніи рыбной промышленности почему-то упущены изъ виду индивидуумы, ревущіе бѣлугой.

Дьяволъ ядовито посмотрѣлъ на государственнаго человѣка и спросилъ:

— Развѣ у васъ ревутъ бѣлугой еще индивидуально? Я думаю, давно—коллективъ!

— Тѣмъ больше причинъ къ обложенію, — кротко возразилъ министръ.

— Если такъ, то бѣлуга — узко. Вы расширьтесь, хватите заодно по тѣмъ, кто нѣмъ, какъ рыба.

— Tiens! Это идея!

— То-то!

— И даже двѣ. Тѣхъ, кто молчитъ, какъ рыба, я включу въ общій рыбопромышленный налогъ.

— Это—сотни милліоновъ!

— А тѣхъ, кто реветъ бѣлугой, подчиню особому, спеціальному, какъ за красную рыбу,—по возвышенному тарифу.

— Я рѣшительно въ восторгѣ отъ нашего знакомства!—воскликнулъ дьяволъ.

— Я также благословляю день и часъ, когда мы встрѣтились, — любезно отвѣтилъ министръ. — А насчетъ лошади, вы, пожалуй, правы. У русскаго человѣка, дѣйствительно, какая-то болѣзненная привязанность къ этой животинѣ. По крайней мѣрѣ, я знаю лишь одну лошадь, которую всѣ послали бы къ вамъ отъ чистаго сердца.

— Это двухмилліонную-то? На Знаменской площади, что ли?

— Да, отъ Субсидіи и Трубецкого... Вотъ бы вы взяли? А?

— А на что мнѣ она? Ветчину что ли дѣлать? Такъ я не ѣмъ.

— Pardon! Хотя я и министръ, но... сколько по-

ЭР03159

мню... ветчина производится совсѣмъ изъ другого... мяса!?

— Вы, я замѣчаю, В. В. Розанова не читаете?

— Долженъ сознаться, что, будучи обремененъ многочисленными служебными обязанностями...

— Напрасно. Мой любимый писатель.

— Неужели? Но вѣдь онъ, помнится, больше насчетъ божественнаго?

— Такъ что же? И пречудесное дѣло.—Именно потому.

— Я думалъ, что у васъ съ этою сферою контры?

— Э! Когда это было! Еще грибы не воевали! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Свѣтскихъ же вашихъ богослововъ я положительно люблю. Одинъ Бога ищетъ, другой Бога строитъ, а чорту-то и уютно въ серединкѣ.

— Но г. Розановъ, кажется, великій постникъ.

— Постникъ. Только посты у него скоромные. Вы про лошадь Трубецкого у него почитайте. Онъ ее постигъ. Разобралъ, какая это лошадь.

— Pardon... Неужели... „Конь Блѣдный“?

— „Конь Блѣдный“? Что такое „Конь Блѣдный“? Ахъ, да! Знаю! Охота вспоминать о покушеніи съ негодными средствами! Нѣтъ, не „Конь Блѣдный“. Просто—„Свинья“.

— Что-о-о?

— „С в и н ь я“. Съ большой буквы, въ разрядку и въ ковычкахъ.

— Послушайте! Это оскорбительно... Я патріотъ!

— Господинъ Розановъ тоже.

— Да вѣдь конь-то—кто? Вспомните: Россія!

— А Россія, по Розанову,—„свинья“.

— Милостивый государь!

— Я не милостивый государь!

И дьяволъ оскалился такъ выразительно, что министръ невольно оглядѣлся, далеко-ли сотрудникъ-автомобилистъ, высоко-ли витаетъ сотрудникъ-аэропланистъ и бдятъ-ли сотрудники-велосипедисты. И, лишь убѣдясь, что всѣ на своихъ мѣстахъ, подумалъ:

ЭР03159

— Да, милостиваго въ этомъ государѣ немного. Mais... à la guerre, comme à la guerre!

И, смиривъ пылъ и голосъ, продолжалъ съ кротостью:

— Вы, я вижу, не любитель ветчины. А, между тѣмъ, ветчина способствуетъ правильному пищеваренію. Вотъ тоже, скажу вамъ, физіологическій процессъ, достойный обложенія, но еще не использованный. Худо-ли, хорошо-ли пищеварить каждый обыватель, за исключеніемъ совершенно непроизводительныхъ классовъ, каковы, напримѣръ, актеры безъ ангажемента, или классовъ, хотя и производительныхъ—каково крестьянство подъ благодѣяніемъ ноябрьскаго закона,—но уклоняющихся варить въ организмѣ своемъ пищу подъ тѣмъ предлогомъ, будто пища въ нихъ не поступаетъ. Между тѣмъ, повторяю, широко распространенная и необходимая функція пищеваренія до сихъ поръ несправедливо ускользала отъ государственнаго контроля и оставалась безполезною для фиска. Это тѣмъ болѣе неправильно и, даже позволю себѣ назвать, преступно, что пищевые продукты, принимаемые въ себя сынами нашего отечества, обложены мною всѣ безъ исключенія и довольно высоко. Слѣдовательно, въ мѣрѣ своего обложенія, они представляютъ собственность государства и, глотая эту мѣру, гражданинъ глотаетъ государственую собственность. Такимъ образомъ, оказывается, что все наше обывательство питается на государственный счетъ, а пищеварить норовитъ на даровщину, даже не помышляя о платежныхъ обязанностяхъ къ государству. Согласитесь, что это противно правовой логикѣ. Если ты проглотилъ государственную причину, то перевари посылки и подай мнѣ государственное слѣдствіе или заключеніе. Только тогда закругляется силлогизмъ.

— Виноватъ,—сказалъ дьяволъ,—вы изволили упомянуть: „всѣ пищевые продукты“. Ну, а, напримѣръ материнское молоко?

Министръ побѣдительно улыбнулся.

ЭР03159

— Не угодно ли вамъ обратить вниманіе; нищая на паперти кормитъ младенца... Васъ, monsieur le diable, паперть не безпокоитъ?

— Нисколько.

— Однако, Шаляпинъ въ оперѣ „Фаустъ“...

— Голая клевета. Если какого-нибудь Иліодора или Іону Восторгова на папертяхъ не корежитъ, то меня-то почему?

— Такъ вотъ-съ: обандероленная нищая на паперти кормитъ собственнаго обандероленно-рожденнаго ребенка обандероленною грудью. Сама она обандеролена, во-первыхъ, за право прошенія милостыни и, во-вторыхъ, за право дѣторожденія. Ребенокъ—за право появленія на свѣтъ. И грудь—дважды: съ женщины — за право имѣть молоко, и съ дитяти — за право сосать оное.

— На молоко-то слѣдовало бы, кромѣ того, брать торговое свидѣтельство,—замѣтилъ дьяволъ.

Министръ даже по ляжкѣ себя ударилъ:

— Вы правы!

— И паперть почему-то оставили безъ бандероли?

Министръ изобразилъ на лицѣ своемъ сожалительную мину.

— Знаю, но тутъ ничего не подѣлаешь: союзъ русскаго народа, Антоній Волынскій, почаевцы, Иліодоръ, Софья Смирнова... Еще Гермогенъ саратовскій анаѳемой проклянетъ...

— Ну, вотъ! Что вы—Леонидъ Андреевъ, что ли?

— А, скажите, пожалуйста: этотъ господинъ Анатэма, за котораго пострадалъ Леонидъ Андреевъ, онъ вамъ какъ приходится? Родня или...

— Даже не однофамилецъ! — невольно перебилъ дьяволъ. — Такъ, съ вѣтра: набивается въ черти, но изъ орловскихъ мѣщанъ. Только и важности, что пишетъ себя черезъ „твердо“ и „э оборотное“, тогда какъ онъ есть совершеннѣйшая, безспорнѣйшая ѳита...

— Если бы я былъ писателемъ Леонидомъ Андреевымъ,—задумчиво разсуждалъ министръ,—или акте-

ЭР03159

ромъ Николаемъ Ходотовымъ, я не убоялся бы анаѳемы. Публика это любитъ, чтобы авторовъ отлучали отъ церкви или предавали анаѳемѣ. Я думаю поскорѣе обложить этого „Анатэму“ спеціальною пошлиною, потому что театры съ „Анатэмой“ полнымъ полны и, благодаря Гермогену, будутъ еще полнѣе. Но, къ сожалѣнію, я сочиняю не театральныя пьесы, но государственную роспись.

— Тоже порядочная... „Анатэма“! — пробормоталъ дьяволъ.

Въ это время младенецъ нищей, вѣроятно, засосавъ, вмѣстѣ съ молокомъ матери, кусокъ бандероли, расчихался, расперхался, раскашлялся и началъ визгливо ревѣть.

— Молчи, душка! Молчи, радость!—баюкала мать.— Молчи, азіатъ, хоть бы чортъ тебя взялъ!

Министръ покосился на дьявола. Дьяволъ даже не оглянулся.

— Лѣнивъ!—съ сожалѣніемъ подумалъ министръ.— Не глупъ и способенъ, но... лѣнивъ!

И осторожно тронулъ дьявола за локоть.

— Вы слышали?

— Что?

— Эта женщина предложила вамъ взять ея ребенка.

— Спасибо. Самому дороже.

— Вы не любите дѣтей? А, между тѣмъ, мальчикъ, кажется, ничего себѣ, такой здоровый...

— Послушайте, господинъ министръ, ну, гдѣ же вы слыхали, чтобы мать посылала свое дитя къ чорту отъ чистаго сердца?

— Право, многоуважаемый, вы ужъ слишкомъ ригористъ. Всегда возможно придумать юридическую обстановочку, инсценировать легкій обходецъ закона...

— О? Ну-ка, подыщите статью, утверждающую нравственное право чорта отнять у матери ея ребенка?

— Статьи нѣтъ,—мягко сказалъ министръ,—но сенатскія рѣшенія допускаютъ расширительное толкованіе.

ДВГНБ

ЭР03159

— Господинъ министръ! — вскричалъ дьяволъ. — Какъ ваша фамилія?

— Моя фамилія?—растерялся министръ.—Моя фамилія?.. У меня нѣтъ фамиліи!

— Помилуйте! Такое приключеніе только съ Расплюевымъ было!

— На что вамъ моя фамилія?—оправился министръ.

— Да такой вы умный и покладистый, что я ужъ усомнился: тотъ ли вы, за кого я васъ принимаю? Не самъ ли вы г. Гурляндъ?

— Нѣтъ,—сказалъ министръ, — я не Гурляндъ, и Гурляндъ, къ сожалѣнію, еще не министръ. И врядъ ли скоро имъ будетъ. Ему дѣдушка въ Одессѣ мѣшаетъ.

— Неужели старикъ живъ еще?

— Нѣтъ, лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ какъ померъ. Но въ томъ-то и бѣда.

— Не понимаю.

— Не предвидя возможности столь замѣчательнаго внука, легкомысленный старикъ похоронился не на томъ кладбищѣ, которое благопріятствуетъ государственной карьерѣ.

— Ага!

— Ему бы успокоить кости на новомъ христіанскомъ, а его, вообразите, занесло на старое еврейское. Старику-то на лонѣ Авраамовомъ пріятно въ своей компаніи, а внукъ—терпи въ чужомъ пиру похмелье. Будь дѣдушка живъ, дѣло обошлось бы. Записалъ бы г. Гурляндъ старика въ Русское Собраніе, и подносилъ бы теперь старикъ генералу Толмачеву адресъ въ серебряной папкѣ, и поила бы его генеральша Толмачева en petit comité чаемъ изъ собственныхъ ручекъ... пилъ же г. Авиновицкій! Но—мертвый раввинъ? Я спрашиваю васъ: какимъ способомъ можно окарьерить мертваго одесскаго раввина даже такому внуку, какъ Илья Яковлевичъ Гурляндъ? И вотъ, въ концѣ-концовъ,—работай за цѣлое министерство, сраму принимай на себя за два, а министромъ—не бывать... Невозможно! Неслыханно! Ни-ни ни!

ЭР03159

— Позвольте! — перебилъ дьяволъ,—что за толпа впереди? И по какому случаю шумъ?

Министръ кивнулъ одному изъ сотрудниковъ-велосипедистовъ. Тотъ прокатился туда и обратно и отрапортовалъ:

— Ничего особеннаго, ваше высокопревосходительство. Описываютъ по претензіи казны извозчичій дворъ, принадлежащій обывателю, не уплатившему 118 государственныхъ налоговъ.

— Знаете,—вдругъ оживился дьяволъ,—не подойдемъ ли мы туда? Я никогда не видалъ. Это интересно.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, — любезно согласился министръ.

Они пришли какъ разъ въ то время, когда судебный приставъ, весь красный, растрепанный, восклицалъ среди плача, воя и ругани хозяевъ описываемаго имущества:

— Господа! Я понимаю ваше неудовольствіе, но войдите въ мое положеніе, я то чѣмъ же виноватъ? За что ругаться, замахиваться кнутами и даже посылать меня къ чорту, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые? Развѣ я авторъ 118 налоговъ, приведшихъ васъ къ несостоятельности? Нѣтъ, я самъ плачу, т.-е. тоже не плачу тѣ же 118 налоговъ, и завтра кто-нибудь изъ моихъ коллегъ опишетъ мое имущество точно такъ же, какъ сегодня я описываю ваше. Значитъ, адресуйте ваши негодованія не ко мнѣ, маленькому служащему человѣку, но въ надлежащую творческую инстанцію податной системы, къ господину министру финансовъ...

— Чортъ бы его побралъ!—завопили хоромъ отчаянные голоса.

Министръ усмѣхнулся, стоя въ толпѣ.

— Вотъ грубый народъ! Совершенно не понимаетъ финансовой политики. А судебнаго пристава надо записать: неблагонадежный. Опись — не митингъ. Ты, знай, печати клади, а рѣчи произносить нечего...

И вдругъ съежился, почувствовавъ на плечѣ ког-

ЭР03159

тистую лапу дьявола,—между тѣмъ какъ извозчичій дворъ продолжалъ выть въ разноголосье:

— Дьяволъ его возьми! Чортъ его побери!

— Господинъ министръ! — сказалъ дьяволъ, глядя министру въ глаза,—а вѣдь это на сей разъ весьма и весьма отъ чистаго сердца?

Министръ позеленѣлъ.

— Мо... мо... можетъ ли быть?—пробормоталъ онъ.

— Да, ужъ будьте благонадежны. Въ серцахъ-то я читаю не хуже гг. Герасимова и Трусевича. Мнѣ очень прискорбно, г. министръ, но я долженъ васъ взять. Пожалуйте!

— Но... но...—протестовалъ министръ, — увѣрены ли вы въ своемъ нравственномъ на меня правѣ?

Дьяволъ осклабился, какъ Качаловъ:

— Объ этомъ мы поговоримъ по ту сторону добра и зла.

Свистнулъ, топнулъ—и только ихъ обоихъ и видѣли!

II.

Магъ и Бѣсъ.

Оккультическая поэма.

Ненавижу жизнь, бабищу румяную и дебелую.
Ѳ. Сологубъ.

I.

Жилъ нѣкій Магъ. Отдавъ химерѣ
Свой капиталъ,
Вдали людей, въ лѣсной пещерѣ,
Онъ обиталъ.
Онъ плоть свою возненавидѣлъ,
Возвысилъ духъ.
Когда вблизи онъ женщинъ видѣлъ,
Хотя бъ старухъ,
То послѣ цѣлый день плевался,
Кляня судьбу,
Водой студеной обливался
И спалъ въ гробу.

ДВГНБ

ЭР03159

Грѣхомъ считалъ онъ сокъ отъ гроздій
И даже квасъ.
Вверхъ остріемъ набиты гвозди
Въ его матрасъ!
Отвергъ скоромнаго продукта
Соблазнъ и адъ —
Жевалъ, опричь сухого фрукта,
Лишь мармеладъ.
Ругалъ онъ жизнь дебелой бабой,
Самъ былъ—какъ жердь,
И сѣкъ себя рукою слабой,
И славилъ смерть.
Любя пустыню и молчанье,
Отъ словъ отвыкъ,
Но испускалъ порой мычанье,
Какъ грустный быкъ.
Забылъ искусства нѣжный голосъ
И красоту
И отрастилъ щетиной волосъ
Вдоль по хребту.
Лишь Сологуба, по увѣчью
Ума, читалъ...
И книги въ кожу человѣчью
Переплеталъ!!!

II.

Лишенный всякаго комфорта,
Бѣглецъ людей,
Мечталъ смирить въ услугу чорта
Сей чудодѣй.
И чрезвычайно удивлялся,
Что въ видѣ дѣвъ
Къ нему нечистый не являлся,
Личину вздѣвъ.
Вотъ, наконецъ, его услышалъ
Злой Сатана.
Но камуфлетъ такой здѣсь вышелъ,
Что вотъ-те на!
Одѣтъ Людмилой Сологуба,
Изгой небесъ
Пришелъ, разсыпался сугубо,
Какъ „Мелкій Бѣсъ“.

ДВГНБ

ЭР03159

Плѣнился Бѣса красотою
Анахоретъ.
Смѣшался умъ его мечтою,
Какъ винегретъ.
Безъ комплиментовъ и подходовъ,
Онъ Бѣса хвать—
И, будто Алкину Триродовъ,
Сталъ раздѣвать.
Уже, къ побѣдѣ ада вящщей,
Онъ съ Сатаны
Сдираетъ лифъ рукой дрожащей
И—ахъ!—штаны!
Отъ смѣха сталъ проклятый дьяволъ
Краснѣй, чѣмъ ракъ.
Но этотъ дьяволъ мелко плавалъ
И былъ дуракъ!
Надъ Магомъ издѣваясь грубо,
Онъ въ то не вникъ,
Что Магъ—читатель Сологуба
И ученикъ.
Въ то время какъ, откинувъ ризы,
Въ сліяньи губъ,
Дальнѣйшей жаждалъ экспертизы
Злодѣй-суккубъ,—
Изъ-подъ скамьи отшельникъ лозу
Досталъ и—ну!
Вспоролъ, какъ Сидорову козу,
Онъ Сатану.
Сея внезапныя конфеты
Не ожидалъ
И, на манеръ Елизаветы,
Бѣсъ зарыдалъ.
Сбѣжались люди по оврагу
На чортовъ плачъ
И говорятъ, въ обманѣ, Магу:
„Ахъ, ты, палачъ!
Вѣдь ей теперь,—глядѣть краснѣемъ!—
Ни сѣсть, ни стать.
Чуковскимъ надо быть Корнѣемъ,
Чтобъ такъ хлестать!
Запротоколь его, урядникъ!
Онъ дѣвъ сѣчетъ!“
Рубцовъ переднихъ, сбоку, заднихъ
Составленъ счетъ,—

ДВГБ

ЭР03159

И Магу въ камерѣ судебной
Пришелъ аминь!
Покрытъ примочкою цѣлебной,
Отъ злобы синь,
Все разсказалъ безъ отговорки
Лукавый врагъ,
Какъ далъ его на обѣ корки
Влюбленный Магъ.
Лепечетъ Магъ о „Навьихъ Чарахъ“...
Но, гнѣвъ тая,
—Вамъ, сударь, мѣсто, въ янычарахъ!—
Сказалъ судья.
Въ какой нашелъ библіотекѣ
Вашъ праздный мозгъ—
Творить любовь въ двадцатомъ вѣкѣ
Посредствомъ розгъ?
Вы обратили дѣвы ляжки
Въ сплошной бифштексъ:
Такъ прохладитесь въ каталажкѣ,
Малл'дой ч'ловѣкъ-съ!!!

III.

Такъ отомстилъ нечистый ловкій
Свой пьедесталъ.
А Магъ, отбывши срокъ чижовки,
Писатель сталъ,
Весьма пространные романы
Пошелъ тачать
И плоти тайны и обманы
Изобличать.
Такія каверзныя рожи
Обрѣлъ въ грязи,—
Хоть пой:—Да расточатся, Боже,
Твои врази!
Такія чудища толкутся,
Что, просто,—бя!
Едва сойдутся,—ужъ сѣкутся
Промежь себя.
Фіоритуры этихъ арій
Плѣнили всѣхъ.
Стяжалъ онъ щедрый гонорарій,
Стяжалъ успѣхъ.

ЭР03159

Прекрасной матери-пустыни
Забылъ мѣста
И лупитъ чистой благостыни
Пятьсотъ съ листа!
Несутъ ему, по чувству долга,
Хвалу и дань
Нева, Сухона, Кама, Волга,
Ока, Кубань,
Дунай, Хоперъ, Иртышъ, Ахтуба,
Араксъ, Хоролъ:
„О, Магъ! Ты даже Сологуба
Перепоролъ!“
Другихъ же темъ онъ не находитъ,
Томимъ тоской,—
Зане духъ темный тайно водитъ
Его рукой.
Напрасно Магъ сюжетовъ ищетъ
Здѣсь на землѣ,
Напрасно въ небѣ рыщетъ-свищетъ
Звѣзду Ойле.
Напрасно жаждетъ онъ Маира
Среди планетъ:
Сего таинственнаго міра
На картѣ нѣтъ!
Чуть за перо—какъ заколодитъ!
Вотъ грѣхъ какой!
Начнетъ за здравіе, а сводитъ
Заупокой.

Контрактъ съ Сатаной.

Страшная исторія для святочныхъ вечеровъ.

На-дняхъ, отъ нечего дѣлать и за совершенною ненадобностью, я продалъ Сатанѣ душу свою. За сколько, не скажу, чтобы не приставали кредиторы, но дешево продалъ,—дешевле даже, чѣмъ г. Стракунъ купилъ у г. Куприна „по случаю“ новый томъ полнаго собранія

ДВГНБ

ЭР03159

сочиненій. Уложивъ контрактъ въ бумажникъ, Сатана сказалъ мнѣ:

— По условію, вамъ полагается отъ насъ отнынѣ и до конца дней вашихъ spiritus familiaris, духъ-служитель, помощникъ и исполнитель вашихъ желаній. Я пришлю вамъ его не позднѣе, какъ черезъ часъ. Въ виду вашихъ почтенныхъ лѣтъ и заслугъ передъ отечествомъ, постараюсь выбрать чорта посолиднѣе.

— Только, пожалуйста, если можно, не „Анатэму“!— попросилъ я.

— Конечно, нѣтъ!—любезно согласился Сатана.— Зачѣмъ Анатэму! Мы репутаціей фирмы дорожимъ и настоящему кліенту фальшиваго чорта не подсунемъ... Анатэма—молокососъ: даже еще и не чортъ совсѣмъ, а такъ—подчортье, изъ орловскихъ мѣщанъ. Къ Лейзеру какому-нибудь, по безграмотности послѣдняго, приставить его—еще куда ни шло, а къ литературному человѣку—гдѣ же! У него и словъ то своихъ еще нѣтъ, все цитатами изъ старинныхъ чертей жаритъ и по довольно сквернымъ переводамъ... А вы, небось, о Мефистофелѣ мечтаете? А?

— Да... знаете... съ умнымъ чортомъ все какъ-то и въ погибели быть веселѣе...

Сатана поморщился, словно русскій беллетристъ, врущій, будто получаетъ 1000 рублей за печатный листъ, услыхавъ, будто другой преуспѣлъ соврать, будто получаетъ 1200.

— Ну, еще бы! Люди вообще, литературные наипаче, всегда желаютъ Мефистофеля... Сдѣлайте одолженіе, ничего не имѣю противъ... Но только не совѣтую: раздутая репутація... собственно говоря, рекламистъ...

— Однако, г. Сатана, сколько извѣстно изъ трагедіи „Фаустъ“...

— Вотъ, вотъ! Я и говорю: везло этому Мефистофелю—сверхъ всякихъ заслугъ... Гёте, Ленау, Шуманъ, Берліозъ, Гуно, Бойто... А, въ концѣ-концовъ, не велика штука: такъ—просто, дьяволъ третьяго разряда. Вы „Огненнаго Ангела“ читали?

ЭР03159

— Немножко.

— Ну вотъ вамъ, тамъ Мефистофель безъ рекламы, такой, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Быть не можетъ! Это—балаганный шутъ, ярмарочный шпагоглотатель. Онъ кривляется въ самомъ дурномъ тонѣ, точно русскій критикъ-модернистъ... и даже, на потѣху публикѣ, сожралъ какого-то полового!

— Вотъ, вотъ! Представьте, какія разоблаченія! Мефистофель страшно взбѣшенъ на г. Валерія Брюсова. Даже собирался судиться за клевету, но передумалъ и теперь обвиняетъ его только въ диффамаціи.

— Ну, нѣтъ! Мефистофеля изъ „Огненнаго Ангела" я не хочу. Выносить близъ себя постоянное присутствіе фокусника и профессора бѣлой магіи—слуга покорный!

— Печально для меня сознаться, ибо Мефистофель мой лучшій другъ, но—фактъ. Прибавьте къ этому, что со времени приключенія своего съ докторомъ Фаустомъ, Мефистофель дьявольски устарѣлъ. Онъ растолстѣлъ, у него одышка, ожирѣніе сердца, ходитъ въ мягкихъ сапогахъ, потому что подагра въ копытѣ, острить сталъ—словно редактируетъ русскій сатирическій журналъ, паче всего соблюдающій себя, не заплатить бы за юморъ свой штрафа. Съ тѣхъ же поръ, какъ началъ пѣть Мефистофеля Шаляпинъ, мой бѣдный другъ невыносимо заважничалъ и зазнался. Даже передо мною задираетъ свой кривой носъ, хотя я, Сатана—въ качествѣ бѣса второго разряда,—насъ, сударь, всего трое во всемъ аду: Вельзевулъ, Веліалъ и я, вашъ покорнѣйшій,—прямое его начальство. Все, знаете, этакъ свысока:—обо мнѣ Гёте писалъ! Меня Шаляпинъ поетъ!.. И досаднѣе всего, что нечѣмъ даже, такъ сказать, перешибить его глупую гордыню, ибо, дѣйствительно, его поетъ Шаляпинъ, и о немъ писалъ Гёте, тогда какъ на долю мою, Сатаны, выпалъ только Яковъ Гординъ.

— А Мильтонъ?

— Да что же Мильтонъ? Слѣпая старина! Его то-

ЭР03159

перь только попы читаютъ, и то лишь тѣ, которые еще волосъ въ скобку не подстригаютъ и воротничковъ крахмальныхъ не носятъ.

— Но Альфредъ де-Виньи, Кардуччи, Алексѣй Толстой, Полонскій, Случевскій...

— Мелко! Понимаете: хорошіе сами по себѣ поэты, но мнѣ-то не по чину они, мелки... Вѣдь вотъ вы же Анатэму отвергаете, недотыкомки я вамъ и самъ не предложу,—знаю, что побрезгуете, — а подай вамъ Мефистофеля, Астарота, Бельфегора, Асмодея, то-есть какого-нибудь изъ князей тьмы... Такъ и мы имѣемъ свое самолюбіе. Вы бы мнѣ еще г. Сергѣя Городецкаго предложили, который о „чортякахъ“ пишетъ.

— Ну, за что же? Я понимаю васъ!

— То-то и есть. Нѣтъ, мнѣ бы, знаете, какого-нибудь Шиллера по-шекспиристѣе?

— У Бальмонта есть о васъ стихотвореніе весьма замѣчательное...

Сатана замахалъ на меня когтистыми, черными руками.

— Ш-ш-ш...

— Почему?—изумился я.

— Уже пролежала у васъ одна книга два года подъ арестомъ за это стихотвореніе. Хотите, чтобы еще досталось?..

— Э! Мнѣ не привыкать стать!

— Знаете ли,—сказалъ Сатана въ раздумьи,—мнѣ нравится эта система литературнаго преслѣдованья—съ передачею, словно игра въ пятнашки, и по круговой порукѣ. Вашу книгу арестуютъ за стихотвореніе Бальмонта, Григорія Петрова отдаютъ подъ судъ за вашу книгу, еще кого-нибудь будутъ судить за книгу Григорія Петрова, и такъ далѣе—по логикѣ предѣловъ досягаемости. Кого достанетъ коготь, того и тяни къ себѣ. Да! Я попробую перенять и ввести у себя подобные же порядки. Скажемъ: г. Левъ Тихомировъ, въ качествѣ еще живого, для меня недостижимъ,—такъ я вдвое поджарю, ну, покойника Грингмута, что

ДВГНБ

ЭР03159

ли. За Азефа—Дегаевъ на сковородѣ повертись. За Меньшикова—Іудушка Головлевъ...

— Позвольте!—остановилъ я,—какъ Іудушка Головлевъ? Развѣ онъ существовалъ когда-нибудь? Это же—Салтыкова сочиненіе, собирательный типъ, художественный миѳъ въ нѣкоторомъ родѣ?

Сатана согласно хлопнулъ глазами, что, дескать, да, да, знаю,—но возразилъ:

— Матеріализовался.

— Не понимаю! Если вѣрить спиритамъ, то матеріализоваться можетъ лишь бытіе, которое однажды физически существовало, но отнюдь не продуктъ воображенія.

— То-то, вотъ, и есть, что Іудушка Головлевъ—не продуктъ воображенія. Онъ типъ столь глубоко національный, ваше отечество столь напитано атомами его многократнаго и реальнѣйшаго существованія сѣмо и овамо, тогда-то и тогда-то, въ разныхъ званіяхъ и подъ разными именами, что стоило лишь появиться достойному медіуму, и разсѣянная субстанція Іудушки быстро собралась во-едино и влѣзла въ его оболочку, какъ въ свою собственную. Покойный В. С. Соловьевъ, съ которымъ я путешествовалъ вмѣстѣ по озеру Сайма и Мраморному морю и, вообще, былъ большой пріятель, хотя и случалось намъ довольно остро диспутировать по богословскимъ вопросамъ,—полагалъ, что Іудушка явился въ міръ подъ псевдонимомъ В. В. Розанова. Онъ ошибался. Оптимистическій обманъ! В. В. Розановъ не болѣе, какъ маленькій и робкій предтеча. Истинный Іудушка Кровопивушка воплотился для земли только съ тѣхъ поръ, какъ возблистало патріотическое перо автора „Писемъ къ ближнимъ“.

— Виноватъ! Но если г. Меньшиковъ и Іудушка, какъ слѣдуетъ изъ словъ вашихъ, суть одно и то же лицо...

— Совершенно одно и то же.

— То мнѣ не совсѣмъ ясно: какимъ же образомъ вы собираетесь мучить Іудушку Головлева въ аду,

ЭР03159

тогда какъ М. О. Меньшиковъ находится въ вожделѣнномъ здравіи и печатаетъ фельетонъ за фельетономъ, изъ недѣли въ недѣлю, поѣдая безъ остатка непріятныя ему народности, религіи и сообщества?

— Вы, должно-быть, Данта слишкомъ давно читали,—возразилъ мнѣ Сатана.— Забыли. Это самое обыкновенное дѣло съ подобными г. Меньшикову господами. Мы вынимаемъ у нихъ заживо душу и отправляемъ ее, сообразно назначенію, въ подлежащее отдѣленіе преисподней, а на мѣсто души сажаемъ въ тѣло соотвѣтственнаго чорта съ подробною инструкціей, какъ ему до поры до времени дѣйствовать, чтобы не разоблачить своего инкогнито. Душа г. Меньшикова—Іудушка Головлевъ—сидитъ весьма глубоко въ аду, но читатели того не замѣчаютъ, ибо нами посаженъ въ тѣло г. Меньшикова чортъ столь юркій, дѣятельный, расторопный и многорѣчивый, что, въ суматохѣ его, не только постороннимъ, но даже и самому г. Меньшикову рѣшительно некогда къ себѣ прислушаться и догадаться, что онъ, г. Меньшиковъ, —живой покойникъ и мыслей своихъ не имѣетъ, а шипитъ и строчитъ только то, что ему чортъ нашепчетъ. Къ сожалѣнію, бѣдный чортъ началъ уже уставать и просится въ отпускъ...

— Недоволенъ?

— Жалуется, будто ему въ г. Меньшиковѣ совѣстно и душно... А замѣстить некѣмъ. Никто не идетъ ни за какой окладъ и служебныя перспективы. Предпочитаютъ даже въ палачи... Да-съ.. Такъ въ бѣдномъ Мефистофелѣ вы разочаровались... Демонъ вамъ, пожалуй, того... уже не по возрасту?

— Отпѣлъ я Демона, почтеннѣйшій господинъ Сатана! Сѣдая голова и восемь пудовъ вѣса! Какія ужъ мнѣ Тамары! Да и Рубинштейнъ-то успѣлъ уже выйти изъ моды.

— Лермонтову памятникъ, однако, ставятъ?

— Да, вѣдь, это такъ—для коллекціи недоразумѣній. Въ Россіи памятниковъ нѣтъ: одни бронзовыя не-

ЭР03159

доразумѣнія. Недоразумѣніе о Гоголѣ, недоразумѣніе о Глинкѣ.

Сатана соображалъ.

— Асмодея дать вамъ я не могу. Это очень сладострастный бѣсъ; помните, какъ онъ, безстыдникъ ухаживалъ за Сарою, невѣстой Товія? Мы приставляемъ его только къ особамъ аскетическаго образа жизни, а изъ свѣтскихъ—къ одному В. В. Розанову. Да и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пишетъ статьи о цѣломудренныхъ предметахъ. Для коментаріевъ и экзегезы, знаете... А ужъ анекдотцы г. Розанову что же совѣтовать? Онъ ихъ самъ лучше нашего знаетъ. Пройдется по Прологу,—сейчасъ и подберетъ—хи-хи-хи—маленькое этакое словоблудьице...

Сатана задумался, потомъ воскликнулъ:

— Послушайте! Попробуйте положиться на мой выборъ. Что вамъ въ имени? Вы же, въ нѣкоторомъ родѣ, историческій матеріалистъ. Слѣдовательно, должны понимать, что не имена дѣлаютъ событія. Позвольте прислать къ вамъ чорта, который, правда, не успѣлъ еще сдѣлать себѣ имени и никому неизвѣстенъ, кромѣ ближайшихъ сотрудниковъ... Вы поморщились?

— Знаете, въ настоящее время это прекрасное нѣкогда слово...

— Помилуйте! Предразсудокъ! Будьте, какъ В. Л. Бурцевъ: руки—въ перчатки, бесѣда—съ кѣмъ угодно, показанія—отъ кого угодно, мемуары и признанія—чьи угодно, лишь бы съ провѣркою. Зато ручаюся: получите превосходнаго чорта, настоящаго чорта нашего времени...

— И онъ всегда долженъ будетъ оставаться со мною?

— Обязательно. Это по кодексу!

— Однако, погодите: въ какомъ же качествѣ, я его при себѣ держать долженъ?

— Ахъ, это безразлично! Какъ вамъ будетъ угодно! Мы не самолюбивы. Spiritus familiaris папы Сильвестра, а также впослѣдствіи Корнелія Агриппы чувствовалъ себя недурно даже во образѣ чернаго пуделя. Вашъ—

ЭР03159

если вамъ угодно—можетъ состоять при васъ лакеемъ, что ли, или выдайте его за родственника, пріѣхавшаго изъ Таганрога...

— Да у меня въ Таганрогѣ нѣтъ родственниковъ... У Чехова были, а у меня нѣтъ.

— Это все равно. Мы насчетъ паспортовъ—богаче сыскного отдѣленія. Выдадимъ кому угодно какой-угодно,—хоть шесть, хоть семь, хоть десять. Итакъ, полагаетесь вы на мое слово? Согласны?

— Да, но съ тѣмъ, чтобы—въ случаѣ, если окажется негоднымъ...

— Перемѣнимъ-съ! Съ совершенною готовностью перемѣнимъ... Кабы выбора не было, а то вѣдь, насъ, чертей, по статистикѣ Ѳомы Кантипратійскаго, десять тысячъ билліоновъ. Да-съ!

— Вотъ—наши финансисты-то не знаютъ!—воскликнулъ я.

Сатана осклабился.

— Да-съ!—повторилъ онъ,—это, если по копейкѣ въ годъ обложить, и то сто билліоновъ рублей выйдетъ. Не только есть на что дрэднауты строить, но даже возможно повторить субсидію г. Татаринову на аппаратъ, который летаетъ, но не летитъ единственно потому только, что не можетъ взлетѣть, а—взлетѣлъ бы, такъ и полетѣлъ бы. Итакъ, до свиданья.

— Мое глубочайшее... Позвольте! Двери направо, а это печка.

— Не безпокойтесь: я всегда въ трубу. Не трудитесь провожать. Я въ трубу.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, открыть вамъ вьюшки. Иначе вы можете толкнуться рогами ..

— О ничего! Совершеннѣйшіе пустяки! Очень былъ радъ познакомиться, къ намъ милости просимъ.

— Да, я, знаете, домосѣдъ...

Фюить! Алле!—какъ говоритъ А. И. Купринъ. Сатана исчезъ въ трубѣ. А не прошло и часа, какъ звонокъ на подъѣздѣ возвѣстилъ мнѣ о прибытіи spiritus'a familiaris'a.

ЭР03159

Онъ имѣлъ видъ чрезвычайно презентабельный, и дворникъ несъ за нимъ превосходныя дорожныя вещи. На носу красовались золотыя очки. Одѣтъ онъ былъ въ штатское платье, но въ фигурѣ чувствовалась военная выправка, и ноги ступали по паркету съ замѣтной привычкою къ маршировкѣ и шпорамъ. Лицо его, широкое, румяное, полное, въ бакенбардахъ, дышало здоровьемъ, но глаза бѣгали неуловимо и какъ бы нѣсколько растерянно. Все это крупичатое существо, видимо, бывшее почему то въ не малой тревогѣ, показалось мнѣ до того знакомымъ типически, что я, совершенно забывъ, что вижу передъ собой чорта, встрѣтилъ его невольно сорвавшимся восклицаніемъ:

— Чего вы, г. интендантъ, боитесь? Сенатора Гарина здѣсь нѣтъ.

Онъ слегка покраснѣлъ, покосился на дворника и пробормоталъ:

— Гарина-то нѣтъ, да... что же? Развѣ одинъ Гаринъ?

Я, желая, чтобы все въ нашихъ отношеніяхъ сразу стало на свое мѣсто, объяснилъ дворнику, согласно договору съ Сатаной:

— Это мой дядя. Пріѣхалъ изъ Таганрога. Будетъ жить со мною.

Къ удивленію моему, при словѣ „дядя“, чорта перекосило самымъ ужаснымъ образомъ, а дворникъ вытаращилъ глаза, полные подозрѣнія и испуга.

— Господинъ грѣшникъ!—съ нервностью обратился ко мнѣ чортъ, едва дворникъ, странно качая головою, вышелъ изъ комнаты,—зачѣмъ вы съ мѣста въ карьеръ устраиваете мнѣ непріятности и запугиваете мною этого идіота? Вотъ онъ теперь стоитъ тамъ за дверью, подслушиваетъ и крестится со страха. Это мнѣ очень нездорово, я могу расточиться.

Я былъ очень изумленъ.

— Простите, но рѣшительно не понимаю, чѣмъ же я могъ его напугать?

Чортъ пожалъ плечами.

ЭР03159

— Кричите: „дядя! дядя!“... Кто же теперь называетъ новопріѣзжаго съ вещами—при постороннемъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе, дворникѣ—своимъ дядею? Вы, я вижу, совершенно не въ курсѣ русской хроники.

Я извинился. Но, все-таки, этотъ маленькій инцидентъ сразу установилъ между нами нѣкоторую неловкость и холодокъ. Я молчалъ, не зная, какъ сломить ледъ. Чортъ стоялъ среди комнаты въ совершенной безпомощности и оглядывалъ всѣ окружающіе предметы съ видомъ крайняго недовѣрія и недоброжелательства.

— Судя по вашимъ дорожнымъ вещамъ,—началъ я,—вы прибыли очень издалека...

— Верстъ сто тысячъ отмахалъ.

И нигдѣ не отдыхалъ!

пробормоталъ онъ съ желчностью.

— Садитесь,—пригласилъ я. Вы, вѣроятно, очень устали?

— Куда прикажете?—спросилъ онъ не безъ иронiи въ тонѣ.

— Вотъ—диванъ .. кресла...

— Диванъ?.. Кресла?..

Въ голосѣ чорта слышались ноты все большей горечи, все ядовитѣйшей кислоты.

— Нѣтъ, ужъ, почтеннѣйшiй, сидите на диванѣ и креслахъ, если вы такой смѣлый, сами, а мнѣ позвольте—по-просту на паркетѣ... безопаснѣе!

— Какъ угодно!—сказалъ я, недоумѣвая про себя: чортъ знаетъ что! Неужели, вмѣсто обѣщаннаго солиднаго бѣса, Сатана, изъ десяти билiоновъ нечистой силы, не могъ прикомандировать ко мнѣ никого лучше этого издерганнаго неврастеника? Орленевъ какой-то, Самойловъ Павелъ, а не чортъ!

Я забылъ, что черти,—какъ говоритъ Ѳома Аквинатъ,—читаютъ мысль человѣческую, какъ открытую книгу.

— Мы всѣ теперь такiе,—вздохнулъ мой чортъ,—извините... сами себѣ не рады, но,—рѣшительно всѣ... всѣ... О, времена! Вотъ, скажу вамъ, чортовы времена! Ну и времена! O, tempora! o, mores!

ЭР03159

И погрузился въ мрачнѣйшую задумчивость.

Я не зналъ, что и думать о немъ, и совершенно терялся, что съ нимъ, этакимъ, теперь дальше дѣлать. Вотъ-те и сюрпризъ! Завелъ себѣ чорта для развлеченія, а, вмѣсто того, самому приходится его развлекать, утѣшать, забавлять и чуть не баюкать.

— Успокойтесь!—сказалъ я ему,—вы, я замѣчаю, чѣмъ-то вообще взволнованы. Но право же, это послѣднее недоразумѣніе съ „дядей“ и жесты дворника не должны смущать васъ такъ сильно. А чтобы доказать дворнику, что вы не какой-нибудь псевдонимъ, но дѣйствительно мой дядя, я нарочно сейчасъ позову его и прикажу поставить для васъ самоваръ...

— Самоваръ?—переспросилъ дьяволъ съ невообразимо трагической интонаціей. Я, не обращая вниманія, продолжалъ:

— И мы съ вами пречудесно напьемся чаю...

— Чаю?!

Дьяволъ вскочилъ съ паркета и смотрѣлъ на меня съ дикой насмѣшкою.

— Можетъ-быть, еще къ окну сѣсть прикажете?—спросилъ онъ злобно.

— Сдѣлайте одолженіе... гдѣ вамъ больше нравится.

— Такъ, такъ... Косоворотку не предложите ли надѣть?

— Если вамъ удобно...

— Да, да... все въ порядкѣ...—усмѣхался онъ язвительнѣйшими звуками и съ гримасами сумасшедшаго отчаянія.—Постойте! Куда же вы идете! Чортъ!

— Во-первыхъ, смѣю вамъ замѣтить, что это не я, а вы—чортъ. Я только грѣшникъ.

— А! Есть тутъ когда чинами считаться! Зачѣмъ вы изъ комнаты-то хотѣли выйти?

— Думалъ позвать своего человѣка...

— Че-ло-вѣ-ка?

Чортъ даже задрожалъ.

— Вы держите человѣка? У васъ есть человѣкъ?

— Держу. А развѣ нельзя?

Дьяволъ дьявольски улыбался.

ЭР03159

— О, можно! Ха-ха-ха! Все... да, да, конечно! Все можно!

— На что вамъ,—взревѣлъ онъ, страшно тараща на меня бѣльма свои,—на что вамъ, провались онъ пропадомъ, понадобился вдругъ вашъ человѣкъ?

— Сказать ему, чтобы ставилъ самоваръ.

— Самоваръ?

— Самоваръ.

— Ха-ха-ха! Не угодно ли? Готово! Уже и самоваръ!

Дьяволъ кружился по комнатѣ, внѣ себя, будто вихрь пустыни.

— Нельзя же пить чай безъ самовара,—возразилъ я.—Нѣмцы мы, что ли? Въ трактирѣ два чайника полагается, а дома самоваръ. У меня хорошій, тульскій,—никкелированный. Хоть г. Челышева угощать и то не стыдно.

Мой резонный тонъ подѣйствовалъ. Чортъ, что называется, осѣлъ—какъ-будто слегка опомнился и утихъ. Однако приказалъ мнѣ,—да, да! не попросилъ, а положительно приказалъ! съ угрозою, съ вызовомъ!—глядя все съ тою же подозрительностью и самымъ сухимъ голосомъ:

— Нѣтъ, ужъ вы, господинъ грѣшникъ, останьтесь... А то у меня душа не на мѣстѣ... Кто васъ знаетъ, чѣмъ вы тамъ... снаружи... займетесь...

Ну, поблагодарю же я Сатану! Вотъ навязалъ нещечко! И—что съ нимъ? Ну, что же съ нимъ, наконецъ, такое? Почему, и какого труса онъ празднуетъ? На видъ этакій бравый! Казалось-бы, никакимъ Иліодоромъ, ниже братцемъ Иванушкой его не смутить, не прошибить, а онъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, передъ дворникомъ и самоваромъ. Надулъ Сатана! Отъ Мефистофеля отговорилъ и навязалъ мнѣ на шею чорта—не чорта,—такъ, чортъ знаетъ что! Знать бы, такъ ужъ лучше даже на Анатэмѣ помириться бы.

А нещечко слѣдитъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Что вы... куда руку протянули?

— Разъ вы не выпускаете меня изъ комнаты, хочу позвонить.

— Позвонить?

Лицо чорта исказилось смертельнымъ ужасомъ.

ЭР03159

— Эта пуговка въ стѣнѣ... зачѣмъ?

— Что это, право, г. чортъ! словно вы никогда раньше не видали? Электрическій звонокъ.

— Звонокъ?

— Звонокъ, звонокъ, обыкновеннѣйшій электрическій звонокъ.

Чортъ едва держался на ногахъ, блѣдный, какъ мѣлъ.

— Ка.. ка... какой ужасъ!—по-лягушечьи какъ-то квакалъ онъ,—вы имѣете въ ква... въ ква... въ квартирѣ такую убійственную вещь, какъ эл... ил... электрическій зве... звя... звонокъ?.. За-а-а-ачѣмъ... чѣмъ... чѣмъ... вамъ нуженъ электрическій звонокъ?

Надоѣлъ онъ мнѣ пуще горькой рѣдьки. За мою же собственную душу да этакую муку терпѣть? Вотъ ужъ именно—купилъ чорта за свои гроши! Нѣтъ, надо съ этимъ психопатомъ покончить! Въ концѣ-концовъ я наниматель, а онъ нанятой служитель. Я господинъ, а онъ лакей. Если демократическою деликатностью ничего съ нимъ подѣлать невозможно, такъ вѣдь я заговорю и en grand seigneur!—и прикрикну, и прибѣгну къ мѣрамъ строгости.

— А вотъ зачѣмъ,—рѣзко сказалъ я и нажалъ пуговку звонка.

И въ тотъ же моментъ присѣлъ, оглушенный нечеловѣческимъ визгомъ. Одурѣвшій чортъ однимъ махомъ очутился въ печкѣ и свистнулъ турманомъ вверхъ черезъ трубу, инда сажа, гудя, посыпалась и наполнила комнату чернымъ облакомъ. Я стоялъ у звонка, чихалъ и ничего не понималъ.

Отъ чорта въ комнатѣ остался только сѣрный запахъ, да какая-то оброненная въ поспѣшномъ бѣгствѣ бумажка. Поднялъ, прочелъ... „Предписывается оказывать предъявителю сего полное и совершенное содѣйствіе“...

О, черти! черти! Какъ? И вы, черти? Tu quoque, diabole?

Посылаю чортовъ документъ В. Л. Бурцеву—къ пополненію архива и библіотеки.

ЭР03159

12 Июл 1919

ДВГНБ

ЭР03159

13 АВГ 1919

3ф

15/XI–24

3/VII

11/II

3/I 2бн

26/VI

4/VII

4/II

ДВГНБ

ЭР03159

ДВГНБ

ЭР03159

ЭР03159

ДВГНБ